

ХРОНИКИ РАСКОЛОТОГО ТРОНА

КОНЮШЕНКО ЭГОР

18+

Егор Конюшенко
Хроники Расколотого Трона

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Хроники Расколотого Трона / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Бывший лавочник Арден Рив получает заказ, который навсегда меняет его жизнь: доставить запечатанный ящик через земли, где даже опытные наёмники боятся ступить. Его спутница — легендарная лучница, его цель — выжить, а груз — древний артефакт, способный погубить мир. Чтобы спасти себя и тех, кто идёт с ним, Ардену придётся овладеть силой, которая медленно пожирает его душу. Но что, если единственный способ победить тьму — стать её частью, и цена за победу окажется выше, чем он готов заплатить?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Глава 1. Испытание ветром	5
Часть I. Глава 2. Первая кровь	10
Часть I. Глава 3. Дорога, устланная пеплом	17
Часть I. Глава 4. Клятва на пепле	21
Часть I. Глава 5. Тени за белыми стенами	28
Часть I. Глава 6. Прощание с Серебряным светом	34
Часть I. Глава 7. Потерявшая счёт	39
Часть I. Глава 8. Искра среди пепла	44
Часть I. Глава 9. Искра в золе	48
Часть I. Глава 10. Отказ от роли	56
Часть I. Глава 11. Тень и стрела	64
Часть I. Глава 12. Серебро без прошлого	72
Часть II. Глава 13. Сделка в сумерках	78
Часть II. Глава 14. Серебряная Стрела	84
Часть II. Глава 15. Дорога к Чаше	90
Часть II. Глава 16. Тени и корни	98
Часть II. Глава 17. Крик в темноте	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Егор Конюшенко

Хроники Расколотого Трона

Часть I. Глава 1. Испытание ветром

Ветер дул с востока — колючий, настырный, как старый пёс, который не знает, когда пора убраться с дороги. Он рвал полы серого плаща Вельды, трепал выбившиеся из косы пепельные волосы и на лету менял траекторию каждой капли дождя, который всё никак не решался перейти в настоящий ливень. На полигоне, вырубленном в скальном уступе на полпути к цитадели Ордена Серебряных Часовых, ветер был хозяином. И он не любил новичков.

Мишень стояла в двухстах шагах — чёрный круг на белом полотнище, тускло поблескивавший от влаги. Для обычного лучника дистанция была почти шутовской: стрела уйдёт в сторону раньше, чем долетит до цели. Но Вельда не была обычным лучником.

— Ты видишь её? — голос наставника Орлина прозвучал за спиной.

Он стоял у самого края площадки, скрестив руки на груди, и его тень, длинная и узкая, падала на мокрые камни. Единственный глаз Орлина — левый был закрыт белой пеленой старого шрама — смотрел на неё с той особенной, оценивающей прищуркой, которую она знала с двенадцати лет.

— Или ветер у тебя в голове сильнее, чем за спиной?

— Я вижу, — ответила Вельда, не оборачиваясь.

Она стояла в стойке — ноги на ширине плеч, левое плечо вперёд, лук в опущенной руке, тетива ещё не натянута. Древяк из ясеня, гладкое, как слонобая кость, — её собственный лук, тот, который она выстругала сама, когда ей было четырнадцать. Орлин сказал тогда: «Кривой, как моя совесть». Но он же сказал и: «Тетиву не перекосило. Работа годная».

Она слушала ветер — не ушами, а кожей, той самой, что учили её чувствовать все девять лет, проведённые в Ордене. Ветер дул с востока, срывался с гребня горы, падал вниз и кружил по плацу, закручивая лужи в невидимые водовороты. Он был не ровным, а рваным — как дыхание человека перед сном. Сначала толчок, потом затишье, снова толчок — и снова пауза. Вельда считала эти толчки, как считают удары сердца. Первый — вдох. Второй — выдох. Третий — сейчас.

— Ты торгуешься с ветром, — сказал Орлин. — Я не учил тебя торговаться. Я учил тебя стрелять.

— А я учусь и тому, и другому, — ответила она.

Она подняла лук — медленно, плавно, как поднимают чашу на пиру. Тетива коснулась правой щеки, а левая рука, вытянутая вперёд, замерла на мгновение, поймав момент, когда ветер затих. И в это затишье она выдохнула — не воздух, а напряжение, — и отпустила пальцы.

Стрела сорвалась с тетивы не со свистом, а с тихим, почти ласковым шёпотом. Она не летела по прямой — она танцевала, подхваченная порывом, который Вельда предвидела, но не могла остановить. Чёрное оперение крутнулось в воздухе, и на миг ей показалось, что стрела уйдёт в сторону, влево, к краю мишени. Но она не ушла. Она скользнула вдоль ветра, как ныряльщик вдоль волны, и ударила точно в центр чёрного круга.

В тишине, наступившей после выстрела, было слышно, как капает вода с края её лука.

Орлин не аплодировал. Не хвалил. Он подошёл к краю площадки и долго смотрел на мишень, на стрелу, которая торчала из центра точнёхонько между двумя старыми пробоинами — теми, что оставили её же стрелы двумя годами раньше, когда дистанция была вдвое меньше.

— Ты схитрила, — сказал он наконец, и в голосе его послышалось нечто среднее между осуждением и гордостью. — Ты дождалась затишья. В бою враг не будет ждать, пока ветер стихнет.

— В бою, — ответила Вельда, убирая лук за спину и выпрямляясь, — я не буду стоять на одном месте и позволять ветру командовать мной. Я изменю позицию. Враг тоже изменит позицию. А когда оба изменят — посмотрим, кто быстрее.

Орлин усмехнулся. Это была та самая усмешка, которую Вельда видела всего несколько раз за девять лет, — кривая, редкая, почти болезненная, как у человека, который давно забыл, что такое улыбаться.

— Ты всегда была нахальной, — произнёс он и, вытянув руку, указал на дальний конец плаца, где под навесом собрались остальные новобранцы. — Иди к ним. Скажи, что испытание пройдено. А потом зайди в оружейную. Я буду там.

Она кивнула, не говоря ни слова, и зашагала через плац. Ветер всё ещё дул, но теперь он казался ей не врагом, а просто шумом — тем, что остаётся за спиной, когда ты идёшь вперёд.

Под навесом было тесно и сыро. Пятеро новобранцев — таких же, как она, юных и неуклюжих, — стояли, прижавшись к стене, и на их лицах читалось то же самое, что она чувствовала в своей груди: смесь страха и надежды. Только один из них, высокий парень с тёмными, зачёсанными назад волосами и острым, хищным лицом, выглядел иначе. Он скрестил руки на груди и смотрел на Вельду с выражением, которое она не могла расшифровать: ни восхищения, ни зависти. Просто — оценка.

— Справилась? — спросил он, и в голосе его послышалась лёгкая, почти неуловимая усмешка.

— Я всегда справляюсь, — ответила Вельда и, не останавливаясь, прошла мимо.

Она знала, что он смотрит ей в спину. Она чувствовала его взгляд — тяжёлый, как свинец, и в то же время лёгкий, как перо. Его звали Каллан. И он был сыном командира.

В оружейной пахло маслом, старым деревом и чем-то ещё — тем особым, сладковатым запахом, который остаётся от хорошо выделанной кожи, если за ней правильно ухаживать. Орлин стоял у дальней стены, у массивного дубового стола, и перебирал что-то в открытом ящике. На столе, покрытом зелёным сукном, лежали медальоны — серебряные, с дубовым листом и перекрещёнными стрелами, тот самый знак Ордена Серебряных Часовых, который носила вся стража, от новобранца до командира.

— Подойди, — сказал Орлин, не оборачиваясь.

Она подошла и замерла в шаге от стола. Орлин взял один из медальонов — тот, что лежал с краю, чуть поблёкший, но без единой царапины, — и, повернувшись, вложил его в её раскрытую ладонь.

Серебро было холодным, но холод этот, странное дело, не обжигал — он был скорее приятным, как утренняя роса после бессонной ночи. Вельда поднесла медальон к свету, разглядывая дубовый лист — символ стойкости, как говорили наставники, — и перекрещённые стрелы — символ точности.

— Отныне ты — Серебряная Стрела, — произнёс Орлин, и в голосе его не было ни торжественности, ни пафоса. Только усталая, тёплая уверенность человека, который видел сотни новобранцев, но почему-то именно в эту девушку вложил чуть больше, чем в остальных. — Ты прошла испытание. Ты носишь знак. С этого дня ты — часть Ордена. И не важно, что ты думаешь о Свете, о Тьме или о том, кто из них прав. Важно только одно: ты будешь защищать тех, кто не может защитить себя. Тех, кто верит в справедливость. Тех, кто слабее тебя.

— Я знаю, — ответила Вельда, и слова эти прозвучали не как клятва, а как простое, естественное обещание.

Она застегнула цепочку медальона на шее и почувствовала, как серебро коснулось кожи — холодное, чужое, но уже почти своё. Она не знала тогда, что этот медальон будет с ней

всю жизнь. Что она снимет его только один раз — и потом наденет снова, в другую эпоху, в другую жизнь. Что он станет её проклятием и её спасением. Но тогда, в оружейной, при свете масляной лампы и под взглядом наставника, она просто стояла и дышала. И ветер за окном, наконец, стих.

Вельда вышла из оружейной, и ветер ударил в лицо с новой силой — словно обиделся, что она его перехитрила, и теперь пытался взять реванш. Она подняла воротник плаща, чувствуя, как серебряный медальон холодит грудь под тканью рубахи. Тяжесть его была непривычной — не как утренняя роса, а как маленький якорь, который теперь всегда будет с ней. Она ещё не знала, удержит ли он её на плаву или утянет на дно. Но пока, в этот короткий миг между испытанием и тем, что ждало впереди, он казался ей самым правильным грузом, какой она когда-либо носила.

Под навесом, куда она направилась, новобранцы не расходились. Их было четверо, если не считать Вельду, — и каждый из них стоял или сидел так, словно уже выбрал себе место в этом мире и не собирался ни с кем его делить. Двое парней, две девушки. Все в одинаковых серых плащах, все с одинаковыми деревянными луками в чехлах за спиной. Но одинаковыми они не были.

Она узнала Каллана сразу — тот стоял, прислонившись плечом к столбу, и вертел в пальцах какую-то деревянную щепку. На вид ему было около восемнадцати — на два года старше её, если считать по глазам, которые смотрели на мир с той особенной, староватой усталостью, какая бывает у людей, выросших в тени чужих ожиданий. Рядом с ним, чуть в стороне, стоял другой парень — невысокий, но широкий в плечах, с густыми рыжеватыми бровями и круглым, румяным лицом, которое никак не вязалось с его мрачным, почти угрюмым выражением. Одежда его, даже серый плащ, была сшита из ткани более тонкой, чем у остальных, а ботинки, выглядывающие из-под полы, были не простыми сапогами, а мягкой, выделанной кожей — такую Вельда узнала по воротнику, такие носили только в столице. Аристократ. Или, по крайней мере, сын кого-то, кто мог позволить себе не считать монеты.

Две девушки стояли поодаль друг от друга. Одна, высокая и худая, с длинными, собранными в конский хвост русыми волосами, смотрела на Вельду с выражением, которое она не могла расшифровать: не враждебность, но и не дружелюбие. Вторая — маленькая, почти незаметная в тени столба — держалась так, будто хотела стать частью стены. Её тёмные волосы были коротко острижены, а глаза, огромные и почти чёрные, смотрели на мир с тем особым, звериным вниманием, какое бывает у людей, которые привыкли, что их не замечают. Вельда узнала этот взгляд. Она сама смотрела так в первые годы в Ордене.

— Ну что, — произнёс рыжеватый парень, первым нарушив молчание, — значит, ты та самая. Серебряная Стрела. Я слышал, как тебя называли. Уже.

В голосе его звучало не уважение, скорее — любопытство, смешанное с лёгкой, едва заметной насмешкой. Он шагнул вперёд и протянул руку — широкую, с короткими, ухоженными ногтями.

— Эдрик. Эдрик Восс. Мой отец — барон Восс. Возможно, слышала.

— Не слышала, — ответила Вельда и пожала протянутую руку — коротко, без лишней силы. — Я вообще мало о ком слышу. Мне это не нужно.

Эдрик усмехнулся, но усмешка его была не злой — скорее удивлённой. Он явно не привык, чтобы его имя не производило впечатления.

— Прямолинейно, — сказал он. — Мне нравится. Хотя, знаешь, в столице такой подход быстро оставляет человека без друзей.

— Я не в столице, — ответила Вельда и перевела взгляд на девушку с русым хвостом.

Та стояла, скрестив руки на груди, и её лицо, узкое и бледное, было непроницаемым. В отличие от Эдрика, она не сделала шага вперёд и не произнесла ни слова. Вельда ждала, но тишина затягивалась.

— Это Мара, — сказал Каллан, не оборачиваясь. Он всё ещё вертел в пальцах шепку, но теперь, кажется, делал это чуть медленнее, прислушиваясь к разговору. — Она не говорит много. Но стреляет почти так же хорошо, как ты. Почти.

— Почти, — повторила Мара, и голос её был тихим, как шорох листьев. — Это значит — хуже.

— Это значит — иначе, — поправил Каллан и наконец повернулся.

Он смотрел на Вельду в упор — прямо, без стеснения, как смотрят на противника перед схваткой. Но в глазах его не было вызова. Было что-то другое — то самое, что она почувствовала ещё на плацу, когда он провожал её взглядом. Оценка. И, возможно, интерес.

— Ты дождалась затишья, — сказал он, и в голосе его послышалась та же интонация, с какой Орлин говорил о её хитрости. — Это умно. Но это не всегда сработает. Иногда ветер не стихает. Иногда нужно стрелять в его середину, а не ждать, пока он уйдёт.

— Я знаю, — ответила Вельда. — Я просто не хотела рисковать. Не сегодня.

Он чуть прищурился, и на его губах появилась та самая, почти неуловимая усмешка, которую она видела раньше.

— А кто ты? — спросила Вельда, обращаясь к Маре. — Ты ведь тоже новобранец? Тоже сдавала испытание?

— Сдавала, — ответила Мара. — Провалила.

Вельда моргнула. Провалила? Но она стояла здесь, под навесом, вместе с остальными. Это значило, что её не выгнали.

— Она не провалила, — сказал Каллан, и в голосе его послышалась та особая, сдержанная твёрдость, которая не терпела возражений. — Она попала в мишень. Просто не в центр. Орлин сказал, что у неё есть потенциал, но нужно время. Так что она остаётся. Как ученица. Пока.

— Пока, — повторила Мара, и в этом слове прозвучало столько горечи, сколько Вельда не слышала даже от самых старых солдат.

Она хотела что-то сказать — что-то ободряющее, что-то, что стёрло бы эту горечь с лица Мары, — но не нашла слов. Вместо этого она просто кивнула и отвела взгляд, снова посмотрев на Каллана.

— А ты? Ты ведь сын командира. Тебе не нужно было проходить испытание, верно?

— Нужно, — ответил он, и в голосе его послышалась та же стальная нотка, что и минуту назад. — Я проходил. Три года назад. Сдал. Но это не важно. Важно то, что я здесь. Как и вы.

Он замолчал, и в тишине, наступившей после его слов, Вельда вдруг осознала, что смотрит на него дольше, чем следовало бы. И он смотрит на неё. Не как на соперницу. Не как на врага. Как на равную.

— Ты лучшая, — сказал он негромко, и слова эти упали в тишину, как камни в воду. — Я видел твой выстрел. Я видел, как ты стояла. Ты лучшая из всех, кого я встречал.

Вельда не знала, что ответить. Она привыкла к похвалам от Орлина — скупым, деловым, почти безличным. Но здесь, под навесом, под взглядами чужаков и одного, кто, кажется, уже решил, кто она такая, эти слова прозвучали иначе. Тяжелее. И в то же время — легче.

— Я не лучшая, — сказала она наконец. — Я просто делаю то, что умею.

— Именно, — ответил Каллан, и его усмешка стала чуть шире. — Именно это и делает тебя лучшей.

Он отвернулся и зашагал прочь, и его шаги гулко отдавались по мокрым камням. Эдрик проводил его взглядом и хмыкнул.

— Сын командира, — произнёс он, и в голосе его послышалась та же смесь уважения и насмешки, что и раньше. — У него всегда были особенные манеры. Но он прав. Ты действительно хороша. Я, например, никогда не смог бы попасть с двухсот шагов при таком ветре.

— Это потому, что ты слишком много думаешь о том, куда попадёшь, — ответила Вельда, и слова эти сорвались с её губ прежде, чем она успела их остановить.

Эдрик удивлённо поднял брови, а затем рассмеялся — коротко, искренне.

— Знаешь, — сказал он, — я думал, что ты будешь скучной. Как все эти праведные лучники, которые молятся на Свет и не видят ничего за пределами своей мишени. А ты, оказываясь, умеешь быть острой на язык. Это хорошо. Это нам пригодится.

Он развернулся и пошёл вслед за Калланом, оставив Вельду стоять под навесом вместе с Марой, которая всё ещё смотрела на неё с той же тихой, непроницаемой печалью.

— Ты не провалилась, — сказала Вельда, обращаясь к ней. — Ты просто ещё не попала.

Мара не ответила. Но на мгновение, всего на одно короткое мгновение, её губы дрогнули. Это не было улыбкой. Но это было началом.

Дождь наконец-то начался — мелкий, частый, почти невесомый, — и новобранцы стали расходиться по палаткам, оставляя позади этот день, который для каждого из них стал первой ступенью. Где-то за стенами цитадели, в лесу, ветер всё ещё гулял по кронам деревьев. Но здесь, под защитой камня и дерева, было тихо. И в этой тишине Вельда впервые за долгое время почувствовала, что она не одна. Что у неё есть товарищи. Что у неё есть путь. И что этот путь только начинается.

Часть I. Глава 2. Первая кровь

Лагерь Ордена Серебряных Часовых раскинулся в долине у подножия цитадели — три десятка палаток из плотной, пропитанной воском ткани, несколько навесов для тренировок и длинная, вытоптанная площадка, на которой новобранцы учились не просто стрелять, а сражаться. Пахло здесь сыростью, прелой листвой и тем особым, острым запахом, который остаётся от разогретой тетивы и свежеструганого дерева.

Утро третьего дня после посвящения выдалось ясным и холодным. Вельда стояла в шеренге вместе с остальными, чувствуя, как пальцы, даже в кожаных перчатках, начинают коченеть от утреннего морозца. Лук, её собственный ясеневый лук, лежал на плече, и она машинально поглаживала тетиву, проверяя, не ослабла ли она за ночь.

— Сегодня, — голос наставника Орлина прозвучал над площадкой, перекрывая шум ветра и шелест шагов, — вы будете стрелять не по мишеням. Мишени не двигаются. Мишени не убегают. Мишени не пытаются убить вас, пока вы целитесь. — Он сделал паузу, и в наступившей тишине каждый услышал, как где-то в лесу каркнула ворона. — Сегодня вы будете стрелять по движущимся целям.

Из-за навеса выкатили тележку — низкую, с деревянными колёсами, — и на ней, укреплённые на длинных шестах, висели несколько деревянных щитов, раскрашенных в тёмно-серый цвет, как доспехи врага. К тележке была привязана верёвка, и один из старых служителей Ордена, стоящий поодаль, готовился дёрнуть за неё, чтобы привести механизм в движение.

— Каждый из вас, — продолжал Орлин, медленно прохаживаясь вдоль шеренги, — получит по три стрелы. Три попытки. Цель будет двигаться по дуге, слева направо, со скоростью бегущего человека. Вы должны поразить центр щита. Не край, не верх — центр. Если попадёте — считайте, что справились. Если нет, — он усмехнулся той самой редкой усмешкой, которую Вельда уже начинала узнавать, — значит, будете тренироваться до тех пор, пока не попадёте.

По шеренге пробежал тихий шепоток. Эдрик, стоявший справа от Вельды, скосил глаза и едва слышно фыркнул:

— Бегущий человек. На тележке. Интересно, а если я промахнусь, он даст мне второй шанс в настоящем бою?

— Тишина! — рявкнул один из помощников Орлина, и шепоток стих.

Первым стрелял Эдрик. Он подошёл к черте, врытой в землю, поднял лук — дорогой, с инкрустацией, явно подарок отца, — и замер в ожидании. Тележка, которую служитель отпустил, покатила по дуге, и щиты на шестах завертели, как мельничные крылья. Эдрик прищурился, натянул тетиву и выстрелил. Стрела прошла мимо цели, ударив в тележную ось с глухим, разочарованным стуком.

— Мимо, — спокойно констатировал Орлин, не повышая голоса. — Следующий.

Эдрик, стиснув зубы, отошёл в сторону, и на его место шагнула Мара. Она стреляла медленно, почти задумчиво, и её первая стрела вонзилась в край щита, не долетев до центра. Вторая — чуть ближе. Третья — зацепила самый край, оставив на дереве тонкую, белую царапину.

— Почти, — сказал Орлин, и в голосе его послышалось что-то похожее на одобрение. — Почти, но не совсем. Следующий.

Вельда шагнула вперёд. Она не смотрела на тележку, не считала обороты колёс, не пыталась предугадать, когда щит окажется прямо перед ней. Вместо этого она стояла неподвижно, опустив лук, и ждала.

— Ты будешь стрелять? — спросил помощник, нахмурившись.

— Я буду стрелять, — ответила Вельда, — когда она пройдёт второй круг.

Орлин поднял бровь, но не сказал ни слова. Тележка сделала полный оборот, и Вельда, всё ещё не поднимая лука, считала про себя удары колёс о камни. Пять, шесть, семь. Восьмой

удар — щит застыл на мгновение в верхней точке дуги, прежде чем начать спуск. И в это мгновение она подняла лук, натянула тетиву и выстрелила.

Стрела вошла точно в центр щита, пробив дерево насквозь и застряв в шесте.

Тишина стала такой глубокой, что Вельда услышала, как где-то далеко, за пределами лагеря, тикает колокол на цитадели.

Орлин медленно, очень медленно перевёл взгляд с щита на Вельду. Его единственный глаз сузился, и на мгновение ей показалось, что он сейчас скажет: «Случайность». Но он не сказал этого.

— Как ты узнала? — спросил он тихо, так, чтобы слышала только она. — Как ты поняла, что она замедлится в верхней точке?

— Я не знала, — ответила Вельда, опуская лук. — Я посчитала. На первом круге тележка прошла дугу за тридцать один удар колёс. На втором — за тридцать. Третьего круга не было, потому что служитель держал верёвку слишком туго, но если бы он отпустил, она бы прошла за двадцать девять. Каждый раз она замедляется в верхней точке, потому что верёвка натягивается сильнее. Я просто подождала, пока это произойдёт.

Орлин долго смотрел на неё. Затем медленно перевёл взгляд на щит, на стрелу, которая торчала из центра, и в его глазах, обычно холодных и оценивающих, мелькнуло что-то новое. То, что Вельда никогда раньше не видела.

— Ты считаешь удары колёс, — произнёс он негромко, и в голосе его послышалась та особая, редкая нота, какая бывает у людей, которые только что заметили нечто важное. — Ты считаешь шаги врага. Ты считаешь его дыхание. Ты считаешь всё, что можно посчитать, и используешь это, чтобы стрелять не тогда, когда ты готова, а тогда, когда цель готова для тебя.

— Я просто хочу попасть, — ответила Вельда.

— Нет, — сказал Орлин, и его голос стал твёрже, словно он принял какое-то важное решение. — Ты хочешь не просто попасть. Ты хочешь понять, как устроен мир, чтобы знать, куда будет двигаться цель ещё до того, как она начнёт двигаться. Это редкий дар. И я не собираюсь его тратить.

Он повернулся к остальным новобранцам и поднял руку, призывая к тишине.

— Тренировка окончена, — объявил Орлин. — Остальные — разойтись по палаткам. Вельда — останься.

Когда площадка опустела и шаги новобранцев затихли вдали, Орлин подошёл к ней и остановился в шаге, глядя сверху вниз — не как на новобранца, не как на ученицу, а как на равную.

— Я видел много стрелков, — сказал он, и в голосе его не было ни похвалы, ни осуждения, только холодная, трезвая констатация факта. — Я учил их считать дыхание, учил чувствовать ветер, учил двигаться в такт ударам сердца. Но никто из них не считал колёса тележки. Никто из них не понимал, что цель — это не просто мишень. Это механизм. Система. Связь между движениями. Ты увидела эту связь. И это значит, что ты видишь не одну стрелу. Ты видишь всю битву.

Вельда не знала, что ответить. Она стояла, сжимая в руках лук, и чувствовала, как холодный ветер касается её щёк, а серебряный медальон на груди тяжелеет, словно впитывая в себя эти слова.

— Я хочу, чтобы ты стала моим учеником, — произнёс Орлин, и слова эти упали в тишину, как камни в воду. — Личным. Не просто новобранцем, не просто стрелком. Тем, кого я буду учить не только стрелять, но и видеть. Понимаешь?

Она кивнула. Не потому, что у неё был выбор. А потому, что она вдруг поняла: он предлагает ей нечто большее, чем просто обучение. Он предлагает ей стать тем, кем она всегда хотела стать. Не просто лучницей. Тем, кто видит мир иначе.

— Я согласна, — сказала она, и голос её прозвучал ровно, без дрожи.

Орлин кивнул и, развернувшись, зашагал прочь, но у самого края площадки остановился и бросил через плечо короткую фразу, которую Вельда запомнит на всю жизнь:

— Завтра на рассвете. Оружейная. Не опаздывай.

Он ушёл, оставив её одну на пустой площадке. Ветер всё ещё дул, но теперь он казался ей не врагом, а союзником — тем, кто шепчет на ухо тайны, которых не знают другие. Она подняла голову к серому небу и, сжав в руке серебряный медальон, произнесла одними губами: «Я стану лучшей. Я должна».

Где-то на краю лагеря, в тени старой ели, стоял Каллан. Он видел всё — как она считала удары, как ждала, как выстрелила точно в центр, как Орлин подошёл к ней и сказал то, что никогда не говорил никому из новобранцев. В его глазах, обычно холодных и оценивающих, мелькнуло что-то новое. Не уважение — это слово было слишком простым. Скорее, признание. Он понял, что Вельда не просто лучница. Она — та, кто будет менять правила игры. Но он не подошёл к ней. Он развернулся и ушёл, оставив её стоять одну на ветру. Потому что знал: её время ещё не пришло. Но оно приближалось. Быстро.

Караван вышел из ворот цитадели на рассвете следующей недели — два десятка повозок, гружённых зерном, вяленным мясом и бочками с вином, которые должны были дойти до южных городов, где ещё не закончилась зима. Купцы, нанявшие охрану, были людьми практичными — они не платили за лишние слова и не тратили времени на знакомства. Вельде это даже нравилось: меньше разговоров, меньше вопросов. Просто дорога. Просто задача.

Отряд, сопровождавший караван, состоял из шести человек — четверо новобранцев, которых Орлин решил проверить в деле, и два ветерана, на случай если что-то пойдёт не так. Командовал ими старый сержант по имени Ульрик, человек с лицом, изрезанным морщинами, и левой рукой, которая не сгибалась в локте — память о старой ране. Он не тратил времени на объяснения, просто указал каждому его место: Эдрик и Мара в авангарде, Вельда и Каллан — по бокам, ветераны — в арьергарде.

— Если увидите что-то подозрительное, — сказал Ульрик, и голос его звучал так, будто он повторял эти слова в сотый раз, — не кричите. Не паникуйте. Просто дайте знак. Если нападут — не лезьте вперёд всех. Держите строй. Вы не герои. Вы — стена.

Вельда слышала эти слова, но не слышала их — так, как слышат наставления, которые кажутся слишком простыми, чтобы быть важными. Она сидела на лошади, сжимая в руках лук, и смотрела на дорогу, уходящую в лес. Дорога была узкой, петляла между деревьями, и в тени, лежавшей под кронами, ей чудилось движение — то, чего не было.

— Нервничаешь? — спросил Каллан, поравнявшись с ней. Он держался легко, почти небрежно, и его лук висел за спиной, а не в руках.

— Нет, — ответила Вельда, хотя это было неправдой.

— Врёшь, — сказал он без осуждения. — Это нормально. Первый раз всегда страшно. Ты боишься не того, что тебя убьют. Ты боишься, что не справишься. Что подведёшь других.

Она ничего не ответила, потому что он попал в самую точку.

Два дня пути прошли без происшествий. Они пересекли равнину, миновали два небольших селения, где купцы обменялись припасами, и углубились в лес, который на картах назывался «Тёмный Лог» — не потому, что в нём водилась нечисть, а потому, что здесь, по слухам, орудовали бандиты, сбившиеся с дороги и забывшие, что такое закон.

На третий день, когда солнце уже клонилось к закату, а тени от деревьев начали сливаться в одну сплошную темноту, они услышали крик. Он донёсся откуда-то слева, из чащи, и был не военным — не боевым кличем, не приказом. Это был крик ужаса. Крик человека, который понял, что его сейчас убьют.

— Строй! — рявкнул Ульрик, и его голос перекрыл шум леса.

Вельда развернула лошадь и увидела, как из кустов, ломая ветки и разбрасывая листву, выбегают фигуры — четыре, пять, семь. Все в грязных плащах, с замотанными тряпьем лицами

и оружием в руках: ржавые мечи, обломки копий, один даже с топором, похожим на колун для дров. Они бежали прямо к каравану, целясь не в стражу — в повозки, в купцов, в тех, кто не мог защитить себя. Один из них, самый крупный, схватил старика, выпавшего из повозки, и занёс нож над его горлом.

Вельда не думала. Она не считала ударов сердца, не ждала ветра, не анализировала траекторию. Она просто сделала то, чему её учили девять лет. Натянула тетиву и выстрелила.

Стрела вошла разбойнику в плечо — туда, где плащ расходился у ворота, — и он, вскрикнув, выронил нож и отшатнулся. Но не упал. Он повернулся к ней, и в его глазах, мелькнувших из-под грязной повязки, она увидела не страх — ярость. И в этой ярости она увидела то, чего не видела раньше: человека. Живого, злого, испуганного. Но врага.

Она выпустила вторую стрелу — на этот раз не в плечо, а в грудь. Он упал, как подрубленное дерево, и ударился спиной о корни старой сосны, застыв с открытыми глазами, устремлёнными в небо, которого он больше никогда не увидит.

Бой закончился так же быстро, как начался. Каллан, уже спешившийся, добил ещё одного бандита ударом меча, а Ульрик, не слезая с коня, прикончил третьего копьём. Остальные разбежались, исчезнув в лесу так же внезапно, как появились. Тишина, наступившая после криков, была оглушительной.

Вельда сидела на лошади, не двигаясь. Её руки, сжимавшие лук, дрожали так сильно, что тетива вибрировала, издавая едва слышный, жалобный звук. Она смотрела на тело, лежащее у сосны, на стрелу, торчащую из груди, на кровь, которая растекалась по земле, впитываясь в мох и сухие иглы.

— Слезай, — раздался голос Каллана. Он стоял рядом, держа в руке меч, ещё не вытертый от крови. — Слезай с лошади. Ты нужна здесь.

Она не помнила, как спешила. Не помнила, как подошла к телу. Она смотрела на него сверху вниз, на лицо, которое уже начало сереть, на глаза, которые уже не смотрели ни на что. И внутри неё, где-то под рёбрами, что-то сжалось — не боль, не страх, а что-то другое, чему она не знала названия.

— Ты спасла жизнь, — сказал Каллан, и его голос, обычно холодный и сдержанный, стал тише, почти мягче. — Ты спасла старика. Если бы ты не выстрелила, он был бы мёртв. Запомни это.

Вельда не ответила. Она стояла над телом и смотрела на свои руки — руки, которые только что убили человека. Она знала, что должна чувствовать что-то — ужас, вину, сожаление. Но внутри была только пустота. Та самая пустота, которая возникает, когда делаешь то, что должен, и не знаешь, как с этим жить дальше.

— Первый раз всегда такой, — сказал Каллан, и в голосе его послышалась странная, почти усталая теплота. — Ты думаешь, что должна чувствовать. А потом понимаешь, что чувства — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить. Ты сделала правильный выбор. Ты спасла невиновного. Всё остальное не важно.

Он положил руку на её плечо — легко, почти невесомо, — и Вельда почувствовала, как тепло его ладони проникает сквозь ткань плаща, сквозь кожу, сквозь ту пустоту, что поселилась в её груди.

— Идём, — сказал он. — Нам нужно осмотреть раненых.

Она кивнула и, сделав шаг, заставила себя отвести взгляд от тела. Она шла за Калланом, чувствуя, как дрожь в руках медленно утихает, а вместе с ней уходит и то странное, незнакомое чувство, которое она не могла назвать. Она не знала тогда, что это чувство вернётся — снова и снова, после каждой битвы, после каждого выстрела, после каждой смерти, которую она принесёт в этот мир. Но в этот момент, в тишине леса, под взглядами товарищей, она впервые осознала, что значит быть защитником. Это значит убивать. Чтобы спасти. И, как ни странно, в этом осознании не было ни страха, ни сожаления. Только холодная, твёрдая решимость.

Ночью, когда караван остановился на привал, она сидела у костра и смотрела в огонь. Рядом с ней, на бревне, устроился Каллан. Он не смотрел на неё — просто сидел и молчал, и этого было достаточно.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— За что? — спросил он.

— За то, что не сказал, что это было легко.

Он усмехнулся — той самой, кривой усмешкой, которую она видела в день их первой встречи.

— Это никогда не будет легко, — сказал он. — Если тебе станет легко — значит, ты перестанешь быть человеком. А ты не хочешь этого, верно?

— Не хочу, — ответила она.

— Тогда запомни: ты спасла жизнь. Ты всегда будешь спасать жизни. Иногда ценой других жизней. Это и есть твой путь. Ты должна научиться принимать это.

Она не ответила. Просто сидела и смотрела в огонь, чувствуя, как тепло разливается по телу, согревая руки, лицо, сердце. Где-то за её спиной, в темноте, лежал тот, кого она убила. И она знала, что никогда не забудет его лица. Но она также знала, что никогда не забудет и лица старика, которого она спасла. И в этом знании, странном и противоречивом, она нашла для себя что-то важное. Не ответ. Но направление. Путь, который только начинался.

Цитадель Ордена Серебряных Часовых встретила их золотым закатом — тем редким, осенним светом, который делает даже серый камень тёплым, а суровые стены — почти уютными. Караван, оставшийся позади, уже разошёлся по своим делам, и отряд, ведомый Ульриком, въезжал во внутренний двор, когда солнце коснулось шпилей главной башни, окрашивая их в цвет старой меди.

Вельда сидела в седле прямо, чувствуя, как каждый мускул напряжён после трёх дней пути и одного короткого, но такого долгого боя. Лук, зачехлённый за спиной, всё ещё хранил в своём древке тепло её рук, и она не могла перестать сжимать поводья, даже когда лошадь уже остановилась. Руки дрожали, но теперь это была не та дрожь, что после первого выстрела. Дрожь усталости. Дрожь человека, который только что вернулся с войны и ещё не знает, как снова стать собой.

— Всем спешиться, — голос Ульрика, низкий и хриплый, прозвучал над двором. — Оружие — в оружейную. Отчёт — командиру. Раненых — в лазарет. Остальным — отдых до завтрашнего утра.

Она спрыгнула с лошади, и ноги, привыкшие к седлу, на мгновение подкосились. Она устояла. Рядом, уже спешившийся, стоял Каллан. Он не смотрел на неё — он смотрел вперёд, на главную башню, откуда, как она знала, за ними наблюдали.

— Ты справилась, — сказал он негромко, так, чтобы слышала только она. — Ты справилась лучше, чем многие ветераны. Ты не растерялась, не запаниковала, не побежала. Ты сделала то, что должна была.

— Я убила человека, — ответила она, и голос её прозвучал ровно, почти безразлично, хотя внутри всё ещё жил тот странный, незнакомый холод.

— Ты спасла жизнь, — поправил он, и в голосе его послышалась та же стальная нотка, что и тогда, в лесу. — Запомни это. Всё остальное — просто цена. А цена, которую мы платим, всегда меньше той, которую платят те, кто не умеет защищать себя.

Она хотела ответить, но не успела. Из главных ворот, миновав стражу, быстрым шагом вышел Орлин. Его единственный глаз, обычно холодный и оценивающий, сейчас смотрел на неё с выражением, которого она не могла расшифровать. Не одобрение. Не удивление. Что-то среднее.

— Вельда, — сказал он, останавливаясь в трёх шагах от неё. — Ко мне. Остальные — по палаткам.

Она повернулась к Каллану, но он уже отходил, и в его спине она прочитала то же, что чувствовала сама: ожидание. Все ждали, что скажет Орлин. Все знали, что сегодня произошло что-то важное.

Она пошла за ним через двор, мимо фонтана с облупившимся камнем и старого дуба, под которым новобранцы собирались по вечерам, чтобы слушать истории ветеранов. Орлин не оглядывался, не замедлял шага. Он просто шёл, и она шла за ним, чувствуя, как взгляды остальных — стражей, служителей, даже случайных прохожих — скрещиваются на её спине.

В оружейной, куда он привёл её, пахло знакомым маслом и старым деревом. На столе, покрытом зелёным сукном, лежали её стрелы — те самые, что она выпустила в лесу. Орлин взял одну из них, поднёс к свету и долго рассматривал.

— Ты попала в плечо, — сказал он, не оборачиваясь. — Вторым выстрелом — в грудь. Оба выстрела — с седла. Оба — на скаку. Оба — в движении.

— Да, — ответила она, хотя он не задавал вопроса.

— Ты не промахнулась ни разу.

— Я не могла промахнуться, — сказала она, и голос её дрогнул — самую малость, почти незаметно. — Если бы я промахнулась, старик был бы мёртв.

Орлин медленно, очень медленно повернулся к ней. Его единственный глаз смотрел прямо на неё, и в нём не было ни похвалы, ни осуждения. Только то странное, глубокое внимание, которое она видела, когда он впервые сказал ей: «Я хочу, чтобы ты стала моим учеником».

— Знаешь, что сказал Ульрик, когда вернулся? — спросил он. — Он сказал: «Эта девчонка стреляла так, будто всю жизнь только этим и занималась. Без паники. Без колебаний. Как машина». — Он помолчал. — Я ответил ему: «Она не машина. Она — лучница. И лучшая из тех, кого я учил».

Вельда не знала, что ответить. Она стояла, сжимая в руках край плаща, и чувствовала, как подступают к горлу слёзы — не от слабости, а от чего-то другого, чему она не могла подобрать названия.

— Ты получишь имя, — сказал Орлин, и его голос стал тише, почти торжественнее. — Такое, которое будут помнить. Не потому, что я так решил. Потому что ты его заслужила.

Он подошёл к стене, где на полке лежала небольшая шкатулка, и открыл её. Внутри, на чёрном бархате, покоился знак — не медальон, не амулет, а маленькая серебряная брошь в виде стрелы, с оперением из тончайших нитей, которые, казалось, трепетали на ветру, даже когда ветра не было.

— Это тебе, — сказал он, протягивая брошь. — Серебряная Стрела. Так тебя будут называть отныне. И это имя, — он помедлил, — будет жить дольше, чем любой из нас.

Вельда взяла брошь. Она была лёгкой, почти невесомой, но в этой лёгкости чувствовалась тяжесть — та самая, которую не измерить весами, но которую чувствуешь кожей, когда понимаешь, что только что изменилось что-то важное.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари, — ответил Орлин, и в голосе его послышалась та самая редкая, кривая усмешка, которую она уже начинала узнавать. — Ты заработала это. И ты будешь носить это имя с честью. Я знаю.

Она застегнула брошь на плаще, прямо у ворота, и почувствовала, как холод серебра коснулся кожи. Она подняла голову, глядя на наставника, и в её глазах, ещё влажных от слёз, горел тот самый свет, который она всегда чувствовала внутри себя, но никогда не могла назвать. Свет веры. Свет уверенности. Свет, который говорил ей: ты на правильном пути.

— Я не подведу, — сказала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала.

— Я знаю, — ответил Орлин. — А теперь иди. Отдыхай. Завтра начнётся новая жизнь.

Она вышла из оружейной, и двор встретил её уже не золотым закатом, а серебряными сумерками. Ветер, всё ещё колючий, но уже не враждебный, коснулся её лица, и она почув-

ствовала, как её новый знак — Серебряная Стрела — холодит грудь под тканью плаща. Она остановилась на ступенях и посмотрела на небо, где первые звёзды начинали проступать сквозь вечернюю синеву.

Где-то за спиной, у входа в главную башню, стоял Каллан. Он не подошёл к ней, не заговорил. Просто стоял и смотрел, как она смотрит на звёзды. И в его глазах, обычно холодных и оценивающих, горело то же самое, что и в её: вера. Вера в то, что всё, что они делают, имеет смысл. Вера в Свет. Вера в то, что их путь — правильный.

Вельда не знала тогда, что эта вера будет разбита. Что Свет, которому она поклялась служить, окажется не таким светлым, как ей казалось. Что её идеалы будут преданы теми, кто должен был их защищать. Но в тот момент, стоя на ступенях оружейной, с серебряной брошью на груди и с сердцем, полным надежды, она чувствовала только одно: она нашла своё место. И она сделает всё, чтобы быть достойной его.

— Серебряная Стрела, — прошептала она одними губами, пробуя имя на вкус. — Звучит... правильно.

Она улыбнулась — той самой, редкой улыбкой, которой улыбаются люди, когда знают, что завтра начнётся новая жизнь. И, повернувшись, зашагала в сторону палаток, где её ждали товарищи. И будущее. И всё, что оно принесёт.

Часть I. Глава 3. Дорога, устланная пеплом

Вельда стояла у окна в своей новой комнате — той самой, которую получила, когда ей присвоили звание капитана. Комната была маленькой, но уютной: узкая кровать у стены, дубовый стол, заваленный картами и отчётами, и единственное окно, выходящее на внутренний двор цитадели. За пять лет она привыкла к этому виду — к серым камням, к старому дубу, под которым новобранцы собирались по вечерам, к фонтану, который так и не починили. Привыкла к запаху масла и старого дерева, к звуку шагов по коридору, к тишине, наступавшей после заката. Но были вещи, к которым она не привыкла. И одной из них было звание.

Капитан отряда «Серебряные Стрелы». Четыре года назад она получила этот пост, когда старый сержант Ульрик ушёл на покой, оставив ей командование. Четыре года она вела свой отряд через патрули, стычки, засады и бесконечные дороги, тянувшиеся от цитадели до самых дальних границ княжества. И каждый раз, когда она смотрела в зеркало, то видела не капитана, а ту шестнадцатилетнюю девчонку, которая дрожала над телом первого убитого врага.

— Ты здесь, — голос за её спиной прозвучал мягко, почти неслышно.

Вельда не обернулась. Она знала этот голос так же хорошо, как знала собственный лук — каждую интонацию, каждую паузу, каждую ноту, появлявшуюся, когда он говорил с ней наедине.

— Я всегда здесь, — ответила она с лёгкой усмешкой, которая предназначалась только ему.

Каллан подошёл ближе и остановился в шаге, не касаясь, но так близко, что она чувствовала тепло его тела. Он изменился за пять лет — возмужал, стал шире в плечах, и в его глазах, всё таких же острых и тёмных, появилась та особая, усталая мудрость, которая приходит только с годами и боями. Но внутри он оставался всё тем же. Тем, кто сказал ей тогда, в лесу, после первого убийства: «Ты спасла жизнь. Запомни это».

— Отчёт уже прочитал, — сказал он ровным, почти деловым тоном, но она слышала в нём то, чего не слышали другие. — Ты снова превысила норматив. Вдвое. Орлин будет недоволен.

— Орлин всегда недоволен, — ответила Вельда с той же тёплой, знакомой иронией. — Это его способ показывать, что он заботится.

Он усмехнулся — той самой кривой усмешкой, которую она видела в день их первой встречи и которая теперь была только для неё.

— Ты права, — сказал он. — Он заботится. Как и я.

Она наконец повернулась к нему. В полумраке комнаты, освещённой только свечой на столе, его лицо казалось вырезанным из старого дерева — твёрдое, суровое, но с той мягкостью в глазах, которую он никому не позволял видеть.

— Ты заботишься, — сказала она тихо. — Я знаю.

Он шагнул к ней и взял её за руку — легко, почти невесомо, но она почувствовала, как его пальцы сжимаются вокруг её ладони, как тепло от его руки разливается по её телу, согревая тот холод, который поселился внутри неё после первых боёв.

— Мы не должны были встречаться, — произнёс он с той же осторожностью, с какой говорил о патрулях и засадах. — Ты — капитан. Я — сын командира. Если кто-то узнает...

— Никто не узнает, — ответила она со стальной ноткой, присущей ей на советах. — Мы осторожны. Мы всегда были осторожны.

Он не ответил. Вместо этого он просто стоял и смотрел на неё, на её пепельные волосы, собранные в тугий узел, на серебряную брошь — Серебряную Стрелу, всё ещё приколотую к вороту плаща, на её глаза, которые, как он знал, видели дальше, чем у любого другого лучника в Ордене.

— Ты изменилась, — сказал он наконец, и в голосе его послышалась странная, почти печальная нота. — Ты стала жёстче. Холоднее. Иногда я смотрю на тебя и не узнаю ту девушку, которая дрожала над телом бандита.

Она не отвела взгляда.

— Я стала той, кем должна была стать, — ответила она. — Ты сам научил меня этому. «Чувства — это роскошь, которую мы не можем себе позволить». Помнишь?

— Помню, — сказал он, и в голосе его послышалась горечь. — Я не думал, что ты примешь это так близко к сердцу.

— Ты говорил правду, — сказала она, и её голос стал мягче. — Я просто запомнила.

Он поднял руку и коснулся её лица — легко, кончиками пальцев, словно боялся, что она исчезнет.

— Я люблю тебя, — сказал он, и слова эти, произнесённые в тишине комнаты, прозвучали как клятва. — Я люблю тебя с того самого дня, когда ты стояла на плацу и считала удары колёс. Я люблю тебя, потому что ты видишь мир иначе. Потому что ты не боишься быть собой. Потому что ты — Серебряная Стрела.

Она не ответила. Вместо этого она шагнула к нему, прижалась к его груди и почувствовала, как его руки обнимают её, как его дыхание касается её волос, как мир за окном перестаёт существовать.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала она. — Но мы не можем. Мы знаем это. Если кто-то узнает...

— Я знаю, — ответил он, и голос его был твёрдым, хотя внутри него, она знала, всё дрожало. — Но это не значит, что я перестану тебя любить.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. В темноте комнаты, при свете одной свечи, его лицо было прекрасным — не той красивой, правильной красотой, которую рисуют на портретах, а живой, тёплой, полной шрамов и морщин, которые появляются у людей, проживших свою жизнь не впустую.

— Я буду ждать, — сказала она. — Я всегда буду ждать. Пока не настанет время, когда мы сможем быть вместе. Открыто. Без страха.

Он поцеловал её — легко, почти невесомо, — и она почувствовала, как по телу разливается тепло, которого она не чувствовала ни в одном бою, ни в одном патруле, ни в одной из тех бесконечных ночей, проведённых в седле под звёздами.

— Завтра, — сказал он, отстраняясь, — у нас будет тяжёлый день. Новое задание. Я слышал, что нас отправляют на границу. Говорят, там появились культисты.

— Мы справимся, — ответила она с той же стальной уверенностью, с какой говорила о каждом задании. — Мы всегда справляемся.

Он улыбнулся — той самой кривой усмешкой, которая была только для неё, — и, отпустив её руку, направился к двери. У порога он остановился и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Спокойной ночи, капитан.

— Спокойной ночи, Каллан.

Дверь закрылась. Вельда осталась одна в комнате, чувствуя, как сердце всё ещё колотится у горла, а на губах всё ещё горит тепло его поцелуя. Она подошла к окну и посмотрела на звёзды, которые, как и пять лет назад, светили холодно и равнодушно. Но теперь они казались ей не такими далёкими. Теперь у неё было то, чего не было тогда. У неё был он. Она не знала, что ждёт их впереди, не знала, сколько ещё тайных встреч, сколько ночей в седле, сколько боёв и потерь. Но в этот момент, стоя у окна, с серебряной брошью на груди и с сердцем, полным надежды, она чувствовала только одно: она не одна. И это было важнее любого Света, важнее любой клятвы. Потому что у неё был он, и этого было достаточно.

Наутро она вошла в зал совета, оставив за спиной тишину своей комнаты и запах свечи. Зал был небольшим, но высоким — сводчатый потолок терялся в полумраке, а узкие стрельчатые окна пропускали скупой осенний свет, падавший на длинный дубовый стол, за которым сидели командиры отрядов. Вельда заняла место в дальнем конце, сложив руки на столе и чувствуя, как дерево отдаёт ей свою вековую прохладу. Рядом, чуть левее, сидел Каллан. Они никогда не смотрели друг на друга в присутствии других, но она ощущала его близость, как ощущают тепло костра, даже не поворачиваясь к нему лицом.

Напротив, во главе стола, сидел командир Ордена — седой мужчина с лицом, изрезанным шрамами, и глазами, которые видели больше, чем хотели бы помнить. Его звали Вентрис. Он был отцом Каллана, и Вельда всегда чувствовала на себе его взгляд — не враждебный, но оценивающий, как у человека, привыкшего взвешивать каждое слово и каждое движение.

— У нас новое задание, — произнёс Вентрис, и его голос, низкий и ровный, разнёсся по залу, заставляя всех выпрямиться. — На границе, в деревне Кроу-Холлоу, распространяется болезнь. Местные называют её «Серой Чумой».

По залу пробежал тихий шёпот. Эдрик, сидевший напротив, нахмурился и скрестил руки на груди. Мара, сидевшая рядом с ним, не шевельнулась, но её тёмные глаза, всегда настороженные, стали ещё более внимательными.

— Серая Чума? — переспросил кто-то из старших командиров. — Я слышал о ней. Говорят, она приходит из ниоткуда и уходит в никуда. Никто не знает, что её вызывает.

— Именно, — кивнул Вентрис. — Но Церковь Света обеспокоена. Они отправляют посланника — брата Олдрика, одного из своих старших целителей, — чтобы тот изучил болезнь и, если возможно, нашёл способ её остановить. Наш отряд будет сопровождать его через земли, где, по слухам, орудуют культисты и бандиты.

Вельда подняла голову. Она слышала о Церкви Света — той самой, что учила, будто Свет должен сиять повсюду, а Тьма должна быть изгнана. В юности она верила в это, когда мир ещё казался ей поделённым на чёрное и белое. Но годы патрулей научили её, что мир состоит из оттенков серого, и слова «посланник Церкви» не вызывали ничего, кроме настороженности.

— Болезнь, — сказала она ровно, но достаточно громко, чтобы все услышали, — это забота целителей и лекарей. Мы — стража. Наша задача — защищать людей от врагов, а не от чумы. Если мы войдём в деревню, где бушует болезнь, мы рискуем не только собой, но и теми, кого должны защищать.

Вентрис посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты предлагаешь отказаться от задания, капитан?

— Я предлагаю подумать, — ответила она, не отводя взгляда. — Есть ли подтверждения, что это действительно чума? Или это просто слухи, которые раздувают, чтобы посеять панику? Мы уже сталкивались с тем, что «странные болезни» оказывались отравой, которую культисты подмешивали в воду.

— Вельда права, — неожиданно поддержал её Эдрик. — Мы не можем рисковать отрядом ради того, чтобы проверить, не заболел ли кто-то в глухой деревне. Отправьте целителей. Мы — не лекари.

Вентрис поднял руку, призывая к тишине. Его взгляд всё ещё был устремлён на Вельду, и в нём читалось то же самое, что она чувствовала в нём с самого начала: оценка. Испытание.

— Церковь Света, — сказал он медленно, — обратилась к нам с просьбой. Они считают, что болезнь может быть связана с тёмной магией. Если это так, то мы не можем оставить это без внимания. Наш долг — защищать не только тела, но и души тех, кто верит в Свет.

— Души, — повторила Вельда, и в голосе её послышалась едва заметная, но всё же различимая горечь. — Мы охраняем тела, командир. А души — это забота жрецов.

— Вельда, — голос Каллана прозвучал мягко, но твёрдо, и она почувствовала, как его взгляд скользнул по ней — коротко, почти незаметно, но достаточно, чтобы она поняла: он

говорит не как её возлюбленный, а как её товарищ. — Мы не можем просто отмахнуться от просьбы Церкви. Если там действительно культисты, если болезнь — это их рук дело, то мы должны вмешаться. Это наш долг.

Она встретила его взгляд — на мгновение, всего на одно короткое мгновение, — и прочитала в нём то, что он не мог сказать вслух: «Я знаю, что ты чувствуешь. Я тоже это чувствую. Но мы должны сделать это. Ради них. Ради нас».

— Хорошо, — сказала она, и голос её стал твёрже. — Мы выполним задание. Но я хочу, чтобы было записано: я предупреждала о риске. Если болезнь окажется заразной, мы не сможем защитить посланника, если сами заболеем.

— Записано, — кивнул Вентрис, и в его голосе послышалось нечто похожее на одобрение. — Выступаете завтра на рассвете. Посланник будет ждать вас у южных ворот. Экипируйтесь по погоде и не задерживайтесь.

Совет завершился, и командиры начали расходиться. Вельда поднялась из-за стола и направилась к выходу, чувствуя, как на плечо опускается чья-то рука. Она обернулась — Каллан.

— Ты была права, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Но мы не можем выбирать задания. Мы — солдаты. Мы делаем то, что нам говорят.

— Я знаю, — ответила она, и в голосе её послышалась усталость. — Просто... я чувствую, что здесь что-то не так. Слишком много совпадений. Болезнь, Церковь, граница. Мне это не нравится.

— Мне тоже, — признался он. — Но мы разберёмся. Как всегда.

Она кивнула и, высвободившись из-под его руки, направилась к двери. За её спиной, в тишине опустевшего зала, Каллан смотрел ей вслед и чувствовал то, чего не мог сказать: что он боится. Не за себя — за неё. За ту, кто всегда идёт вперёд, не оглядываясь, не сомневаясь, даже когда внутри неё бушует буря.

На рассвете следующего дня отряд собрался у южных ворот. Вельда уже была в седле, проверяя натяжение тетивы привычным движением, когда увидела его — высокого, худого человека в белой рясе, с посохом в руке и лицом, которое казалось вырезанным из старого пергамента. Брат Олдрик. Посланник Церкви Света.

Он подошёл к ней и склонил голову — не в поклоне, а в знак уважения.

— Капитан Вельда, — сказал он, и голос его был тихим, почти мягким, но в нём слышалась та спокойная уверенность, которая бывает у людей, привыкших к тому, что их слушают. — Я благодарю вас за то, что вы согласились сопровождать меня. Это опасное путешествие, но я верю, что Свет поведёт нас.

— Свет, — повторила Вельда с лёгкой усмешкой, которая всегда появлялась у неё, когда она слышала слишком красивые слова. — Мы положимся на луки и мечи, брат Олдрик. Если Свет захочет помочь, мы не будем возражать.

Он улыбнулся — той самой мягкой улыбкой, которая, как знала Вельда, скрывает гораздо больше, чем показывает.

— Тогда в путь, — сказал он.

И отряд, ведомый Вельдой, тронулся туда, где, по слухам, бушевала Серая Чума. Никто из них не знал, что это путешествие изменит всё. Что болезнь, которую они искали, окажется не просто чумой. Что Свет, которому они служили, окажется не таким светлым, как они думали. И что брат Олдрик знал об этом гораздо больше, чем говорил. Но это будет потом. А пока — только дорога, только ветер и серое небо, которое, казалось, смотрело на них с тем же холодным вниманием, с каким Вельда смотрела на посланника, чувствуя, что впереди их ждёт нечто большее, чем просто болезнь. Что они вступают в игру, правила которой им неведомы. И что Свет, в который они верили, скоро покажет свою истинную цену.

Часть I. Глава 4. Клятва на пепле

Деревня Кроу-Холлоу встретила их тишиной. Не той утренней тишиной, когда люди ещё спят, а той — мёртвой, звенящей, в которой каждый шаг лошади по сухой земле звучит как выстрел, а каждое дыхание кажется слишком громким. Вельда осадил коня у въезда и долго смотрела на покосившиеся заборы, на закрытые ставни, на дым, который не поднимался ни из одной трубы. В воздухе висел запах — не гниения, не дыма, а чего-то сладковатого, почти приторного, как старые цветы, оставленные в тёмной комнате на слишком долгое время.

— Здесь никого нет, — сказал Эдрик, подъезжая ближе. Его лошадь нервно перебирала ногами, и он гладил её по шее, успокаивая. — Ни собак, ни птиц, ни людей. Что-то здесь не так.

— Мы знали, что здесь не так, — ответила Вельда, не оборачиваясь. — Мы для того и приехали.

Брат Олдрик, ехавший позади, соскользнул с седла и, опираясь на посох, шагнул вперёд. Его белая ряса, ослепительно чистая на фоне серых, обшарпанных домов, казалась неправильной, чужой — как кусок льда в грязной луже.

— Я чувствую это, — произнёс он, и голос его, всегда тихий, сейчас был напряжённым, как тетива перед выстрелом. — Там, в центре деревни. Тёмная магия. Очень старая. Очень сильная.

— Чума, — сказала Вельда, и в голосе её послышался холод. — Это не чума. Это ловушка.

Она развернулась в седле и встретила взглядом с Калланом. Он уже держал лук наготове, и его глаза, обычно спокойные, сейчас были такими же настороженными, как у неё.

— Отряд, — скомандовала она, и голос её стал твёрже, громче. — Спешиться. Держать строй. Эдрик и Мара — за мной. Каллан — с братом Олдриком. Если увидите что-то подозрительное — не ждите приказа.

Они двинулись по главной улице — медленно, шаг за шагом. Вельда держала лук в руке, тетива была натянута, и каждый звук — скрип половицы, шорох листьев, далёкий крик птицы — заставлял её пальцы сжиматься сильнее. Она считала шаги. Она считала дыхания. Она считала удары своего сердца, которые становились всё быстрее с каждой секундой, проведённой в этой мёртвой деревне.

Засада началась, когда они дошли до центральной площади. Сначала она услышала не крик — тихий, почти незаметный щелчок, как от тетивы, отпущенной слишком резко. Затем — свист. Стрела, пущенная с крыши одного из домов, вонзилась в землю у ног брата Олдрика. Он не успел отшатнуться. Каллан, схватив его за плечо, оттащил в сторону, и в тот же миг из окон, из-за заборов, из-за каждого угла полезли фигуры.

Их было много — десятки, в чёрных, запылённых рясах, с лицами, скрытыми под капюшонами, и с оружием, светившимся тусклым, зеленоватым светом. Они не кричали, не угрожали. Они просто шли вперёд, молча, как хищники, уверенные в своей добыче.

— Это они! — крикнул брат Олдрик, и в голосе его впервые прозвучал настоящий страх. — Культисты! Это они наслали чуму!

— Назад! — скомандовала Вельда, выпуская первую стрелу. Она нашла цель — тёмную фигуру на крыше, которая целилась в неё. Культист рухнул вниз, и его тело ударилось о землю с глухим, тошнотворным стуком, но на его место уже встали двое других. — Круг! Защищайте посланника!

Эдрик, выхватив меч, встал на левый фланг, его клинок засверкал в тусклом свете дня, отражая зеленоватые вспышки. Каллан прикрывал брата Олдрика, отбивая стрелы, пущенные с крыш. Мара, оказавшаяся рядом с посланником, не двигалась — она стояла, сжимая лук, и ждала, пока Вельда отдаст приказ.

— Вельда, — прошептала она, и голос её был тихим, почти неслышным, но в нём звучала та особая, твёрдая решимость, которую Вельда знала с их первой встречи, когда Мара стояла под навесом и говорила: «Я провалила испытание». — Я прикрою посланника. Делай своё дело.

— Не геройствуй, — ответила Вельда с той же стальной нотой, с какой отдавала приказы в бою. — Просто держись рядом.

Но Мара не держалась рядом. Когда культисты, перегруппировавшись, бросились в новую атаку, она сделала шаг вперёд, заслоняя собой брата Олдрика. Её лук, уже натянутый, выстрелил — стрела вошла в грудь ближайшего культиста, и он рухнул, но на его место уже вставали новые. Их было слишком много. Они наступали со всех сторон, и с каждой секундой становилось всё труднее удерживать строй.

Вельда видела это, но не могла остановить. Она стреляла, меняла позицию, считала удары, но каждый раз, когда она поднимала глаза, культистов становилось больше. Они не боялись смерти, не замедлялись, не отступали. Они шли, как механизмы, подчиняясь одной воле.

А потом Мара закричала.

Это был не крик страха или боли — он был коротким, почти деловитым, как у человека, который понял, что времени на панику нет. Вельда повернулась и увидела, как один из культистов, пробравшийся через строй, заносит над братом Олдриком клинок. Мара встала между ними. Она не успела выстрелить — она просто встала, и клинок вошёл ей в грудь.

— Мара! — крик Вельды разорвал воздух, и она рванулась вперёд, забыв о луке, забыв о строе, забыв обо всём, кроме той, кто только что заслонила собой посланника.

Она схватила Мару за плечо, и та, пошатнувшись, упала в её руки. Кровь — тёмная, почти чёрная — хлынула из раны, заливая её плащ, её руки, её лицо. Вельда смотрела, как уходит жизнь из глаз Мары, как её губы, всегда сжатые в тонкую линию, приоткрываются, пытаясь сказать что-то, что она уже не могла произнести.

— Ты... — прошептала Вельда, и голос её сорвался. — Ты не должна была...

— Я знаю, — ответила Мара, и в её слабом, уходящем голосе всё ещё звучала та же тихая, спокойная решимость, с какой она жила. — Но я сделала это. Я не провалилась. Я... спасла его.

Культисты тем временем отступили. Может быть, они достигли своей цели — хотели убить посланника, но не смогли. Может быть, они просто поняли, что их слишком мало, чтобы справиться с отрядом. Но они ушли — растворились в серых, осенних сумерках, оставив после себя только тела, кровь и тишину.

Вельда опустилась на колени, прижимая к себе Мару, чувствуя, как та становится всё легче, всё холоднее. Она смотрела на её лицо, на её глаза, которые уже не смотрели ни на что, и чувствовала, как внутри неё что-то ломается — не тихо, не плавно, а с тем же треском, с каким ломаются кости.

— Мара, — прошептала она, и голос её был таким же тихим, как у той, которую она держала в руках. — Ты не должна была...

— Я хотела, — ответила Мара, и последнее слово она произнесла почти неслышно, как вздох. — Я хотела быть полезной. Я хотела... чтобы ты гордилась мной.

Вельда не ответила. Она просто сидела на коленях в грязи, держа на руках тело той, кто была её товарищем, её другом, её сестрой по оружию. И в этот момент, в этой тишине, она услышала голос брата Олдрика — тихий, почти нежный, полный той же веры, с какой он говорил о Свете в цитадели:

— Она отдала жизнь во имя Света. Свет примет её душу.

Вельда медленно подняла голову. Её лицо было бледным, глаза — сухими, но в них горел тот самый холодный огонь, который появлялся у неё перед боем. Она смотрела на брата Олдрика, на его белую рясу, на его посох, на его лицо, и в этом взгляде не было ни гнева, ни укора — только тихая, глубокая ярость, которую она сдерживала, как сдерживают дыхание под водой.

— Она умерла, — сказала Вельда, и голос её был ровным, почти безразличным. — Она умерла, потому что мы пошли сюда. Потому что вы попросили нас сопровождать вас.

— Она умерла, защищая Свет, — ответил брат Олдрик с той же ровной, непоколебимой уверенностью. — Её смерть не была напрасной.

— Я запомню это, — сказала Вельда. — Я запомню, что Свет стоит крови. Я запомню, что вы просили нас идти, и мы пошли. И она погибла.

Она поднялась, всё ещё держа на руках тело Мары, и, не оглядываясь, направилась к лошади. За её спиной, в тишине опустевшей площади, Каллан смотрел на неё и чувствовал то, чего не мог сказать вслух: что она уже никогда не будет прежней. Что Свет, в который она верила, только что померк. И что он, возможно, потерял её не в бою, а в этот самый момент — когда она встала с колен и ушла, унося с собой тело подруги.

Ночью, когда они разбили лагерь в нескольких милях от деревни, Вельда сидела у костра, глядя в огонь. Рядом с ней, на бревне, сидел Каллан. Он не пытался её утешить — он просто сидел и молчал, и этого было достаточно.

— Она хотела, чтобы я гордилась ею, — сказала Вельда хриплым голосом. — Она сказала это перед смертью. «Я хотела, чтобы ты гордилась мной». А я даже не сказала ей, что горжусь. Я не сказала ей, что она стала лучшей из нас. Что она... была моей подругой.

— Она знала, — ответил Каллан, и голос его был мягче, чем обычно. — Она знала, что ты чувствуешь. Ты не должна была говорить это вслух.

— Но я должна была, — сказала она, и в голосе её послышалась горечь. — Я должна была сказать ей это. А теперь уже поздно.

Он не ответил. Он просто взял её за руку и сжал её пальцы — крепко, как сжимают рукоять меча перед боем. И Вельда, почувствовав тепло его ладони, закрыла глаза и позволила себе наконец заплакать — тихо, беззвучно, так, чтобы никто не услышал. Потому что слёзы были единственным, что у неё осталось. Единственным напоминанием о том, что она всё ещё человек. И что Свет, которому она служила, не стоит ни одной капли крови, пролитой ради него.

Проснувшись она до рассвета, когда мир ещё был серым и бесформенным, как старая, потёртая ткань. Она лежала неподвижно, глядя в брезент палатки, и слушала, как за стенкой тихо переговариваются Эдрик и Каллан. Они думали, что она спит. Она слышала их слова — осторожные, приглушённые, — но не разбирала смысла. Внутри неё, там, где ещё вчера была боль, теперь была пустота. Холодная, выжженная пустота, которая не позволяла ни спать, ни плакать, ни думать. Только двигаться.

Она поднялась бесшумно, как тень, и накинула плащ. Лук, её старый ясеневый лук, лежал рядом, и она взяла его, чувствуя, как дерево привычно ложится в ладонь, как тетива, ещё тёплая от её дыхания, касается пальцев. Она не знала, куда идёт. Она просто знала, что должна идти. Что если она останется здесь, в этой палатке, среди этих людей, которые пытались её утешить, она сойдёт с ума.

Она вышла из лагеря, когда первые лучи солнца только начали золотить верхушки деревьев. Следы культистов — примятая трава, сломанные ветки, следы сапог на влажной земле — вели на северо-восток, вглубь леса, туда, где, как она знала, скрывалось их логово. Она пошла по этим следам, не оглядываясь.

— Вельда!

Голос Каллана донёсся откуда-то сзади, и она услышала в нём то, чего не слышала никогда раньше: страх. Не за себя — за неё. Она не остановилась.

— Вельда, стой! — Он догнал её, схватил за плечо, развернул к себе. Его лицо, обычно спокойное и сдержанное, было искажено тревогой. — Ты не можешь идти туда одна. Это безумие.

— Отпусти, — сказала она ровным, почти безразличным голосом.

— Нет. Не отпущу. Ты не в себе. Ты не думаешь, что делаешь.

— Я думаю, — ответила она с той самой стальной нотой, которая появлялась у неё перед боем. — Я думаю о том, что они убили Мару. Я думаю о том, что она умерла у меня на руках. Я думаю о том, что если я не пойду, они убьют ещё кого-то. Может быть, тебя. Может быть, Эдрика. Может быть, всех нас.

— И что ты сделаешь? — спросил он с горечью. — Ты убьёшь их всех? Ты думаешь, это вернёт её?

— Нет, — сказала она, и в голосе её не было ни сомнения, ни колебания. — Но это остановит их. И это всё, что я могу сделать.

Он смотрел на неё долго, очень долго. В его глазах, тёмных и глубоких, она видела то, что он не говорил: что он боится за неё, что он хочет пойти с ней, что он готов умереть рядом с ней, если это будет нужно. Но она также видела в них понимание. Он знал, что она не остановится. Он знал, что если он попытается удержать её силой, она сломается. И он отпустил её плечо.

— Возвращайся, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Возвращайся живой. Пожалуйста.

— Я вернусь, — ответила она, и в этих словах не было обещания. Только надежда.

Она пошла дальше, и через мгновение его шаги затихли за её спиной.

Логово культистов оказалось в старом, полуразрушенном храме, затерянном в чаще, где даже птицы не пели. Стены, сложенные из серого, потрескавшегося камня, были покрыты мхом и плесенью, а на месте алтаря, когда-то посвящённого Свету, теперь горела багровая свеча, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени. Вельда вошла через боковой проход, неслышно, как призрак, и остановилась в тени, считая врагов.

Их было семеро. Шестеро вооружённых, один — в чёрной рясе, с посохом, увенчанным черепом, — жрец. Они не ждали нападения. Они сидели вокруг алтаря, и их голоса, низкие и гортанные, звучали как заклинания. Они готовили что-то. Она не знала что — и не хотела знать.

Первая стрела вошла в горло жреца. Он упал, даже не вскрикнув, и его тело, забившись в судорогах, опрокинуло свечу. Багровый свет погас, и храм погрузился в полумрак, в котором Вельда видела лучше, чем они.

Остальные культисты вскочили, хватая оружие, но она уже стреляла снова. Вторая стрела нашла цель — одного из тех, кто пытался добраться до меча. Третий культист успел поднять щит, но её стрела, пущенная под углом, обошла его и вонзилась в плечо. Он закричал, и крик его, громкий и пронзительный, эхом разнёсся по храму.

Она не считала. Она не думала. Она просто стреляла — снова и снова, пока колчан не опустел. Последняя стрела вошла в грудь культиста, который пытался выбежать через главный вход. Он упал, перекатившись через порог, и застыл с открытыми глазами, устремлёнными в серое небо.

В храме стало тихо. Вельда стояла посреди тел, тяжело дыша, и чувствовала, как дрожат её руки, сжимающие лук. Кровь, тёмная и густая, растекалась по каменному полу, смешиваясь с пеплом и пылью. Она смотрела на это, но не видела. Она думала о Маре — о том, как та стояла под навесом в день их первой встречи, как говорила: «Я провалила испытание», как смотрела на неё своими тёмными, печальными глазами. Она думала о том, что Мара умерла, защищая посланника, и что она, Вельда, не смогла её спасти.

Она опустила голову на колени посреди храма, среди тел своих врагов, и позволила себе наконец заплакать. Слезы текли по щекам, капая на каменный пол, смешиваясь с кровью, которая уже начала застывать. Она не знала, сколько времени прошло — минуты, часы, — но когда она подняла голову, за окнами уже начинало темнеть.

Она вышла из храма, не оглядываясь, и пошла обратно через лес. Ноги не слушались, руки дрожали, но она шла, потому что знала: где-то там, за деревьями, ждал Каллан. Ждал её возвращения. И она не могла подвести его. Не после всего.

Лес казался ей чужим, враждебным. Ветви цеплялись за её плащ, корни — за ноги, и каждый шаг давался с трудом. Но она не останавливалась. Она не могла остановиться. Потому что если она остановится, она упадёт. А если она упадёт, она больше не сможет встать.

Она вышла на опушку, когда уже стемнело, и увидела вдалеке огонь костра. Лагерь. Её лагерь. Она сделала несколько шагов в его сторону, но ноги подкосились, и она рухнула на колени, чувствуя, как мир вокруг начинает плыть.

Последнее, что она запомнила, прежде чем провалиться в темноту, был голос Каллана — его крик, полный страха и облегчения, и его руки, подхватившие её, не давая упасть в грязь. Она хотела сказать ему что-то — что она вернулась, что она справилась, что она убила их всех, — но слова застряли в горле. Она просто закрыла глаза и позволила себе упасть в его объятия, чувствуя, как тепло его тела разливается по ней, согревая тот холод, который поселился в ней после смерти Мары.

Ночью, когда она очнулась в своей палатке, рядом с ней сидел Каллан. Он не спал. Он смотрел на неё, и в его глазах, освещённых тусклым светом масляной лампы, она увидела то, чего не видела раньше: не страх, не тревогу, а усталость. Усталость человека, который понял, что не может защитить того, кого любит, от неё самой.

— Ты вернулась, — сказал он хриплым голосом.

— Я вернулась, — ответила она так же слабо.

— Ты убила их всех?

— Всех, — сказала она, и в этом слове не было ни гордости, ни торжества. Только усталость.

Он помолчал, затем взял её за руку и сжал её пальцы.

— Я хотел пойти с тобой, — сказал он. — Я хотел быть рядом, когда ты...

— Я знаю, — перебила она. — Но ты не пошёл. Потому что знал, что я должна сделать это одна.

— Я боялся, — сказал он, и в голосе его послышалась та уязвимость, которой она никогда не слышала в нём раньше. — Я боялся, что ты не вернёшься.

— Я вернулась, — ответила она с той тёплой, знакомой нотой, которая появлялась у неё только с ним. — Я всегда возвращаюсь.

Он улыбнулся — той самой кривой усмешкой, которую она видела в день их первой встречи, — и, наклонившись, поцеловал её в лоб.

— Спи, — сказал он. — Завтра будет новый день. И мы будем жить дальше. Ради неё.

Вельда закрыла глаза и, чувствуя, как тепло его руки сжимает её пальцы, позволила себе провалиться в сон. Без сновидений. Без кошмаров. Только тишина. Только покой. И где-то далеко, в глубине сознания, звучал голос Мары — тихий, спокойный, прощающий.

«Я хотела, чтобы ты гордилась мной».

— Я горжусь тобой, — прошептала Вельда, уже проваливаясь в темноту. — Я всегда гордилась тобой.

И в этот миг, в тишине ночи, она почувствовала, как что-то внутри неё меняется. Не ломается — просто становится другим. Более холодным. Более твёрдым. И она знала, что это чувство останется с ней навсегда. Что она уже никогда не будет прежней. Что Свет, в который она верила, больше не будет для неё тем же Светом. Но она также знала, что у неё есть Каллан. И что это — важнее, чем любой Свет.

Он нашёл её на рассвете. Солнце ещё не взошло, но небо на востоке уже начало сереть, и в этом бледном, размытом свете храм казался не руиной, а огромным, спящим зверем, который вот-вот откроет глаза. Каллан шёл по следам, которые она оставила, — примятая трава,

сломанные ветки, следы сапог на влажной земле, — и с каждым шагом его сердце билось всё быстрее. Он боялся того, что найдёт. Боялся, что она будет мертва. Боялся, что она будет жива, но уже не той, кого он знал.

Он вошёл в храм через боковой проход, и первое, что он увидел, была кровь. Она была повсюду — на каменном полу, на стенах, на алтаре, на котором ещё догорала багровая свеча, отбрасывая длинные, дрожащие тени. Тела культивистов лежали в неестественных позах — кто-то на спине, с открытыми глазами, устремлёнными в потолок; кто-то ничком, уткнувшись лицом в камень; один, самый молодой, застыл у входа, как будто пытался бежать, но не успел.

А посреди всего этого, на коленях, с опущенным луком и пустыми, ничего не выражающими глазами, сидела Вельда. Она не смотрела на него. Она смотрела куда-то вперёд, на алтарь, на багровую свечу, на тела, и в её взгляде не было ни боли, ни ярости, ни даже усталости. Только пустота. Та самая пустота, которую он видел один раз, много лет назад, когда она стояла над телом первого убитого врага и не знала, что чувствовать.

Он шагнул к ней, и его шаги гулко отдавались по каменному полу. Она не обернулась. Он опустился на колени рядом с ней, взял её лицо в свои ладони и повернул к себе.

— Вельда, — сказал он, и голос его дрогнул. — Вельда, посмотри на меня.

Она смотрела на него, но её глаза всё ещё были пустыми, как у человека, который ушёл так далеко, что не может найти дорогу обратно. Он чувствовал, как её кожа, обычно тёплая и живая, сейчас была холодной, как камень, на котором она сидела.

— Я убила их всех, — сказала она ровно, без интонаций, просто констатируя факт. — Всех. Каждого. Я не считала. Я просто стреляла.

— Я знаю, — ответил он мягче, чем хотел. — Я знаю. Ты сделала то, что должна была.

— Она умерла, — сказала Вельда, и в её голосе впервые послышалась дрожь. — Мара умерла. Она умерла у меня на руках. Я держала её, когда она уходила. Я чувствовала, как её сердце перестаёт биться. Я ничего не могла сделать.

Он притянул её к себе и обнял — крепко, как обнимают то, что боятся потерять. Она не сопротивлялась, не плакала, не пыталась вырваться. Она просто сидела в его объятиях, неподвижная, как камень, и чувствовала, как тепло его тела медленно проникает в неё, согревая тот холод, который поселился в её груди.

— Ты не могла её спасти, — сказал он, и голос его звучал у её волос. — Ты сделала всё, что могла. Ты не виновата.

— Я знаю, — ответила она с той же усталостью, что и у него. — Но это не меняет того, что она мертва. Это не меняет того, что я не смогла её защитить.

Он не ответил. Он просто держал её, чувствуя, как её дыхание постепенно становится ровнее, как её тело, напряжённое до предела, начинает расслабляться. И когда она наконец подняла голову и посмотрела на него, в её глазах, всё ещё влажных от слёз, горел тот самый свет, который он видел в ней с самого начала. Не Свет Ордена. Не Свет Церкви. Свет её собственной души.

— Я никого больше не потеряю, — сказала она, и голос её, тихий и хриплый, прозвучал как клятва. — Я не позволю этому случиться снова. Никогда. Клянусь тебе.

Он не ответил. Он просто наклонился и поцеловал её — мягко, почти невесомо, как касаются лепестков цветка, чтобы не повредить их. Она ответила на поцелуй — сначала робко, неуверенно, а затем всё более настойчиво, как будто искала в нём то, что потеряла. Тепло. Надежду. Жизнь.

Этой ночью, в тишине разрушенного храма, среди тел врагов и запаха крови, они стали ближе, чем когда-либо. Не как капитан и её подчинённый. Не как товарищи по оружию. Как мужчина и женщина, которые нашли друг друга в темноте и не хотели терять.

Утром, когда первые лучи солнца пробились сквозь трещины в стенах, они лежали рядом, и его рука обнимала её, а её голова покоилась на его груди. Она чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, как бьются сердца у людей, которые знают, что они не одни.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она тихо, и голос её был хриплым от слёз и бессонной ночи. — Но я знаю, что буду с тобой. Что бы ни случилось. Я не оставлю тебя. Никогда.

— И я не оставлю тебя, — ответил он с той тёплой, уверенной нотой, которая появлялась у него только с ней. — Мы пройдем через всё это вместе. Через Свет. Через Тьму. Через всё, что будет между ними.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. В её взгляде больше не было пустоты. Только решимость. Только обещание. Только любовь, которую она так долго прятала, а теперь наконец позволила себе почувствовать.

— Я люблю тебя, — сказала она, и слова эти, произнесённые в тишине утра, прозвучали как молитва.

— Я тоже люблю тебя, — ответил он, и его губы коснулись её лба, смывая последние следы слёз.

Они лежали так до тех пор, пока солнце не поднялось над горизонтом, заливая разрушенный храм золотым светом. И в этом свете, среди пепла и крови, они почувствовали то, что не могли выразить словами: что они есть друг у друга. Что, пока они вместе, они могут пережить всё. Даже потерю. Даже боль. Даже Свет, который, как они начинали понимать, был не таким светлым, как им казалось.

Когда они наконец поднялись и вышли из храма, Вельда остановилась на пороге и посмотрела на небо. Оно было ясным, голубым, без единого облачка. И в этой ясности она увидела то, чего не видела раньше: что мир не чёрно-белый. Что в нём есть место и для Света, и для Тьмы. Что она может служить и тому, и другому, не теряя себя. И что, что бы ни случилось, у неё есть Каллан. И это — самое важное.

— Пойдём, — сказала она с той же твёрдой, спокойной уверенностью, которая появлялась у неё перед каждым боем. — Нас ждут.

Он взял её за руку, и они пошли вместе — через лес, через поля, через всё, что ждало их впереди. И Вельда знала, что, что бы ни случилось, она сдержит свою клятву. Она никого больше не потеряет. Никогда. Потому что она уже потеряла достаточно. И потому что у неё было то, ради чего стоит жить. Ради чего стоит сражаться. Ради чего стоит верить. Даже когда вера кажется бессмысленной.

Часть I. Глава 5. Тени за белыми стенами

Комната Вельды за год почти не изменилась. Всё та же узкая кровать, всё тот же дубовый стол, заваленный картами и отчётами, всё то же единственное окно, выходившее на внутренний двор цитадели. Но теперь на подоконнике стояла небольшая глиняная ваза с полевыми цветами — теми самыми, синими и мелкими, которые Каллан приносил ей каждое утро, возвращаясь из патруля. Она смотрела на них, чувствуя, как внутри разливается странное, тёплое спокойствие, которого она не испытывала с детства.

Год прошёл с тех пор, как они нашли друг друга в разрушенном храме среди тел убитых культистов. Год, в котором она училась заново чувствовать, заново верить, заново жить. И теперь, стоя у окна и глядя на закат, окрашивающий стены цитадели в тёплый, золотистый свет, она чувствовала, что этот год был лучшим в её жизни.

— Ты опять мечтаешь, — голос Каллана прозвучал за её спиной, и она почувствовала, как его руки обнимают её за талию, притягивая к себе. Он был тёплым, пах ветром и старым деревом, и она, закрыв глаза, прислонилась к нему спиной.

— Я не мечтаю, — ответила она с лёгкой усмешкой, которая появлялась только с ним. — Я планирую.

— Планируешь? — переспросил он с притворным удивлением. — И что же ты планируешь, капитан?

— Свадьбу, — сказала она, и слово это, произнесённое вслух, прозвучало легко, почти невесомо, как будто она боялась, что оно исчезнет, если произнести его слишком громко. — Я планирую нашу свадьбу.

Он не ответил. Он просто стоял, обнимая её, и она чувствовала, как его дыхание касается её волос, как его сердце бьётся в такт с её сердцем.

— Ты уверена? — спросил он наконец с той же осторожностью, с какой говорил о заданиях и засадах. — Ты уверена, что хочешь этого? Что хочешь меня?

Она повернулась к нему, и в её глазах, тёмных и глубоких, горел тот самый свет, который он видел в ней с самого начала. Не Свет Ордена, не Свет Церкви — её собственный свет.

— Я никогда не была так уверена ни в чём, — сказала она. — Ты — единственное, что я знаю наверняка. Ты — единственное, что имеет смысл.

Он наклонился и поцеловал её — мягко, почти невесомо, как касаются лепестков цветка, чтобы не повредить их. И в этом поцелуе она почувствовала то, что не могла выразить словами: что они есть друг у друга. Что, пока они вместе, они могут пережить всё.

Они стояли так до тех пор, пока в дверь не постучали — коротко, требовательно. Вельда отстранилась и, поправив плащ, произнесла: «Войдите». Дверь открылась, и на пороге появился Орлин. За год он почти не изменился — всё тот же седой, изрезанный морщинами, с единственным глазом, который видел больше, чем хотел бы помнить. Но сейчас, глядя на него, Вельда заметила то, чего не замечала раньше: лёгкую, едва заметную улыбку, тронувшую уголки его губ.

— Капитан, — сказал он с той особой, сухой интонацией, которую она знала с детства. — Я слышал, у вас есть новости.

Вельда встретила взглядом с Калланом и, почувствовав, как его пальцы сжимают её руку, произнесла:

— Мы хотим пожениться, наставник. Мы хотим быть вместе. Открыто. Без страха.

Орлин долго смотрел на них, и его единственный глаз, обычно холодный и оценивающий, смягчился. Он шагнул в комнату и, остановившись перед ними, положил руку на плечо Вельды — легко, почти невесомо, как делал это много лет назад, когда она была ещё новобранцем.

— Я знал, что этот день настанет, — сказал он, и в голосе его послышалась та самая редкая, кривая усмешка, которую она так хорошо знала. — Я знал это с того самого дня, когда ты стояла на плацу и считала удары колёс. Ты всегда была особенной, Вельда. И ты заслужи- ваешь счастья.

Она не знала, что ответить. Слова застряли в горле, и она просто стояла, чувствуя, как по щекам текут слёзы — тихие, тёплые, благодарные. Она не плакала с тех пор, как держала на руках тело Мары, и теперь эти слёзы были не о боли — о радости.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари, — ответил Орлин со стальной ноткой, присущей ему в бою. — Ты заработала это. А теперь, — он выпрямился и перевёл взгляд на Каллана, — у меня есть для вас новое задание. Не свадебное.

Каллан, всё ещё державший Вельду за руку, нахмурился.

— Какое задание? — спросил он.

— Барон Вальдемар, — ответил Орлин, и его голос стал холоднее, деловитее. — Тот, кто владеет землями на северо-востоке. Мы получили сообщения, что он якобы сотрудничает с тёмными магами. Торгует с ними, укрывает их, использует их магию для своих целей.

Вельда почувствовала, как внутри неё, там, где только что было тепло, начинает разрас- таться холод. Она слышала о бароне Вальдемаре — о его богатстве, о его влиянии, о тёмных слухах, которые ходили о нём уже много лет. Но она никогда не думала, что ей придётся столк- нуться с ним лицом к лицу.

— Мы должны проверить, — сказала она, и голос её стал твёрже. — Мы должны узнать, правда это или нет.

— Именно, — кивнул Орлин. — Вы отправитесь в его поместье под видом обычных путников. У вас будет три дня, чтобы собрать информацию и, если потребуется, действовать. Это опасно, — добавил он с той же осторожностью, с какой говорил о засадах и патрулях. — Если слухи верны, вы можете столкнуться с тем, к чему не готовы.

— Мы готовы, — ответила Вельда без сомнений. — Мы всегда готовы.

Орлин кивнул и, повернувшись к выходу, остановился у двери.

— Я рад за вас, — сказал он, не оборачиваясь. — Я рад, что вы нашли друг друга. Но помните: это задание может изменить всё. Будьте осторожны. И берегите друг друга.

Дверь закрылась, и Вельда осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как рука Каллана всё ещё сжимает её пальцы. Она смотрела на дверь, за которой только что исчез Орлин, и думала о том, что он сказал. «Это задание может изменить всё».

— Мы справимся, — сказал Каллан с той же твёрдой уверенностью, с какой говорил о каждом задании. — Мы всегда справляемся.

— Я знаю, — ответила она. — Но я чувствую, что в этот раз всё будет иначе. Я чувствую, что это задание изменит нас. Навсегда.

Он ничего не ответил. Он просто обнял её, прижимая к себе, и она почувствовала, как тепло его тела разливается по ней, согревая тот холод, который начинал разрастаться внутри. Она закрыла глаза и позволила себе на мгновение забыть о задании, о бароне, о тёмных магах. Она позволила себе просто быть с ним. Потому что, что бы ни случилось, они будут вместе. И это — самое важное.

Этой ночью, когда цитадель погрузилась в сон, они стояли у окна и смотрели на звёзды. Вельда держала в руках небольшое кольцо — простое, серебряное, без камней, которое Каллан подарил ей накануне.

— Я хочу, чтобы ты носила его, — сказал он с той тёплой, знакомой нотой, которая появлялась у него только с ней. — Не как знак принадлежности. Как знак того, что ты не одна.

Она надела кольцо на палец и, чувствуя, как холод серебра касается её кожи, улыбнулась.

— Я всегда буду носить его, — сказала она. — И я всегда буду помнить, что ты — единственный, кто имеет значение.

Он поцеловал её, и в этом поцелуе не было ни страха, ни сомнений. Только обещание. Только надежда. Только любовь, которая была сильнее любых заданий, сильнее любых тёмных магов, сильнее всего, что могло случиться с ними в будущем. И когда они наконец легли спать, Вельда заснула с мыслью о том, что, что бы ни случилось, она справится. Потому что у неё есть Каллан. И потому что она дала себе слово: она никого больше не потеряет. Никого. Никогда.

На закате следующего дня они подъехали к поместью барона Вальдемара, когда солнце уже скрылось за гребнем холмов, оставляя после себя лишь полосу багрового света на горизонте. Поместье, раскинувшееся в низине между двумя лесистыми склонами, казалось вырезанным из цельного куска белого камня — стены его, сложенные из светлого известняка, почти светились в сгущающихся сумерках, а высокие, стрельчатые окна отражали последние лучи уходящего дня, превращаясь в золочёные зеркала.

Вельда осадил лошадь у въезда на аллею и долго смотрела на открывшуюся картину, чувствуя, как внутри неё, там, где обычно рождалось спокойствие перед заданием, разрастается холод. Это место было красивым. Слишком красивым. Как картина, которую пишут не для того, чтобы смотреть, а для того, чтобы скрывать за ней что-то другое.

— Слишком много охраны, — сказал Каллан, подъезжая к ней. Его голос был ровным, но она слышала в нём ту же настороженность, которую чувствовала сама. — Я насчитал дюжину только у внешних ворот. И это не считая тех, кто на стенах.

— И слишком мало слуг, — добавила она, не отрывая взгляда от поместья. — Для такого большого дома должно быть в три раза больше прислуги. А я вижу только трёх человек во дворе.

— Может быть, они просто не показываются, — предположил Эдрик, но в голосе его не было уверенности.

— Может быть, — ответила Вельда со стальной ноткой, присущей ей перед боем. — Но я не верю в совпадения. Особенно когда речь идёт о бароне, который, по слухам, торгует с тёмными магами.

Она тронула поводья, и лошадь медленно двинулась по аллее к главным воротам. За её спиной, держась на расстоянии, следовали Каллан и Эдрик. Они не разговаривали. Они знали, что слова здесь — лишние. Они чувствовали то же, что и она: что это место пропитано ложью. Что каждый камень здесь хранит тайну. И что скоро они узнают, какую именно.

У ворот их встретил управляющий — высокий, худой человек с лицом, напоминавшим старый пергамент, и глазами, которые смотрели сквозь них, а не на них. Он поклонился — коротко, церемонно, — и произнёс голосом, лишённым всякой интонации: «Барон Вальдемар ожидает вас. Прошу следовать за мной».

Вельда спешила и, передав поводья одному из слуг, шагнула за ним. Двор был пуст — только трое слуг, стоявших у фонтана, и двое стражников у главного входа. Все они смотрели прямо перед собой, не оборачиваясь, не подавая признаков жизни. Вельда чувствовала на себе их взгляды — короткие, быстрые, как удары ножа, — но когда она оборачивалась, они уже смотрели в другую сторону.

Внутри поместье было ещё красивее, чем снаружи. Высокие потолки, расписанные фресками, изображавшими охоту и пиры; широкие лестницы, устланные дорогами коврами; огромные люстры из серебра и хрусталя, в которых отражался свет тысяч свечей. Но в этой красоте было что-то мёртвое, как в музее, где все экспонаты тщательно отреставрированы, но никто не приходит их смотреть.

— Слишком чисто, — прошептал Каллан, наклоняясь к ней. — Слишком тихо. Здесь никто не живёт. Здесь просто... существуют.

Вельда ничего не ответила, но она знала, что он прав. Поместье барона Вальдемара было как красивая клетка — безупречная снаружи, но пустая внутри.

Их провели в гостиную, где у камина, держа в руке бокал с тёмным вином, стоял сам барон. Он был именно таким, как она себе представляла, — высоким, худым, с бледным лицом и тёмными, внимательными глазами, которые, казалось, видели всё и не выдавали ничего. Одет он был просто, даже скромно — без украшений, без гербов, без всего, что могло бы выдать его статус. Но в его осанке, в том, как он держал бокал, как смотрел на вошедших, чувствовалась та особая, уверенная властность, которая бывает у людей, привыкших повелевать.

— Капитан Вельда, — сказал он, и голос его был мягким, почти бархатным, но в нём слышалась та же стальная нота, которую она так хорошо знала. — Добро пожаловать в мой дом. Я наслышан о вашей репутации. Серебряная Стрела. Говорят, вы лучшая из тех, кто носит это имя.

— Говорят многое, барон, — ответила Вельда ровно, хотя внутри всё сжималось. — Мы здесь по поручению Ордена. Нам нужно осмотреть окрестности и, возможно, задать несколько вопросов.

— Конечно, — кивнул барон, и его улыбка, широкая и безупречная, не коснулась глаз. — Мои люди покажут вам комнаты. Ужин будет подан через час. Я надеюсь, вы останетесь на ночь.

— Мы останемся, — ответила она. — Нам нужно время, чтобы осмотреться.

Барон кивнул и, сделав знак рукой, отпустил их. Управляющий бесшумно появился в дверях и провёл их на второй этаж, в комнаты, которые, как он сказал, были приготовлены для них. Когда дверь за управляющим закрылась, Вельда подошла к окну и, отодвинув тяжёлую портьеру, выглянула во двор. Внизу, у главных ворот, стояли два стражника. Их лица были такими же пустыми, как у всех остальных.

— Здесь что-то не так, — сказал Каллан, подходя к ней. Его голос был тихим, почти неслышным, как будто он боялся, что стены могут услышать.

— Я знаю, — ответила она. — Но мы не можем уйти. Мы должны выполнить задание.

— Даже если это задание — ловушка?

— Даже если это ловушка, — сказала она, и в голосе её не было сомнений. — Мы — солдаты. Мы делаем то, что нам говорят. Мы доверяем Ордену.

Он ничего не ответил. Он просто стоял рядом с ней и смотрел в окно, на пустой двор, на стражников, на тени, которые уже начали сгущаться под стенами. И в этом молчании было больше, чем в любых словах. Потому что они знали: что бы ни случилось, они будут вместе. И это — единственное, что имело значение.

Ночью, когда поместье погрузилось в тишину, Вельда лежала без сна, глядя в потолок. Она чувствовала, как холод просачивается сквозь стены, как тени на полу начинают двигаться, как воздух становится тяжелее. Она знала, что завтра будет новый день. И что завтра они узнают правду. И что эта правда, какой бы она ни была, изменит всё. Навсегда.

Она не спала. Она лежала в темноте и слушала, как за стеной тикают часы — мерно, неумолимо, как шаги времени, которое никогда не ждёт. Рядом, на соседней кровати, ровно дышал Каллан. Он был рядом, и это должно было успокаивать, но внутри неё, там, где обычно рождалось спокойствие перед боем, теперь была только тревога. Она не знала, что её тревожит — слишком тихий дом, слишком пустые лица слуг, слишком безупречная улыбка барона. Или всё вместе.

Она приподнялась на локте, прислушиваясь. В доме было тихо — той особенной, давящей тишиной, которая бывает только в местах, где все затаили дыхание. Где-то внизу, кажется, скрипнула дверь. Вельда замерла, и её пальцы сами собой легли на рукоять ножа, лежавшего под подушкой.

Она не знала, что заставило её встать. Может быть, инстинкт — тот самый, который спас её в сотне патрулей и стычек. Может быть, просто любопытство. Она бесшумно поднялась, накинула плащ на ночную рубашку и, ступая босиком по холодному каменному полу, выскользнула в коридор.

В коридоре было темно, но её глаза, привыкшие к ночному лесу, быстро различали очертания. Она двинулась к лестнице, держась у стены, чувствуя, как холод камня просачивается сквозь подошвы. Снизу доносились голоса — приглушённые, но отчётливые. Она узнала голос барона Вальдемара — тот самый, мягкий и бархатный, который она слышала днём. Но теперь в нём не было церемонной вежливости. Была сталь.

— ...поставки должны быть завершены до конца месяца, — говорил барон. — Мы не можем ждать дольше. Орден уже отправил своих людей.

— Ваши люди, — ответил другой голос — низкий, хриплый, с той особой, гортанной интонацией, которую Вельда узнала мгновенно. Она слышала его в прошлом году, когда они преследовали культистов после смерти Мары. Это был их жрец — тот, кого она считала мёртвым. — Они не помешают. Мы готовы.

Вельда остановилась на последней ступеньке, прижавшись спиной к стене. Она смотрела в щель между перилами и видела их — барона Вальдемара и трёх фигур в чёрных рясах, стоявших в тени у камина. На столе, освещённом тусклым светом свечи, лежали карты, свитки, и что-то ещё — металлическое, тускло поблескивающее. Оружие.

— Орден думает, что мы просто проверяем слухи, — продолжал барон, и в голосе его послышалась усмешка. — Они послали свой лучший отряд. Серебряную Стрелу и её людей. Они уверены, что мы сотрудничаем с вами. И они правы. Только не так, как они думают.

— Ты сказал им, что мы мёртвы, — ответил культист с той же усмешкой. — Ты сказал им, что мы все погибли в том храме. Они поверили.

— Они поверили, потому что хотели верить, — сказал барон. — Орден Серебряных Часовых всегда верил в то, что ему выгодно. Им нужен был козёл отпущения, чтобы отвлечь внимание от настоящих поставок. Мы дали его им.

Вельда стояла неподвижно, чувствуя, как внутри неё разрастается холод — тот самый, который она знала слишком хорошо. Она слышала слова барона, и каждое из них врезалось в её память, как руны, выжженные на камне. «Орден думает, что мы просто проверяем слухи». «Им нужен был козёл отпущения». «Они поверили, потому что хотели верить».

Она знала этот холод. Она чувствовала его в тот день, когда держала на руках тело Мары. Она чувствовала его в ту ночь, когда стояла посреди храма среди тел врагов. Она чувствовала его каждый раз, когда думала о том, что Свет, которому она служила, был не таким светлым, как ей казалось.

Но теперь этот холод стал другим. Более глубоким. Более тёмным. Потому что теперь она знала правду. Орден знал. Они знали, что барон Вальдемар сотрудничает с культистами. Они знали, что он поставляет им оружие. И они послали её отряд сюда не для того, чтобы расследовать это. Они послали их, чтобы проверить, готова ли она предать их.

— Что будем делать с отрядом? — спросил один из культистов. — Они видели слишком много.

— Оставьте их мне, — ответил барон с холодной, расчётливой уверенностью. — Они будут устранены. Завтра ночью. Как несчастный случай.

Вельда не знала, сколько времени она простояла там, прижавшись спиной к стене, чувствуя, как каждый удар её сердца отдаётся в висках. Она видела лица культистов, видела карты на столе, видела оружие, которое они готовили для войны. И она понимала, что всё это время она была пешкой. Все они были пешками.

Она бесшумно поднялась по лестнице, стараясь не смотреть вниз. Она знала, что если обернется, если увидит их лица, она не сможет сдержаться. Она убьёт их всех. Прямо сейчас.

Но она знала и то, что это ничего не изменит. Орден просто отправит новых людей. Новых пешек. Новых солдат, которые будут верить в Свет и умирать за него, не зная правды.

В комнате Каллан всё ещё спал, когда она вернулась. Она села на край кровати, чувствуя, как холод просачивается сквозь кожу, как дрожь, которую она сдерживала, начинает вырываться наружу.

— Вельда? — его голос, сонный и встревоженный, донёсся из темноты. — Что случилось? Ты вся дрожишь.

Она не ответила. Она просто сидела, глядя в темноту, и чувствовала, как внутри неё, там, где только что была тревога, теперь была только пустота. Та самая пустота, которую она знала слишком хорошо.

— Они знали, — сказала она наконец ровным, почти безразличным голосом. — Орден знал. Они знали, что барон Вальдемар сотрудничает с культистами. Они знали, что он поставляет им оружие. И они послали нас сюда, чтобы проверить, готова ли я предать их.

Каллан сел на кровати, и в тусклом свете луны, проникавшем сквозь шторы, его лицо было бледным, как мел.

— Ты уверена? — спросил он, и в голосе его послышалась та же дрожь, которую она чувствовала в себе.

— Я слышала их, — ответила она, и голос её стал твёрже, холоднее. — Я слышала, как барон говорил о поставках. Я слышала, как он сказал, что нас уберут завтра ночью. Как несчастный случай.

Он не ответил. Он просто сидел и смотрел на неё, и в его глазах она видела то, что он не говорил: что он боится. Не за себя — за неё. За них.

— Что мы будем делать? — спросил он наконец тихо, почти беззвучно.

— Мы будем жить, — ответила она с той же стальной нотой, с какой отдавала приказы в бою. — Мы выживем. И мы узнаем правду. Всю правду.

Она повернулась к нему, и в её глазах, освещённых лунным светом, горел тот самый холодный огонь, который появлялся у неё перед боем. Не Свет Ордена. Не Свет Церкви. Её собственный свет. Свет той, кто решила, что больше не будет пешкой.

— Завтра, — сказала она, — мы уйдём. Не как солдаты Ордена. Как люди, которые хотят жить. И мы будем искать правду. Пока не найдём её.

Он взял её за руку и сжал её пальцы — крепко, как сжимают рукоять меча перед боем. И она почувствовала, как его тепло разливается по ней, согревая тот холод, который поселился в её груди.

— Мы сделаем это вместе, — сказал он. — Мы всегда делаем это вместе.

Она кивнула и, прижавшись к нему, закрыла глаза. Она знала, что завтра всё изменится. Что они уже никогда не будут прежними. Что Свет, в который она верила, больше не будет для неё тем же Светом. Но она также знала, что у неё есть он. И это — единственное, что имело значение.

Часть I. Глава 6. Прощание с Серебряным светом

Обратный путь до цитадели она не запомнила — только мелькание деревьев, стук копыт и холод, который не отпускал ни на миг. Она вошла в кабинет командира без стука — распахнула тяжёлую дубовую дверь с такой силой, что та ударилась о стену и жалобно звякнула бронзовой ручкой. Командир Вентрис сидел за своим столом — массивным, дубовым, заваленным свитками и картами. Он поднял голову, и его глаза, тёмные и глубокие, встретились с её глазами. В них не было удивления. Не было страха. Только то же самое, что она видела в глазах барона Вальдемара: знание. Он знал, что она придёт. Он ждал этого.

— Капитан Вельда, — произнёс он ровным, спокойным голосом человека, привыкшего к тому, что его приказы не обсуждаются. — Я не ожидал тебя так рано.

— Вы знали, — сказала она ледяным тоном. — Вы знали, что барон Вальдемар сотрудничает с культистами. Вы знали, что он поставяет им оружие. И вы послали нас туда, чтобы проверить, готова ли я предать вас.

Вентрис медленно поднялся из-за стола. Он был высоким — выше её, выше Каллана, — и в его фигуре, прямой и неподвижной, чувствовалась та особая, властная уверенность, которая бывает у людей, привыкших повелевать. Он обошёл стол и остановился напротив неё, глядя сверху вниз, и в его взгляде она не видела ни раскаяния, ни оправдания. Только оценку.

— Ты права, — сказал он всё так же ровно. — Я знал. Я знал обо всём. О поставках, о культистах, о бароне. Я знал, что они готовят войну. И я знал, что ваш отряд — лучший из тех, кто мог бы это проверить.

— Вы послали нас умирать, — сказала она, и в голосе её послышалась дрожь — не от страха, от ярости. — Вы послали нас в ловушку. Вы знали, что мы можем не вернуться. Вы знали, что Мара...

Она замолчала, чувствуя, как слова застревают в горле. Она не могла произнести имя Мары. Не здесь. Не перед ним.

— Мара была хорошим солдатом, — сказал Вентрис без скорби, без сочувствия, просто констатируя факт. — Она погибла, выполняя долг. Это то, за что мы платим им. Это то, за что мы платим всем.

— Вы платите им жизнями? — спросила она, и голос её стал твёрже, холоднее. — Вы платите им кровью, чтобы скрыть свои преступления?

— Я плачу им, чтобы защитить Свет, — ответил он с твёрдостью, присущей ему в бою. — Иногда, Вельда, Свет требует тени. Иногда, чтобы сохранить мир, нужно приносить жертвы. Ты должна понять это. Ты должна молчать.

— Молчать? — переспросила она с горькой усмешкой. — Вы хотите, чтобы я молчала о том, что вы послали мой отряд на смерть? Вы хотите, чтобы я молчала о том, что вы покрываете предателя?

— Я хочу, чтобы ты помнила, — сказал он тише, но не менее твёрдо, — что мы служим не себе. Мы служим Свету. И иногда Свет требует жертв. Ты видела это. Ты знаешь это.

— Я знаю только то, что вы предали нас, — ответила она. — Вы предали моих людей. Вы предали Мару. Вы предали всё, во что мы верили.

Она повернулась и, не прощаясь, направилась к двери. За её спиной голос Вентриса прозвучал снова — тихий, почти мягкий, но в нём слышалась та же стальная нота, с какой он отдавал приказы:

— Подумай, Вельда. Подумай о том, что ты делаешь. Если ты расскажешь правду, ты разрушишь всё, что мы строили. Ты разрушишь Орден. Ты разрушишь Свет.

Она не обернулась.

В коридоре её ждал Каллан. Он стоял у стены, прислонившись плечом к каменной кладке, и его лицо, обычно спокойное и уверенное, было бледным. Он слышал всё. И в его глазах она видела то, что не могла выразить словами: страх. Не за себя — за неё.

— Вельда, — сказал он тихо, почти неслышно. — Ты не должна идти к Орлину. Если ты расскажешь ему правду, они уничтожат тебя. Они уничтожат нас.

— Я должна, — ответила она твёрдо. — Я должна рассказать ему правду. Я должна рассказать всем.

— И что это изменит? — спросил он с горечью. — Ты думаешь, Орлин не знает? Ты думаешь, он не догадывается? Он — часть этого. Все они — часть этого. Свет, которому мы служим, не такой светлый, как нам казалось. Мы не можем изменить это.

— Мы можем попытаться, — сказала она без сомнений. — Мы можем хотя бы попытаться.

Он шагнул к ней и взял её за руку. Его пальцы были тёплыми, и она почувствовала, как это тепло проникает сквозь холод, который сжимал её грудь.

— Я не хочу потерять тебя, — сказал он с той уязвимостью, которую показывал только ей. — Я не хочу, чтобы они уничтожили тебя.

— Они не уничтожат меня, — ответила она. — Я не позволю им.

Она высвободила свою руку и, не оглядываясь, направилась к лестнице, ведущей в башню Орлина. Каллан не пошёл за ней. Он стоял в коридоре, глядя ей вслед, и чувствовал, как внутри него, там, где только что была надежда, разрастается страх. Он знал, что она права. Но он также знал, что правда, которую она собирается рассказать, может стоить ей жизни.

Орлин сидел в своей башне, в том самом кресле, в котором она видела его сотни раз, и смотрел в окно. Когда она вошла, он не обернулся. Он просто сидел, глядя на догорающий закат, и в его единственном глазу, обычно холодном и оценивающим, она увидела то, чего не видела никогда раньше: печаль.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Я знал, что рано или поздно ты узнаешь правду.

— Вы знали, — сказала она, и голос её дрогнул. — Вы знали, что они делают. Вы знали, что они послали нас умирать. И вы ничего не сказали.

Он медленно повернулся к ней, и в его глазах, освещённых тусклым светом свечи, она увидела ответ.

— Я знал, — сказал он. — Но я ничего не мог сделать. Они слишком сильны. Слишком влиятельны. Если я заговорю, они уничтожат меня. И они уничтожат тебя. Ты должна понять, Вельда: Свет, которому мы служим, несовершенен. Он создан людьми. А люди иногда ошибаются. Иногда они предают.

— Тогда зачем мы здесь? — спросила она с той же горечью. — Зачем мы сражаемся? Зачем мы умираем?

Он поднялся из кресла и, подойдя к ней, положил руку на её плечо.

— Мы здесь, чтобы защищать тех, кто не может защитить себя, — сказал он с той редкой, тёплой нотой, которую она слышала только в самые трудные моменты. — Мы здесь, чтобы делать то, что правильно. Даже когда правильно — это трудно. Даже когда правильно — это больно.

Она смотрела на него и чувствовала, как слёзы подступают к горлу. Она хотела сказать ему что-то — что она не может молчать, что она не может предать Мару, что она должна рассказать правду, — но слова застряли в горле.

— Я не могу молчать, — сказала она наконец. — Я не могу позволить им уйти от ответственности.

— Я знаю, — ответил он с той же печалью. — Иди. Сделай то, что должна. Но помни: ты не одна. Что бы ни случилось, ты не одна.

Она повернулась и вышла из башни, чувствуя, как его слова остаются с ней — тёплые, успокаивающие. И когда она спускалась по лестнице, когда ветер касался её лица, она знала: она сделает это. Она расскажет правду. Она не позволит им предать Мару. Не позволит им предать всех тех, кто верил в Свет. Даже если этот Свет окажется ложью.

Но прежде чем покинуть цитадель навсегда, она снова поднялась в башню — уже в темноте, когда коридоры опустели, а ветер за окнами выл особенно тоскливо. Орлин стоял у окна, когда она вернулась. Он не обернулся на звук открывшейся двери, но она знала — он слышал её шаги. Слышал её дыхание. Слышал тот холод, который она принесла с собой из кабинета командира. Закат уже догорел, и за стёклами, отражавшими теперь только темноту и свечи, простиралась ночь — такая же тёмная, как та правда, которую он должен был ей сказать.

— Ты говорил, что Свет требует жертв, — произнесла она, и голос её, ровный и холодный, разрезал тишину, как лезвие. — Ты говорил, что иногда нужно делать выбор. Теперь я хочу знать: ты знал? Ты знал, что они делают?

Орлин медленно повернулся к ней. Его лицо, изрезанное морщинами, казалось вырезанным из старого, потрескавшегося камня — неподвижное, суровое, но в единственном глазу она увидела то, чего не видела никогда раньше. Усталость. Такую глубокую, такую древнюю, что она невольно отшатнулась.

— Я знал, — сказал он голосом человека, который говорит правду, зная, что она может разрушить всё. — Я знал об этом много лет. С тех пор, как Вентрис впервые пришёл к власти. С тех пор, как они начали использовать тёмные силы для достижения своих целей.

— И вы ничего не сделали? — спросила она, и в голосе её послышалась дрожь — не от страха, от ярости, которая клокотала под холодной поверхностью. — Вы смотрели, как они убивают невинных? Как они посылают людей на смерть? Как они покрывают предателей?

— Я сделал то, что мог, — ответил он с той же усталостью. — Я пытался остановить их. Я говорил с Вентрисом. Я говорил с советом. Я говорил со всеми, кто мог слушать. Но они не слушали. Они слишком сильны, Вельда. Слишком влиятельны. Они контролируют Орден. Они контролируют Церковь. Они контролируют всё.

— Тогда зачем вы здесь? — спросила она громче, острее. — Зачем вы учили нас? Зачем вы говорили нам о Свете, о справедливости, о том, что мы должны защищать тех, кто не может защитить себя? Если вы знали, что всё это — ложь?

Он шагнул к ней, и в его единственном глазу мелькнула та самая редкая, почти болезненная искра, которую она видела только в самые трудные моменты.

— Потому что я верил, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я верил, что мы можем изменить это изнутри. Я верил, что если мы будем достаточно сильны, если мы будем достаточно упорны, мы сможем повернуть Свет в нужное русло. Я ошибался. Я ошибался много лет. И теперь, — он помолчал, и голос его стал тише, почти беззвучным, — теперь я плачу за эту ошибку.

Вельда смотрела на него, и внутри неё, там, где только что была ярость, теперь разрасталась пустота. Та самая пустота, которую она знала слишком хорошо. Но теперь она стала другой. Более глубокой. Более окончательной.

— Я ухожу, — сказала она ровным, почти безразличным голосом человека, который принял решение и не собирается его обсуждать. — Я не могу оставаться здесь. Я не могу служить им. Я не могу делать вид, что ничего не знаю.

Орлин не пытался остановить её. Он просто стоял и смотрел на неё, и в его единственном глазу она увидела то, чего не видела никогда раньше: смирение. Он знал, что она уйдёт. Он знал, что она должна уйти. И он не мог её винить.

— Я знал, что этот день настанет, — сказал он мягче, чем она ожидала. — Я знал, что рано или поздно ты узнаешь правду. И я знал, что ты не сможешь жить с ней.

— Тогда зачем вы учили меня? — спросила она с горечью. — Зачем вы делали из меня то, кем я стала?

— Потому что я видел в тебе то, чего не видел ни в ком другом, — ответил он с той самой тёплой, знакомой нотой. — Я видел в тебе надежду. Я видел в тебе свет, который не мог погаснуть. И я хотел, чтобы ты нашла свой путь. Даже если этот путь будет не таким, как я представлял.

Она не знала, что ответить. Она стояла перед ним, чувствуя, как слёзы подступают к горлу, и знала, что если она заговорит, они хлынут наружу. Она не могла позволить себе плакать. Не сейчас. Не перед ним.

— Прощайте, наставник, — сказала она наконец, и голос её дрогнул. — Я никогда не забуду того, чему вы меня научили.

— И я никогда не забуду тебя, — ответил он с той редкой, кривой усмешкой, которую она так хорошо знала. — Ты была лучшей из всех, кого я учил. И ты всегда будешь ею.

Она повернулась и вышла из башни, чувствуя, как его слова остаются с ней — тёплые, успокаивающие. Она спускалась по лестнице, и каждый шаг отдавался в её груди, как удар колокола, возвещающий конец. Она знала, что оставляет не просто Орден. Она оставляет свою веру. Свои идеалы. Всё, во что она верила.

Внизу, у выхода из цитадели, стоял Каллан. Он не спал. Он ждал её, и в его глазах она увидела всё, что он не мог сказать. Боль. Страх. Надежду.

— Ты уходишь, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение.

— Я ухожу, — ответила она твёрдо, хотя внутри всё дрожало. — Я не могу оставаться здесь. Я не могу служить им.

— Я знаю, — сказал он с той же горечью. — Я знаю, что ты должна уйти. Но я хочу, чтобы ты знала: если ты уйдёшь, я останусь один. Я не смогу жить без тебя.

Она подошла к нему и взяла его лицо в свои ладони, чувствуя, как его щёки, покрытые лёгкой щетиной, касаются её пальцев.

— Ты не останешься один, — сказала она мягче, чем хотела. — Ты всегда будешь со мной. Я буду помнить тебя. Я буду любить тебя. Всегда.

— Тогда не уходи, — прошептал он с той уязвимостью, которую показывал только ей. — Останься. Мы найдём способ. Мы изменим это изнутри. Мы...

— Нет, — перебила она, и голос её стал твёрже, хотя слёзы уже начинали течь по её щекам. — Мы не можем изменить это. Мы никогда не сможем изменить это. Свет, которому мы служим, ложен. И если я останусь, я стану такой же, как они. Я не хочу быть такой.

Он не ответил. Он просто стоял и смотрел на неё, и в его глазах, влажных от слёз, она увидела то, что он не говорил: что он понимает. Что он отпускает её. Что он всегда будет любить её.

— Я буду ждать тебя, — сказал он наконец тихо, почти беззвучно. — Я буду ждать тебя всегда. Где бы ты ни была. Что бы ни случилось.

Она поцеловала его — в последний раз, чувствуя, как его губы касаются её губ, как его тепло разливается по её телу, согревая тот холод, который поселился в её груди. И когда она отстранилась, она знала, что этот поцелуй останется с ней навсегда.

— Прощай, Каллан, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я никогда не забуду тебя.

Она повернулась и пошла к воротам, чувствуя, как его взгляд прожигает её спину. Она не оборачивалась. Она знала, что если обернётся, то не сможет уйти. А она должна была уйти. Должна была найти свой путь. Свой собственный свет. Даже если этот свет окажется тьмой.

Она вышла за ворота цитадели, и ночь встретила её холодным ветром и звёздами, которые светили так же равнодушно, как и всегда. Она подняла голову к небу и, чувствуя, как слёзы текут по щекам, произнесла одними губами:

— Я найду свой путь. Я не позволю им победить.

Она шла вперёд, в темноту, оставляя позади всё, что когда-то было ей дорого. И она знала, что этот путь будет долгим и трудным. Но она также знала, что у неё есть цель. И что она никогда не сдастся. Потому что она — Серебряная Стрела. И она всегда попадает в цель.

Часть I. Глава 7. Потерявшая счёт

Она вышла за ворота цитадели на рассвете, когда небо над горами только начинало сереть, а первые лучи солнца ещё не коснулись шпилей главной башни. Ветер был холодным и колючим — тем самым, осенним, который пробирается под одежду и оставляет на коже мурашки, даже когда ты закутан в плащ. Вельда не чувствовала холода. Она не чувствовала ничего.

За её спиной остались стены, которые она знала с двенадцати лет. Каждый камень, каждая трещина, каждая выбоина — всё это было частью её жизни, её истории, её веры. Теперь она оставляла это всё позади. Не как беглец, не как предательница. Просто как человек, который больше не мог здесь оставаться. Потому что если бы она осталась, она бы сломалась. Или стала такой же, как они.

Она шла по дороге, уводившей от цитадели вниз, к лесу, который начинался у подножия холма. Шаги её были ровными, но внутри неё, там, где ещё вчера была ярость, теперь была только пустота. Та самая пустота, которую она знала слишком хорошо. Она чувствовала её в тот день, когда держала на руках тело Мары. Она чувствовала её в ту ночь, когда стояла среди тел врагов. Она чувствовала её каждый раз, когда думала о том, что Свет, которому она служила, был ложью.

Теперь эта пустота стала другой. Более глубокой. Более окончательной. Как будто кто-то вырезал из неё сердце и оставил только оболочку. Она прошла около мили, прежде чем остановиться. Дорога здесь делала поворот, и с этого места цитадель была видна вся — от массивных стен до главной башни, где когда-то горел свет в окне Орлина. Она смотрела на неё долго, очень долго, и чувствовала, как внутри неё, там, где была пустота, начинает разрастаться что-то другое. Боль. Тихая, глубокая, как океанское течение.

Она расстегнула ворот плаща и сняла с шеи серебряный медальон. Тот самый, который Орлин вручил ей девять лет назад, когда она, шестнадцатилетняя девчонка, стояла в оружейной и чувствовала, как холод серебра касается её кожи. Дубовый лист и перекрещённые стрелы — символ Ордена Серебряных Часовых, символ Света, которому она клялась служить. Она держала его на ладони, чувствуя, как металл, тёплый от её тела, начинает остывать на утреннем ветру. Внутри неё, там, где была пустота, что-то шевельнулось. Не надежда. Не сожаление. Просто воспоминание. Она вспомнила, как Орлин вложил этот медальон в её раскрытую ладонь: «Отныне ты — Серебряная Стрела». Как Каллан смотрел на неё в тот первый день, стоя под навесом: «Ты лучшая». Как Мара, тихая и незаметная, смотрела на неё с той же печальной улыбкой, с какой смотрела на всё: «Я хотела, чтобы ты гордилась мной».

Вельда закрыла глаза и позволила этим воспоминаниям на мгновение заполнить пустоту. Она чувствовала тепло рук Каллана, слышала голос Орлина, видела лицо Мары — живое, улыбающееся, настоящее. А затем она открыла глаза, и всё исчезло. Она опустилась на колени у обочины дороги, где земля была мягкой от утренней росы. Она не знала, зачем делает это. Может быть, потому что ей нужно было оставить здесь часть себя. Может быть, потому что она не могла унести этот медальон с собой. Он был символом всего, во что она верила. И она больше не могла носить его.

Она положила медальон на плоский камень, лежавший у корней старого дуба. Серебро тускло блеснуло в первых лучах солнца, пробивавшихся сквозь ветви. Она смотрела на него, чувствуя, как слёзы начинают подступать к горлу, но они не текли. Она не могла плакать. Она не могла ничего.

— Прощай, — прошептала она, и голос её был хриплым, как у человека, который долго молчал.

Она поднялась и, не оглядываясь, пошла дальше. Она знала, что этот медальон будет лежать здесь, на этом камне, до тех пор, пока его не найдёт кто-то другой. Может быть, путник. Может быть, зверь. Может быть, никто. Она знала, что больше никогда не вернётся за ним. Внутри неё, там, где была пустота, теперь начало разрастаться что-то новое. Не надежда. Не боль. Просто чувство. Чувство, что она сделала правильный выбор. Что она не могла остаться. Что она должна была уйти. Она шла по дороге, ведущей в лес, и ветер, всё такой же холодный и колючий, касался её лица. Она чувствовала, как с каждым шагом пустота внутри неё начинает заполняться чем-то другим — не теплом, не светом, а просто тихой, спокойной решимостью. Она не знала, куда идёт. Она не знала, что найдёт впереди. Но она знала, что никогда не вернётся назад.

К полудню она добралась до небольшого ручья, где остановилась, чтобы напиться. Вода была холодной и чистой, и она, опустившись на колени, долго пила, чувствуя, как ледяная влага стекает по горлу, принося с собой странное, почти забытое ощущение — она была жива. Она дышала. Она двигалась. И это было единственное, что имело значение. Она подняла голову и посмотрела на небо, голубое и ясное, без единого облачка. Где-то там, за горами, осталась цитадель. Где-то там остался Каллан. Где-то там остался Орлин. Где-то там осталась Мара — в памяти, в сердце, в каждом ударе её пульса. Она встала и, поправив лук за спиной, пошла дальше. Впереди был лес. Впереди был мир, который она знала только по патрулям и стычкам. Теперь этот мир ждал её. Не как солдата, не как капитана, не как Серебряную Стрелу. Просто как человека, который потерял всё, но нашёл себя. Она шла вперёд, и ветер, ещё холодный, но уже не такой колючий, касался её лица. Она не знала, что ждёт её впереди. Она не знала, будет ли она когда-нибудь счастлива. Но она знала, что будет идти. Потому что это был её путь. Её дорога. Её жизнь. И она собиралась прожить её — не для Света, не для Ордена, не для кого-то ещё. Для себя.

На закате, когда лес начал темнеть, а тени стали длиннее, она остановилась у старого, полуразрушенного дома на краю деревни. Она не знала, кто здесь жил. Она не знала, пуст ли он или занят. Она просто знала, что больше не может идти. Она опустилась на порог, прислонившись спиной к стене, и закрыла глаза. Внутри неё, там, где была пустота, теперь звучал тихий голос. Не её голос. Голос Мары. Голос, который она слышала в тот последний миг, когда держала её на руках: «Я хотела, чтобы ты гордилась мной». Вельда открыла глаза и посмотрела на звёзды, которые начинали проступать сквозь вечернюю синеву.

— Я горжусь тобой, — прошептала она. — Я всегда гордилась тобой.

И в этот миг, в тишине ночи, она почувствовала, как внутри неё загорается что-то маленькое, тёплое. Не надежда. Не свет. Просто искра. Искра, которая говорила ей: ты не одна. Ты никогда не будешь одна. Потому что те, кого ты любишь, остаются с тобой. Всегда. Она закрыла глаза и позволила себе провалиться в сон. Без сновидений. Без кошмаров. Только тишина. Только покой. И где-то далеко, в глубине её сознания, звучал голос Мары — тихий, спокойный, прощающий. Голос, который говорил ей: «Иди. Живи. Помни».

Городок назывался Олд-Кросс — десяток кривых улочек, две таверны, одна площадь с облупившимся фонтаном и городская стража, состоящая из семи человек, включая начальника. Вельда нашла его случайно, бродя по южным дорогам, когда ноги уже отказывались нести её дальше, а деньги, которые она заработала на случайных подработках, почти закончились. Она остановилась у ворот, глядя на вывеску с надписью «Стража Олд-Кросса», и почувствовала, как внутри неё шевельнулось что-то похожее на усталую иронию. Стражница в маленьком городке. Как далеко она упала.

Начальник стражи, толстый, краснолицый мужчина по имени Хардин, посмотрел на неё с недоверием, когда она попросила работу.

— Ты слишком худая, — сказал он, окидывая её взглядом, который задерживался на её луке дольше, чем на её лице. — И слишком хорошо вооружена для простой бродяжки.

— Я была солдатом, — ответила она ровно, без интонаций. — Умею стрелять. Умею драться. И мне не нужны лишние вопросы.

Хардин хмыкнул, но работу дал. Может быть, потому что в городе не хватало людей. Может быть, потому что в её глазах он увидел что-то, что заставило его не спорить. Он выделил ей комнату в казарме — маленькую, с койкой и столом, и поставил в ночной патруль. Это была простая работа: ходить по улицам, смотреть, чтобы никто не грабил и не убивал, и возвращаться на рассвете в казарму, чтобы отсыпаться до вечера.

Первые недели она просто существовала. Она ходила по улицам, смотрела на звёзды, слушала, как ветер шумит в кронах деревьев за городской стеной. Она не думала. Она не чувствовала. Она просто была — как камень, как дерево, как часть этого маленького, тихого мира, который не знал о Свете и Тьме, о культистах и заговорах. Здесь никто не спрашивал её о прошлом. Здесь никто не называл её Серебряной Стрелой. Она была просто Вельдой, женщиной с луком, которая патрулировала улицы и не задавала лишних вопросов.

Но прошлое не забывало её. Она заметила их впервые через три недели, когда возвращалась с ночного патруля. Двое незнакомцев стояли у фонтана, глядя на неё, и в их взглядах, скрытых под низко надвинутыми капюшонами, она узнала тот самый холод, который помнила с тех пор, как впервые столкнулась с культистами. Она не остановилась. Она просто прошла мимо, чувствуя, как их взгляды прожигают ей спину. Она не сказала никому. Не потому, что не хотела — потому, что не могла. Она была одна. Она всегда была одна.

Через неделю они пришли снова. На этот раз их было четверо. Они стояли у таверны, где она иногда ужинала, и когда она вышла, один из них шагнул к ней.

— Ты та самая, — сказал он, и голос его был низким, гортанным, с той же интонацией, которую она слышала в голосе культиста в поместье Вальдемара. — Та, которая убила наших братьев в храме.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — ответила она ровно, хотя внутри всё сжималось.

— Знаешь, — сказал он с усмешкой. — Мы искали тебя долго. Ты думала, что можешь спрятаться? Думала, что можешь стать обычным человеком? Ты — Серебряная Стрела. И ты заплатишь за то, что сделала.

Она не стала ждать, пока они нападут. Она выхватила нож и ударила первым — быстрым, точным движением, которое знала с детства. Культист упал, и его тело, забившись в судорогах, рухнуло на землю. Остальные трое бросились на неё, но она была быстрее. Она всегда была быстрее. Она убила их всех в переулке, недалеко от таверны. Когда всё закончилось, она стояла над их телами, тяжело дыша, и чувствовала, как дрожат её руки, сжимающие нож. Она не знала, сколько времени прошло, но когда она подняла голову, над городом уже занимался рассвет.

Она вернулась в казарму, но не спала. Она сидела на койке, глядя в стену, и чувствовала, как внутри неё, там, где была пустота, начинает разрастаться страх. Она знала, что они не остановятся. Она знала, что они будут искать её снова и снова. И она знала, что если она останется здесь, они сожгут этот город. Как они сожгли ту деревню. Как они убили Мару. Она ушла на следующее утро, не сказав никому ни слова. Но было уже поздно.

Они пришли через три дня, когда она уже была далеко. Она узнала об этом от торговца, которого встретила на дороге. Он был бледен, его руки дрожали, и когда она спросила его, что случилось, он ответил хриплым, сломленным голосом:

— Олд-Кросс. Сожгли дотла. Всё. Людей. Дома. Всё.

Вельда остановилась. Она стояла посреди дороги, чувствуя, как мир вокруг неё начинает плыть. Она слышала слова торговца, но не могла поверить им. Не могла принять их. Она вернулась в Олд-Кросс на следующий день, когда солнце уже клонилось к закату, и увидела только пепел. Чёрный, дымящийся пепел, который когда-то был городом. Обгоревшие балки, обугленные тела, которые никто не собрал. И тишина. Та самая тишина, которая бывает только на месте бойни.

Она стояла на пороге того, что когда-то было казармой, и смотрела на обгоревший остов. Где-то внутри, под слоем пепла, лежало тело Хардина — толстого, краснолицего мужчины, который дал ей работу, когда никто другой не дал бы. Где-то там лежали люди, которых она охраняла. Люди, которые не знали её прошлого. Люди, которые не заслуживали смерти. Она упала на колени в пепел, чувствуя, как он обжигает её кожу, как запах гари проникает в лёгкие, как слёзы, которые она сдерживала так долго, наконец хлынули наружу. Она плакала не о себе. Она плакала о них. О Хардине. О его людях. О всех, кто погиб из-за неё.

— Это моя вина, — прошептала она сломленным голосом. — Это всё моя вина.

Она не знала, сколько времени просидела там, в пепле, чувствуя, как холодная ночь опускается на руины. Она не знала, когда поднялась и пошла прочь. Она просто шла — через лес, через поля, через дороги, которые вели в никуда. Она шла, оставляя позади пепел и тишину. Она шла, чувствуя, как внутри неё, там, где была пустота, теперь разрастается что-то новое. Не страх. Не боль. Вина. Глубокая, всепоглощающая вина, которая говорила ей: это ты. Это из-за тебя. Ты приносишь смерть всем, кто тебя окружает. Она остановилась на краю леса, когда уже стемнело, и, опустившись на колени, подняла голову к небу, усыпанному звёздами. Она смотрела на них долго, очень долго, и в их холодном, равнодушном свете она увидела ответ. Она не может быть обычным человеком. Она не может спрятаться. Она не может позволить себе никого любить. Потому что каждый, кто приближается к ней, умирает.

— Я буду одна, — прошептала она, и в этом слове не было ни сожаления, ни надежды. Только принятие.

Она встала и, поправив лук за спиной, пошла дальше в ночь. Она шла одна, и тени вокруг неё сгушались, как её собственная душа. Она не знала, куда идёт. Она не знала, что ждёт её впереди. Но она знала, что больше никогда не позволит никому приблизиться к ней. Никогда. Потому что она — Серебряная Стрела. И её стрелы всегда находят цель. Даже если эта цель — она сама.

Таверна «Кривой клинок» стояла на перекрёстке трёх дорог, в том самом месте, куда сходились торговые пути из южных княжеств и северных земель, и потому здесь всегда было шумно, грязно и полно людей, которым лучше было не задавать вопросов. Вельда сидела в дальнем углу, за столиком, который никто не хотел занимать из-за сквозняка и шаткой ножки, и смотрела, как хозяин таверны — низкорослый, лысый мужчина с лицом, напоминавшим старую, потрескавшуюся кожу, — протирал кружки, не глядя на посетителей.

Она была здесь уже третий день. Спала на сеновале за таверной, ела один раз в день — то, что оставалось от ужина, — и ждала. Ждала того, кто мог бы предложить ей работу. Ту самую работу, за которую платят и не спрашивают лишнего. Она ненавидела это. Ненавидела себя за то, что пришла сюда. Но она должна была есть. А для того, чтобы есть, нужно было платить. А для того, чтобы платить, нужно было работать. Или убивать. Она выбрала работать.

— Ты та самая, про которую говорили, — сказал хозяин, подходя к её столику и ставя перед ней кружку с тёплым, разбавленным элем. — Лучница. Из северных земель. Говорят, ты метко стреляешь.

— Кто говорил? — спросила она ровно, без интонаций.

— Люди, — ответил он, пожав плечами. — В таких местах, как это, слухи распространяются быстрее, чем чума. Ты нужна одному человеку. Завтра утром. Вон там, — он кивнул в сторону двери, за которой сгушались сумерки, — у старого колодца. Он будет ждать.

Вельда не спросила, кто этот человек. Не спросила, что ему нужно. Она просто кивнула, допила эль и вышла из таверны, чувствуя на спине взгляд хозяина, который, как она знала, уже подсчитывал свою долю за то, что свёл её с этим незнакомцем.

Заказчик оказался купцом — толстым, краснолицым, с пальцами, унизанными золотыми кольцами, которые он, казалось, носил не ради красоты, а чтобы показать, что может позволить

себе такие кольца. Он стоял у колодца, нервно оглядываясь, и когда Вельда подошла, прошептал, наклоняясь к ней:

— Мне нужно, чтобы ты сопровождала мой товар до южных ворот. Там, где лес начинается. Недалеко, но дорога опасная. Говорят, бандиты орудуют.

— Почему я? — спросила она всё так же ровно.

— Потому что ты не задаёшь лишних вопросов, — ответил он, и в его глазах мелькнула та самая хитрая, оценивающая искра, которую она знала слишком хорошо. — И потому что ты не похожа на тех, кто будет болтать.

Она не стала спорить. Назвала цену, он заплатил половину вперед, и они отправились в путь.

Задание было скучным. Она вела телегу через лес, чувствуя на себе взгляды из темноты, но бандиты не напали — может быть, потому что она держала лук наготове, а может быть, потому что они знали, что в телеге нет ничего ценного. Купец, как она догадалась, просто проверял дорогу, используя её как приманку. Или как щит. Ей было всё равно. Когда они добрались до южных ворот, купец заплатил остаток и исчез в толпе, даже не поблагодарив. Вельда стояла на дороге, глядя, как его фигура удаляется, и чувствовала, как внутри неё, там, где была пустота, начинает разрастаться что-то новое. Не холод. Не боль. Просто... ничего.

Она не знала, когда перестала чувствовать. Может быть, в тот день, когда сторел Олд-Кросс. Может быть, в ту ночь, когда она убила культистов в переулке. Может быть, когда оставила медальон на камне у дороги. Она просто знала, что теперь внутри неё нет ни страха, ни надежды, ни даже отчаяния. Только тишина. И холод.

Следующие задания были такими же — мелкими, скучными, безопасными. Она охраняла караваны, сопровождала купцов, иногда — и это было самое неприятное — выбивала долги из тех, кто не хотел платить. Она не убивала без крайней нужды. Она просто стояла с луком наготове, и люди, глядя в её глаза, понимали, что спорить с ней не стоит. Она не знала, что они видели в её глазах. Может быть, пустоту. Может быть, холод. Может быть, то самое, что заставляло их отступать без боя.

Но иногда она вспоминала. Иногда, когда она сидела у костра, глядя на огонь, или когда ветер доносил до неё запах дыма, она чувствовала, как внутри неё, там, где была пустота, начинает шевелиться что-то живое. Боль. Тоска. Воспоминания. Она вспоминала Мару — её тихую улыбку, её печальные глаза, её последние слова. Она вспоминала Каллана — его руки, его голос, его поцелуй. «Я буду ждать тебя. Всегда». Она вспоминала Орлина — его лицо, изрезанное морщинами, его единственный глаз, в котором она видела усталость и надежду. «Ты была лучшей из всех, кого я учил». И каждый раз, когда она вспоминала, она чувствовала, как холод внутри неё становится глубже. Потому что она знала, что не может вернуться. Не может позвонить. Не может написать. Она должна была забыть. Должна была стать той, кого не существует. Тенью, которая проходит сквозь мир, не оставляя следов.

Она не знала, когда перестала спрашивать имена. Когда перестала интересоваться, кто её заказчики и зачем им её услуги. Она просто делала работу. Получала деньги. Уходила. И так продолжалось недели, месяцы. Она потеряла счёт времени. Она потеряла счёт заданиям. Она потеряла счёт себе.

Часть I. Глава 8. Искра среди пепла

Однажды, когда она сидела в очередной таверне, ожидая очередного заказчика, она услышала, как кто-то за соседним столом произнёс имя, которое заставило её сердце пропустить удар.

— ...Серебряная Стрела, — говорил голос — низкий, хриплый, принадлежавший старому солдату с седыми усами и пустым рукавом, заправленным за пояс. — Слышал о ней. Говорят, она была лучшей в Ордене Серебряных Часовых. А потом исчезла. Никто не знает, куда.

— Мёртва, наверное, — ответил другой голос. — Или в бегах. Такие не пропадают просто так.

— Может быть, — сказал старый солдат и пожал плечами. — Но я слышал, что она была одной из лучших. Настоящая легенда.

Вельда сидела неподвижно, глядя в кружку с элем, и чувствовала, как внутри неё, там, где была пустота, начинает шевелиться что-то живое. Не гордость. Не боль. Просто отголосок той, кем она когда-то была. Она поднялась из-за стола и вышла из таверны, не допив эля. Внутри неё, там, где был холод, что-то изменилось. Не стало теплее. Не стало светлее. Просто она поняла, что не может продолжать так жить. Что она не может просто исчезнуть. Что она должна найти свой путь. Свой собственный свет. Даже если этот свет окажется тьмой. Она не знала, как это сделать. Не знала, куда идти. Но она знала, что должна попытаться. Должна найти смысл. Должна перестать быть тенью. Даже если это будет стоить ей жизни. Она пошла вперёд, в ночь, чувствуя, как ветер касается её лица, а звёзды смотрят на неё с той же холодной, равнодушной высоты, что и всегда. Она шла, оставляя позади таверну, заказчиков, монеты. Она шла, и впервые за долгое время ей казалось, что она идёт не в никуда. А куда-то. Куда-то, где она сможет найти ответ. Где она сможет найти себя.

Она узнала его по походке. За два года она забыла многое — лица заказчиков, названия городов, имена людей, которых встречала на дорогах. Но его походку она узнала мгновенно. Лёгкую, чуть пружинистую, как у человека, который привык двигаться бесшумно, но не прятаться. Она сидела у костра на окраине леса, где остановилась на ночлег, и когда услышала шаги за спиной, её рука сама легла на рукоять ножа.

— Не надо, — сказал голос, и от этого голоса у неё перехватило дыхание. — Я не враг.

Она медленно повернулась. Он стоял в двадцати шагах от неё, на границе света и тени, и за два года он изменился. Стал шире в плечах, жестче, и в его глазах, тёмных и глубоких, появилась та особая, усталая мудрость, которая приходит только с годами и потерями. Но он был тем же. Тем, кто сказал ей тогда, в лесу, после первого убийства: «Ты спасла жизнь. Запомни это». Тем, кто ждал её у ворот цитадели в ту ночь, когда она уходила. Тем, кто обещал ждать всегда.

— Каллан, — сказала она, и голос её был ровным, хотя внутри всё дрожало. — Как ты меня нашёл?

— Я искал тебя два года, — ответил он с усталостью, которая была не только в голосе, но и в его глазах. — Я искал тебя везде. Я спрашивал о тебе в каждом городе, в каждой таверне, у каждого, кто мог тебя видеть. Ты оставляешь следы, Вельда. Ты думаешь, что не оставляешь, но ты оставляешь.

Она не ответила. Она просто стояла, чувствуя, как холод внутри неё начинает таять, уступая место чему-то другому. Тому, что она пыталась забыть. Тому, что она не могла забыть.

— Зачем ты искал меня? — спросила она, и голос её дрогнул.

Он шагнул вперёд, и свет костра упал на его лицо, освещая морщины у глаз и седину в волосах, которой не было два года назад.

— Орден хочет вернуть тебя, — сказал он с той же твёрдой, официальной нотой, с которой говорил о заданиях. — Они говорят, что готовы простить тебя. Что они понимают, почему ты ушла. Что они хотят, чтобы ты вернулась.

Она усмехнулась — горько, безрадостно.

— Они хотят вернуть меня, — повторила она со стальной ноткой, присущей ей в бою. — Они хотят, чтобы я снова стала их пешкой. Чтобы я снова убивала за них. Чтобы я снова верила в их ложь.

— Нет, — сказал он с твёрдостью, с какой когда-то убеждал её не уходить. — Я не поэтому пришёл. Я пришёл не за ними. Я пришёл за тобой.

Она смотрела на него, и внутри неё, там, где была пустота, что-то шевельнулось. Не надежда. Не боль. Просто отголосок той, кем она когда-то была.

— Я не могу вернуться, — сказала она тихо, почти беззвучно. — Я не могу снова стать частью этого. Я не могу снова верить в Свет.

— Я знаю, — ответил он с той же печалью, что и в её голосе. — Я знаю, что ты не можешь вернуться в Орден. Я знаю, что ты больше не веришь в Свет. Я знаю, что ты потеряла веру. Но я не прошу тебя верить в Свет. Я прошу тебя верить в меня.

Она не ответила. Она стояла неподвижно, чувствуя, как слёзы подступают к горлу, и знала, что если она заговорит, они хлынут наружу. Она не могла позволить себе плакать. Не сейчас. Не перед ним.

— Я люблю тебя, — сказал он, и слова эти, произнесённые в тишине ночи, прозвучали как клятва. — Я люблю тебя с того самого дня, когда ты стояла на плацу и считала удары колёс. Я люблю тебя, потому что ты — Серебряная Стрела. Потому что ты не боишься быть собой. Потому что ты — единственная, кто имеет значение.

Она чувствовала, как каждое его слово проникает в неё, согревая тот холод, который поселился в её груди. Она хотела шагнуть к нему, хотела обнять его, хотела сказать, что тоже любит его, что она всегда любила его, что она никогда не переставала любить его. Но она не могла. Потому что если она сделает это, она принесёт ему смерть. Как принесла смерть Маре. Как принесла смерть жителям Олд-Кросса.

— Я не могу, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я не могу вернуться. Я не могу быть с тобой. Я приношу только смерть. Каждый, кто приближается ко мне, умирает. Ты знаешь это. Ты видел это.

— Я не боюсь смерти, — ответил он со стальной нотой, присущей ему в бою. — Я боюсь только одного — потерять тебя.

Она стояла перед ним, чувствуя, как слёзы текут по её щекам, и знала, что должна сказать ему правду. Должна сказать ему, что она больше не та, кого он любил. Что она стала другой. Холодной. Пустой. Что она не может дать ему того, что он хочет.

— Я не та, кого ты любил, — сказала она тихо, почти беззвучно. — Я изменилась. Я стала другой. Я не могу быть той, кем была.

— Я знаю, — ответил он с тёплой, знакомой нотой, которая появлялась у него только с ней. — Я знаю, что ты изменилась. Я знаю, что ты стала другой. Но я люблю тебя не за то, кем ты была. Я люблю тебя за то, кем ты есть. И я буду ждать тебя. Всегда.

Он шагнул к ней и, взяв её лицо в свои ладони, посмотрел ей в глаза. В его взгляде, тёмном и глубоком, она увидела всё, что он не мог сказать. Любовь. Боль. Надежду.

— Я буду ждать тебя, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Я буду ждать тебя столько, сколько нужно. Я буду ждать тебя, пока ты не найдёшь свой путь. Пока ты не найдёшь себя.

Она не ответила. Она просто стояла, чувствуя, как его руки касаются её лица, как его дыхание касается её губ, как его тепло разливается по её телу, согревая тот холод, который поселился в её груди.

— Прощай, Вельда, — сказал он с той же печалью, что и в её голосе. — Я буду ждать тебя. Всегда.

Он повернулся и пошёл прочь, в темноту, оставляя её одну у костра. Она смотрела ему вслед, чувствуя, как каждое его слово остаётся с ней, как его тепло постепенно уходит, уступая место холоду. Она знала, что он уходит. Знала, что она теряет последнее, что у неё было. Она опустила на колени у костра, чувствуя, как слёзы текут по её щекам, как холод внутри неё становится глубже. Она не знала, сколько времени просидела так, но когда она подняла голову, костёр уже догорел, а на небе начали проступать первые звёзды. Она смотрела на них, чувствуя, как внутри неё, там, где была пустота, теперь разрастается что-то новое. Не надежда. Не боль. Просто тихое, тёплое воспоминание о том, что она была любима. Что она была нужна. Что она была жива. Она встала и, поправив лук за спиной, пошла дальше в ночь. Она шла одна, но теперь, впервые за долгое время, она чувствовала, что не совсем одна. Что где-то там, в темноте, есть кто-то, кто ждёт её. Кто любит её. Кто не оставит её. И это знание, холодное и тёплое одновременно, осталось с ней. Навсегда.

Таверна «Мёртвый путник» стояла на самой окраине города, там, где мостовая сменялась грязью, а фонари уже не зажигали, потому что никто не хотел платить за свет для тех, кто не мог позволить себе даже кружку тёплого эля. Вельда сидела в самом дальнем углу, прижавшись спиной к облупившейся стене, и смотрела на свои руки.

Они лежали перед ней на столе — грязные, с обломанными ногтями, покрытые мелкими шрамами, которых она даже не помнила. Кожа на костяшках была стёрта, на ладонях — мозоли, оставшиеся от лука, от ножа, от верёвок, которые она держала слишком долго. На левом запястье, там, где когда-то светилось серебро медальона, теперь была только бледная полоса — след от цепочки, которую она носила девять лет, а потом оставила на камне у дороги.

Она не знала, сколько времени сидит здесь. Может быть, час. Может быть, вечер. Может быть, день. В таверне было шумно — кто-то кричал, кто-то смеялся, кто-то бил кулаком по столу, требуя ещё эля. Но все эти звуки доносились до неё как сквозь толщу воды, приглушённые, далёкие, не имеющие к ней отношения. Она была в центре этого шума, но не была его частью. Она была пустотой, вокруг которой кипела жизнь.

Она подняла руки к тусклому свету масляной лампы, висевшей над столом, и долго смотрела на них. Эти руки когда-то держали лук, когда она была новобранцем и дрожала над телом первого убитого врага. Эти руки сжимали плечо Мары, когда та умирала, и гладили её лицо, когда она уже не дышала. Эти руки обнимали Каллана в ту ночь, когда они поклялись быть вместе. Эти руки резали глотки культистам в храме, в поместье, в переулке Олд-Кросса. Эти руки брали монеты за убийства и не дрожали. Она смотрела на них и не узнавала их.

— Ты пьёшь? — голос хозяина таверны, низкий и хриплый, вырвал её из оцепенения. Он стоял рядом, держа в руке грязную тряпку, и смотрел на неё с тем же выражением, с каким смотрел на всех посетителей — равнодушным, усталым, привыкшим к тому, что люди в его заведении не хотят ни о чём говорить.

— Нет, — ответила она хрипло, как человек, который долго молчал.

— Тогда уходи, — сказал он без злости, только с усталостью. — Ты заняла место. Место нужно платить.

Она не ответила. Она просто сидела и смотрела на свои руки, и хозяин, пожав плечами, отошёл, оставляя её в покое. Ей было всё равно. Ей было всё равно на таверну, на хозяина, на людей, которые кричали и смеялись вокруг. Ей было всё равно на мир, который продолжал вращаться, несмотря на то, что она чувствовала себя мёртвой.

Она снова посмотрела на свои руки. Они лежали перед ней, неподвижные, как у статуи, и она вдруг вспомнила, как они выглядели когда-то — чистыми, с аккуратно подстриженными ногтями, с кольцом на пальце, которое подарил Каллан. Она вспомнила, как он взял её за руку в тот день, когда они стояли у окна в цитадели, и сказал: «Я хочу, чтобы ты носила его.

Не как знак принадлежности. Как знак того, что ты не одна». Теперь кольца не было. Она сняла его в тот день, когда ушла из Ордена. Она не помнила, где оставила его. Может быть, в кармане. Может быть, на дороге. Может быть, в той гостинице, где ночевала перед тем, как стать наёмницей. Она не помнила. Она не хотела помнить.

Она закрыла глаза, и перед ней всплыли лица — лица тех, кого она убила. Культисты в храме, которые падали под её стрелами один за другим. Бандиты в лесу, которых она прикончила, когда они напали на караван. Те двое в переулке Олд-Кросса, которые искали её, чтобы отомстить. Она не знала их имён. Она не знала их историй. Она не знала, были ли у них семьи, дети, люди, которые любили их. Она просто убивала их, потому что они стояли на её пути. Или на пути тех, кто платил ей. Она открыла глаза и снова посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Они были спокойны. Спокойны, как у человека, который привык к смерти. И это было самое страшное.

— Кто я? — прошептала она так тихо, что никто не услышал.

Она не знала ответа. Она была солдатом, который служил Свету, а потом узнал, что Свет был ложью. Она была наёмницей, которая убивала за деньги, потому что не знала, как ещё выжить. Она была женщиной, которая любила и была любима, но оставила всё позади. Она была пустотой, которая притворялась человеком.

Она подняла руки к свету и долго смотрела на них, чувствуя, как внутри неё, там, где была пустота, начинает расти что-то новое. Не надежда. Не боль. Вопрос. Тот самый вопрос, который она боялась задать себе все эти годы.

— Зачем я здесь? — спросила она, и голос её дрогнул. — Зачем я живу?

Никто не ответил. Только шум таверны, только смех и крики, только запах кислого эля и дыма. Она сидела одна, в грязном углу, и смотрела на свои руки, которые убивали за Свет, убивали за деньги, убивали просто так. И она не знала, кто она.

Она не знала, сколько времени прошло, когда она наконец поднялась из-за стола. Ноги её не слушались, но она заставила себя идти. Она вышла из таверны, и ночь встретила её холодным ветром и звёздами, которые светили так же равнодушно, как и всегда. Она остановилась посреди пустой улицы, подняла голову к небу и долго смотрела на звёзды. Они были такими же, как в ту ночь, когда она стояла у окна в цитадели. Такими же, как в ту ночь, когда она держала на руках тело Мары. Такими же, как в ту ночь, когда Каллан сказал ей: «Я буду ждать тебя. Всегда».

Она не знала, что делать. Она не знала, куда идти. Она не знала, кто она. Но она знала, что не может оставаться здесь. Не может оставаться в этой грязи, в этой пустоте, в этом забвении. Она должна была найти ответ. Должна была найти себя.

Она пошла вперёд, в темноту, чувствуя, как ветер касается её лица, как звёзды смотрят на неё, как внутри неё начинает теплиться что-то маленькое, почти незаметное. Не надежда. Не вера. Просто искра. Искра, которая говорила ей: ты не можешь сдаться. Ты должна найти ответ. Ты должна найти себя. Она шла, оставляя позади таверну, город, свою старую жизнь. Она шла, и впервые за долгое время ей казалось, что она идёт куда-то. Куда-то, где она сможет найти ответ. Где она сможет найти себя. Где она сможет стать той, кем должна быть.

Часть I. Глава 9. Искра в золе

Южные земли были серыми. Не в смысле цвета — хотя и цвета в них тоже было мало: выцветшая трава, бледное небо, серая пыль на дорогах, которые тянулись через пустоши, где даже ветер казался уставшим. Серыми они были по настроению. Здесь не жили ни надежда, ни страх, ни даже боль — только бесконечная, унылая пустота, заполнявшая всё пространство, как вода заполняет трещины в разошедшемся корабле.

Вельда шла по этой пустоте уже не помня сколько дней. Может быть, недель. Может быть, месяцев. Она потеряла счёт времени, как потеряла счёт городам, которые проходила, и лицам, которые видела. Она бралась за любую работу — ту, что предлагали, ту, что платила, ту, что не требовала лишних вопросов. Охраняла караваны, везущие контрабанду через горы. Сопровождала купцов, торговавших с тёмными магами. Убивала людей, которых не знала, за деньги, которые не считала. Ей было всё равно. Она была пустой, и пустота внутри неё была такой же серой, как эти земли.

Однажды, когда она шла через очередную пустошь, ветер донёс до неё запах дыма. Вельда остановилась, пригнувшись, и почувствовала, как внутри, там, где была пустота, шевельнулось что-то похожее на любопытство. Дым был не от пожара — слишком слабый, слишком спокойный. Дым от костра. От человеческого жилья.

Она пошла на запах и через час нашла его — маленький, покосившийся домик у подножия холма, сложенный из серого камня и обломков старого дерева. Вокруг домика был небольшой сад, в котором росли какие-то растения, названий которых она не знала, а у самого входа, на плоском камне, сидел старик.

Он был стар — настолько, что возраст его не поддавался определению. Лицо, покрытое глубокими морщинами, напоминало кору старого дуба, а глаза, светлые и прозрачные, смотрели на мир с той спокойной мудростью, которая бывает только у людей, проживших долгую жизнь и не жалеющих о ней. Он был одет в простую, выцветшую одежду, и его руки, тонкие и жилистые, лежали на коленях, как у человека, привыкшего ждать.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он, и голос его был тихим, мягким, как шёпот ветра в листве. — Я ждал тебя.

Вельда остановилась в нескольких шагах от него. Внутри неё, там, где была пустота, зашевелилось что-то новое — не страх, не настороженность, а простое любопытство. Она не знала, почему не пошла дальше, как делала всегда. Она просто стояла и смотрела на него, и он смотрел на неё.

— Откуда ты знаешь меня? — спросила она ровно, хотя внутри всё дрожало.

— Я не знаю тебя, — ответил он с лёгкой, почти незаметной усмешкой. — Я знаю только то, что ты ищешь. Что ты потеряла. Что ты пытаешься найти.

Она не ответила. Она просто стояла, чувствуя, как его слова касаются тех мест, которые она так долго прятала.

— Кто ты? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Меня зовут Силас, — ответил он с той же тихой уверенностью. — Я живу здесь. Иногда ко мне приходят люди. Иногда они уходят. Иногда остаются. Ты можешь остаться, если хочешь. Или можешь уйти. Я не держу никого.

Она не знала, почему согласилась. Может быть, потому что устала. Может быть, потому что ей было всё равно. А может быть, потому что в его светлых, прозрачных глазах она увидела то, чего не видела ни в ком другом: покой. Она осталась.

Первые дни она просто сидела у его костра и смотрела на огонь. Он не задавал вопросов. Не пытался её утешить. Не говорил о Свете и Тьме, о добре и зле, о том, что она должна делать. Он просто был рядом, и этого было достаточно. Иногда он рассказывал о травах, которые соби-

рал в лесу. Иногда — истории о людях, встреченных на пути. Иногда он просто молчал, и в этой тишине внутри неё начинало что-то меняться.

— Ты думаешь, что потеряла всё, — сказал он однажды, когда они сидели у костра и смотрели на закат. — Ты думаешь, что в тебе ничего не осталось. Что ты пуста.

— Это правда, — ответила она ровно, хотя внутри всё сжималось.

— Нет, — сказал он с той же тихой, спокойной уверенностью. — Это не правда. Ты не пуста. Ты просто забыла, что внутри тебя есть свет. Тот свет, который не зависит ни от Света, ни от Тьмы. Тот свет, что есть у каждого человека.

Она не ответила. Она просто сидела и смотрела на огонь, чувствуя, как его слова проникают в неё, касаясь тех мест, которые она так долго прятала. И впервые за долгое время ей показалось, что внутри, там, где была пустота, начинает теплиться что-то маленькое, почти незаметное. Не надежда. Не вера. Просто искра. Искра, которая говорила: ты не одна. Ты никогда не была одна.

Так прошли первые дни, а за ними подкралась ночь — та самая, что опустилась на долину тихо, как крадущийся зверь. Звёзды, холодные и далёкие, зажглись одна за другой, и их серебряный свет падал на маленький сад, на покосившийся домик, на двух людей у костра. Огонь потрескивал, выбрасывая вверх снопы искр, что исчезали в темноте, не долетая до неба. Вельда сидела на плоском камне, обхватив колени руками, и смотрела на пламя. Холода она не чувствовала — она давно перестала чувствовать что-либо, — но тепло костра было приятным, как память о чём-то потерянном.

Силас сидел напротив, на таком же плоском камне, и его старые, морщинистые руки, спокойно лежавшие на коленях, казались частью этой земли — такими же сухими и мудрыми, как корни старого дуба. Он не смотрел на неё. Он смотрел в огонь, и в его глазах, светлых и прозрачных, отражались языки пламени, танцующие в ночи.

— Ты думаешь, что знаешь, что такое Свет, — сказал он, и голос его был тихим, как шёпот ветра, — и ты думаешь, что знаешь, что такое Тьма. Но ты ошибаешься. Ты видишь их как врагов. Как противоположности. Как две силы, которые не могут существовать вместе.

— Они и не могут, — ответила Вельда ровно, как человек, уставший спорить. — Они всегда были врагами. Свет против Тьмы. Добро против зла. Так было всегда. Так будет всегда.

— Нет, — сказал он с той же тихой, спокойной уверенностью. — Ты ошибаешься. Свет и Тьма не враги. Они — части одного целого. Как день и ночь. Как вдох и выдох. Как жизнь и смерть. Они не существуют друг без друга.

Она подняла голову и посмотрела на него. В её тёмных, усталых глазах мелькнула искра — не надежды, а горечи.

— Я верила в Свет, — сказала она, и голос её дрогнул. — Верила всем сердцем. Служила ему. Убивала за него. Потеряла всё ради него. А он предал меня.

— Свет не предаёт, — ответил он без осуждения, с тихой мудростью. — Свет не может предать. Свет — это просто свет. Он не обещает, не требует, не судит. Он просто есть. Это люди, которые говорят от имени Света, предают. Это люди, которые используют его имя, чтобы оправдывать свои поступки. Но сам Свет он не виноват в том, что делают люди.

Она усмехнулась — горько, безрадостно, с той холодной насмешкой, что появлялась у неё, когда она слышала слишком красивые слова.

— Я слышала это раньше, — сказала она со стальной ноткой, присущей ей в бою. — Я слышала это от Орлина. Я слышала это от командира. Я слышала это от всех, кто говорил мне, что я должна верить, должна служить, должна умирать за Свет. И каждый раз это была ложь.

— Я не прошу тебя верить, — сказал он без обиды и раздражения. — Я не прошу служить. Я не прошу умирать. Я просто прошу подумать. Подумать о том, что Свет и Тьма — это не враги. Это две стороны одной медали. Ты не можешь познать одну, не зная другой.

Она засмеялась. Это был не тот смех, что рождается от радости, — он рождался от боли, от отчаяния, от той пустоты, что заполнила её изнутри. Она смеялась, и в этом смехе слышались слёзы, которые она не могла пролить.

— Ты говоришь о равновесии, — сказала она, и голос её дрожал. — Ты говоришь, что Свет и Тьма должны быть вместе. Но я видела, что делает Тьма. Я видела, как она убивает, как она разрушает, как пожирает всё на своём пути. Я видела, как она забрала моих друзей. Я видела, как она забрала Мару. Я видела, как она сожгла Олд-Кросс. И ты говоришь мне, что Тьма — это просто часть целого?

— Я говорю тебе, что Тьма — это не зло, — ответил он всё так же спокойно. — Тьма — это просто отсутствие света. Как холод — отсутствие тепла. Тьма не убивает. Убивают люди. Это люди используют Тьму, чтобы убивать. Так же, как люди используют Свет, чтобы убивать.

Она замолчала. Слова его, тихие и спокойные, проникали в неё, касаясь тех мест, которые она так долго прятала. Она смотрела на огонь, чувствуя, как его тепло касается лица, как внутри, там, где была пустота, начинает шевелиться что-то новое. Не надежда. Не вера. Просто вопрос.

— Тогда кто я? — спросила она тихо, почти беззвучно. — Если я не служу Свету и не служу Тьме кто я?

— Ты — человек, — ответил он. — Человек, который ищет свой путь. Ты потеряла веру, но не потеряла себя. Ты можешь найти равновесие. Между Светом и Тьмой. Между надеждой и отчаянием. Между жизнью и смертью.

Она не ответила. Она просто сидела и смотрела на огонь, чувствуя, как его слова остаются с ней. И впервые за долгое время ей показалось, что внутри, там, где была пустота, начинает теплиться что-то маленькое, почти незаметное. Не надежда. Не вера. Просто искра.

— Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь снова верить, — сказала она наконец. — Смогу ли я когда-нибудь найти свой путь.

— Ты найдёшь, — ответил он. — Потому что ты ищешь. А тот, кто ищет, всегда находит.

Она подняла голову и посмотрела на него. В его светлых, прозрачных глазах она увидела то, чего не видела ни в ком другом, — не осуждение, не жалость, а просто принятие. Принятие того, кто она есть. Принятие того, что она сделала. Принятие того, кем она ещё может стать.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Спасибо, что сказал мне это.

— Не благодари, — ответил он. — Я просто сказал тебе правду. А правда всегда находит свой путь.

Она улыбнулась — впервые за долгое время. Не той холодной, горькой улыбкой, что была раньше. Настоящей. Тёплой. Живой.

— Я найду свой путь, — сказала она с той же стальной нотой, с какой отдавала приказы в бою. — Я найду его. Я обещаю.

Она повернулась и пошла в ночь, чувствуя, как его слова остаются с ней, как они согревают её изнутри, как напоминают о том, что она забыла.

Она осталась у него на три дня. Может быть, на четыре. Она не считала. Время здесь текло иначе — не так, как в городах, где каждая минута была монетой, которую нужно потратить с умом, и не так, как на дорогах, где дни сливались в бесконечную серую полосу. Здесь время текло, как вода в медленном ручье — не торопясь, не задерживаясь, просто существуя. И в этом течении было что-то успокаивающее, что-то, что она не чувствовала с тех пор, как покинула цитадель.

Сначала она не помогала ему. Она просто сидела на крыльце его домика, глядя на сад, и наблюдала. Наблюдала, как он просыпается на рассвете, когда солнце ещё только начинало золотить верхушки деревьев, и выходит в сад с небольшой лейкой. Наблюдала, как он поливает растения, как разговаривает с ними — тихо, почти неслышно, будто они могли его слышать.

Наблюдала, как он собирает травы, аккуратно срезая их старым, заточенным ножом, и складывает в плетёную корзину.

На второй день она увидела, как он нашёл раненую птицу — небольшую, серую, с подбитым крылом, которое волочилось по земле, оставляя кровавый след. Силас опустился на колени, протянул руку, и птица, вместо того чтобы улететь, доверчиво подошла к нему. Он взял её в ладони — так бережно, как берут хрупкую драгоценность, — и понёс в дом. Вельда, сидевшая на крыльце, видела, как он перевязывал крыло, смазывал рану пахучей мазью, как говорил с птицей — тихо, успокаивающе. И когда через два дня он выпустил её и она, взмахнув здоровым крылом, улетела в небо, Вельда почувствовала, как внутри, там, где была пустота, что-то шевельнулось.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она, когда он вернулся. Голос её был ровным, но в нём звучало любопытство. — Она всего лишь птица. Их тысячи. Их миллионы. Что изменится от того, что ты спасёшь одну?

— Ничего, — ответил он без обиды и оправдания, с той же тихой уверенностью. — Но для неё это изменило всё. Она жива. Она может летать. И это — единственное, что имеет значение.

Она не ответила. Она просто смотрела, как он уходит в сад, и чувствовала, как его слова касаются тех мест, которые она так долго прятала.

На третий день она увидела, как он сажает дерево. Он выкопал яму, аккуратно, не торопясь, и опустил в неё молодой саженец — тонкий, с несколькими зелёными листочками, который, казалось, мог сломаться от первого же порыва ветра. Присыпал корни землёй, полил, а потом, прежде чем уйти, положил руку на ствол и что-то прошептал. Что-то тихое, почти неслышное.

— Что ты сказал? — спросила она, подходя ближе. Голос её был любопытным, но без насмешки.

— Я сказал ему, чтобы он рос. Сказал, что он будет сильным. Что будет жить долго. Что даст тень и плоды тем, кто придёт после меня.

— Он не слышит тебя, — сказала она с той же горечью, что всё ещё жила внутри. — Он всего лишь дерево.

— Он слышит, — ответил он без раздражения. — Он слышит не так, как слышишь ты. Он слышит иначе. Он чувствует. Он знает, что о нём заботятся. И это — единственное, что имеет значение.

Она не ответила. Она стояла и смотрела на саженец, на его тонкие зелёные листья, трепещущие на ветру, и чувствовала, как внутри начинает теплиться что-то новое. Не надежда. Не вера. Просто понимание. Понимание того, что мир не чёрно-белый. Что в нём есть место и для Света, и для Тьмы, и для всего, что между ними.

На четвёртый день к дому пришёл путник. Молодой парень, весь в дорожной пыли, с усталыми глазами и потрёпанным мешком за плечами. Он остановился у входа, и когда Силас вышел к нему, парень заговорил — громко, возбуждённо, с той горячей уверенностью, какая бывает у молодых людей, только что нашедших свою веру.

— Ты слышал о Церкви Света? — спросил он, и голос его был полон воодушевления. — Они учат, что Свет должен сиять повсюду. Что Тьма должна быть изгнана. Что мы должны бороться за это. Каждый день. До последнего вздоха.

Силас выслушал его молча, не перебивая, не возражая. Когда парень закончил, он сказал:

— Это хорошие слова. Ты веришь в них?

— Да! — ответил парень, и голос его дрогнул от чувства. — Я верю в них всем сердцем.

— Тогда иди, — сказал Силас. — Иди и делай то, во что веришь. Только помни: Свет не требует, чтобы ты ненавидел Тьму. Он требует только, чтобы ты нёс его с собой. Всем, кого встретишь.

Парень ушёл, и Вельда, сидевшая на крыльце, подняла голову.

— Ты не пытался его переубедить, — сказала она с удивлением. — Ты не сказал ему, что он ошибается.

— Он не ошибается, — ответил Силас без осуждения и снисхождения. — Он верит в то, во что верит. Его вера — его путь. Моя вера — мой путь. Они разные. Но это не значит, что один из них правильный, а другой — нет.

Она не ответила. Она сидела на крыльце, чувствуя, как солнце касается лица, как ветер играет с её волосами, как внутри, там, где была пустота, начинает разрастаться что-то новое. Не надежда. Не вера. Просто покой.

В тот вечер, когда они снова сидели у костра, она заговорила первой.

— Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь быть такой, как ты, — сказала она тихо, почти беззвучно. — Смотреть на мир без осуждения. Без гнева. Без боли.

— Ты не должна быть такой, как я, — ответил он. — Ты должна быть такой, как ты. Найти свой путь. Свой собственный свет. И когда ты найдёшь его, ты поймёшь, что он всегда был внутри тебя. Ты просто забыла, как его видеть.

Она не ответила. Она просто сидела и смотрела на огонь, чувствуя, как его слова остаются с ней, согревают изнутри, напоминают о том, что она забыла.

Ночь снова стала холодной, но костёр горел ровно и тепло, и его оранжевый, живой свет выхватывал из темноты лица двух людей, сидевших друг напротив друга. Вельда смотрела в огонь, чувствуя, как тепло касается лица, как ветер, прохладный и колючий, играет с её волосами. Она не знала, который час. Не знала, сколько ещё продлится эта ночь. Она просто знала, что не хочет, чтобы она заканчивалась.

Силас сидел напротив, и его старые, морщинистые руки лежали на коленях, спокойные и неподвижные. Он не смотрел на неё. Он смотрел в огонь, и в его глазах отражались языки пламени.

— Ты думаешь, что перестала верить, — сказал он, и голос его был тихим, как шёпот ветра. — Ты думаешь, что вера ушла из тебя. Что она исчезла, как утренний туман под лучами солнца. Но это не так.

— Я знаю, что я чувствую, — ответила она ровно, хотя внутри всё сжималось. — Я знаю, что внутри меня пустота. Я знаю, что я больше не верю ни во что.

— Ты не перестала верить, — сказал он с той же тихой уверенностью. — Ты просто перестала верить в тех, кто говорил тебе, во что верить. Это разные вещи.

Она подняла голову и посмотрела на него. В её тёмных, усталых глазах мелькнула искра — не гнева, не боли, а скорее удивления.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Ты верила в Свет, — сказал он мягко, как прикосновение руки к плечу. — Верила в него всем сердцем. Верила, что Свет — это добро, что он защищает, что он даёт смысл. Ты верила в это, потому что тебе так говорили. Потому что тебя так учили.

— Да, — сказала она с горечью. — И я была права. Свет защищает. Он даёт смысл. Пока ты не узнаешь, что он — ложь.

— Свет не ложь, — ответил он, и в голосе его не было осуждения, только тихая, спокойная мудрость. — Свет — это просто свет. Он не обещает, не требует, не судит. Он просто есть. Это люди, которые говорят от имени Света, делают его ложью. Это люди, которые используют его имя, чтобы оправдывать свои поступки. Но сам Свет он не виноват в том, что делают люди.

Она хотела возразить. Хотела сказать ему, что он ошибается, что он не знает, что она видела, что она пережила. Но слова застряли в горле. Она сидела, глядя на огонь, и чувствовала, как его слова проникают в неё, касаясь тех мест, которые она так долго прятала.

— Ты не перестала верить, — повторил он тише, мягче. — Ты просто перестала верить в тех, кто говорил тебе, во что верить. Ты перестала верить в Орден. Ты перестала верить в

Церковь. Ты перестала верить в Свет, каким его тебе показывали. Но вера она всё ещё внутри тебя. Она просто спит. Она ждёт, пока ты найдёшь её снова.

Она не ответила. Она сидела неподвижно, чувствуя, как слёзы подступают к горлу, и знала, что если заговорит, они хлынут наружу.

— Я не знаю, как найти её снова, — сказала она наконец тихо, почти беззвучно. — Я не знаю, как снова поверить во что-то.

— Ты не должна искать её, — ответил он. — Ты должна просто позволить ей найти тебя. Она уже внутри тебя. Она всегда была внутри тебя. Ты просто забыла, как её видеть.

Она подняла голову и посмотрела на него. В его светлых, прозрачных глазах она увидела то, чего не видела ни в ком другом: не осуждение, не жалость, а просто принятие. Принятие того, кто она есть. Принятие того, что она сделала. Принятие того, кем она ещё может стать.

— Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь снова верить, — сказала она, и голос её дрогнул. — Смогу ли я когда-нибудь найти свой путь.

— Ты найдёшь, — ответил он. — Потому что ты ищешь. А тот, кто ищет, всегда находит. Даже если ему кажется, что он ничего не найдёт.

Она не ответила. Она просто сидела и смотрела на огонь, чувствуя, как его слова остаются с ней. И впервые за долгое время ей показалось, что внутри, там, где была пустота, начинает теплиться что-то маленькое, почти незаметное. Не надежда. Не вера. Просто искра.

Она не знала, сколько времени они просидели так, глядя на огонь. Может быть, час. Может быть, вечер. Может быть, ночь. Но когда она наконец поднялась, чувствуя, как холодный ветер касается лица, она знала, что в ней что-то изменилось.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Спасибо, что сказал мне это.

— Не благодари, — ответил он. — Я просто сказал тебе правду. А правда всегда находит свой путь.

Она улыбнулась — впервые за долгое время. Не той холодной, горькой улыбкой, что была раньше. Настоящей. Тёплой. Живой.

— Я найду свой путь, — сказала она с той же стальной нотой, с какой отдавала приказы в бою. — Я найду его. Я обещаю.

Она повернулась и пошла в ночь, чувствуя, как его слова остаются с ней, как они согревают её изнутри, как напоминают ей о том, что она — Серебряная Стрела. И что она всегда попадает в цель. Даже если эта цель — она сама.

А наутро она ушла. Солнце только начинало подниматься над холмами, когда она вышла из домика, поправила лук за спиной и остановилась на пороге, чувствуя на себе его взгляд. В саду, у самого входа, стоял Силас. Он не пытался остановить её. Он просто стоял, опираясь на старый, выточенный временем посох, и смотрел, как она замирает на мгновение, прежде чем сделать шаг.

— Ты уходишь, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение.

— Я уйду, — ответила она ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я не могу оставаться здесь вечно.

— Я знаю, — сказал он с той же тихой, спокойной уверенностью. — Ты должна идти. Ты должна найти свой путь.

Она стояла на пороге, чувствуя, как утренний ветер касается лица, как земля под ногами, ещё влажная от росы, холодит ступни. Она смотрела на него, на его старое, морщинистое лицо, на светлые, прозрачные глаза и знала, что запомнит этот момент навсегда.

— Я не знаю, что я ищу, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я не знаю, куда иду. Я не знаю, найду ли я когда-нибудь то, что ищу.

— Ты ищешь не веру, — сказал он с той же тихой мудростью. — Ты ищешь баланс. Ты ищешь равновесие между Светом и Тьмой, между надеждой и отчаянием, между тем, кем ты

была, и тем, кем ты можешь стать. И ты найдёшь его. Не потому, что я так сказал. Потому что ты уже начала искать.

Она не ответила. Она стояла на пороге, чувствуя, как его слова остаются с ней, и впервые за долгое время ощутила, что внутри, там, где была пустота, теперь не пустота. А что-то другое. Тихое. Спокойное. Живое.

— Я возьму с собой твои слова, — сказала она тихо. — Я буду помнить их. Я буду помнить тебя.

— Не помни меня, — ответил он. — Помни то, что я сказал тебе. Помни, что Свет и Тьма — не враги. Помни, что ты можешь найти баланс. Помни, что ты не одна. И когда ты найдёшь свой путь, ты поймёшь, что он всегда был внутри тебя.

Она шагнула к нему и, остановившись в шаге, посмотрела ему в глаза. В её тёмном, глубоко взляде не было ни страха, ни сомнения. Только тихое, спокойное понимание.

— Спасибо, — сказала она, и голос её дрогнул. — Спасибо за всё.

— Иди, — ответил он. — Иди и найди свой путь. Я буду ждать тебя. Если ты когда-нибудь захочешь вернуться.

Она повернулась и пошла по тропинке, ведущей от домика к дороге. Она не оборачивалась. Она знала, что если обернётся, то не сможет уйти. А она должна была уйти. Должна была найти свой путь. Свой собственный баланс.

Она шла, чувствуя, как утренний ветер касается лица, как земля под ногами становится твёрже, как солнце поднимается над горизонтом, заливая мир золотым светом. И в этом тёплом, живом свете она чувствовала, что внутри, там, где была пустота, теперь разрастается что-то новое. Не надежда. Не вера. Просто тихое, спокойное принятие. Принятие того, что мир не чёрно-белый. Что в нём есть место и для Света, и для Тьмы, и для всего, что между ними. Принятие того, что она может найти баланс. Принятие того, что она не одна.

Она шла по дороге, и шаги её были ровными и уверенными. Она не знала, куда идёт. Не знала, что ждёт впереди. Но она знала, что теперь у неё есть то, чего не было раньше. Знание. Знание того, что она не должна выбирать между Светом и Тьмой. Что она может найти баланс между ними. Что она может быть собой.

К полудню она вышла на перекрёсток, где дорога расходилась на три направления. Одна вела на север, к цитадели, к Каллану, к тому, что она оставила позади. Другая — на восток, в земли, которых она ещё не видела. Третья — на юг, туда, где она бродила последние годы, пытаясь найти себя. Она остановилась на перекрёстке, глядя на три дороги, и чувствовала, как внутри звучит тихий голос. Не её голос. Голос Силаса. «Ты ищешь баланс. И ты найдёшь его».

Она повернула на восток, на дорогу, которая вела в неизвестность. Она не знала, что ждёт её там. Не знала, найдёт ли она то, что ищет. Но она знала, что должна идти. Должна найти свой путь. Свой собственный баланс.

Она шла по дороге, чувствуя, как ветер касается лица, как солнце согревает спину, как внутри теперь разрастается что-то новое. Не надежда. Не вера. Просто тихое, спокойное знание. Знание того, что она не одна. Что она никогда не была одна. И что она всегда может начать заново.

Она шла, оставляя позади маленький домик у подножия холма, старого человека с мудрыми глазами и тихие, тёплые слова, которые остались с ней навсегда. Она шла, чувствуя, как внутри загорается искра. Не Свет. Не Тьма. Просто искра жизни. Искра надежды. Искра того, что она может найти свой путь. Свой собственный баланс.

И когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в тёплые, золотистые тона, она остановилась на вершине холма и посмотрела на дорогу, уходящую вперёд. Она не знала, что ждёт впереди. Но она знала, что готова. Готова найти свой путь. Готова найти свой баланс. Готова стать той, кем должна быть.

Она улыбнулась — впервые за долгое время. Не той холодной, горькой улыбкой, что была раньше. Настоящей. Тёплой. Живой.

— Я найду тебя, — прошептала она, обращаясь к небу, к звёздам, к самой себе. — Я найду тебя, баланс. Я обещаю.

И она пошла дальше, в сумерки, чувствуя, как её слова остаются с ней, как они согревают изнутри, как напоминают ей о том, что она — Серебряная Стрела. И что она всегда попадает в цель. Даже если эта цель — она сама.

Часть I. Глава 10. Отказ от роли

Таверна «Сломанный якорь» стояла в портовом районе, там, где воздух был пропитан солью, рыбой и чем-то ещё — кисловатым, затхлым, как старый трюм, который давно не проветривали. Вельда сидела за столиком у самой стены, откуда просматривались и вход, и чёрный ход, и узкая лестница, ведущая на второй этаж. Она выбрала это место не случайно — за годы скитаний она научилась сидеть так, чтобы видеть всё и не быть видимой.

Перед ней стояла кружка с тёплым элем, который она почти не пила. Она ждала. Ждала того, кто, как ей сказали, должен был прийти сегодня. Ждала заказа. Ждала денег. Ждала очередного шага по дороге, которая вела в никуда.

Он появился, когда в таверне почти никого не осталось. Хозяин уже начал гасить свечи, и в тусклом, дрожащем свете последней масляной лампы фигура мужчины, возникшая из темноты, казалась почти призрачной. Он был одет в тёмный плащ с глубоким капюшоном, скрывавшим лицо, и двигался с той бесшумной плавностью, которая бывает у людей, привыкших оставаться незамеченными. Он подошёл к её столику и, не спрашивая разрешения, сел напротив.

— Ты — Серебряная Стрела, — сказал он, и голос его был низким, хриплым, как шорох гравия. Это был не вопрос, а утверждение.

— Ты знаешь моё имя, — ответила Вельда ровно, без интонаций. — Значит, знаешь и мою цену.

Он усмехнулся — коротко, почти беззвучно, и в этом звуке не было ни тепла, ни насмешки. Только холодная, деловая оценка.

— Меня зовут Лоренцо, — сказал он с той же стальной нотой, с какой она говорила о заказах. — У меня есть работа. Сложная. Опасная. И хорошо оплачиваемая.

— Я не боюсь сложной работы, — ответила она. — Говори.

Он наклонился вперёд, и в тусклом свете лампы она увидела его лицо — узкое, бледное, с глубокими, тёмными глазами, которые, казалось, видели больше, чем хотели бы показывать. В правой руке он держал небольшой кожаный мешочек, который положил на стол между ними.

— Торговец, — сказал он, и голос его стал тише, почти шёпотом. — Его зовут Келлен. Он держит лавку на южной окраине, у старых складов. Говорят, он продаёт оружие культистам. Тёмным магам. Всем, кто платит. Мне нужно, чтобы он исчез.

Вельда смотрела на мешочек, лежавший на столе. Она знала, что внутри — золото. Много золота. Она чувствовала его тяжесть, слышала, как оно позвякивает при каждом движении.

— Доказательства? — спросила она всё так же ровно.

— У меня есть информация, — ответил он с той же холодной, деловой оценкой. — Этого достаточно.

Она помолчала. Внутри неё, там, где когда-то была пустота, теперь было что-то другое. Не сомнение. Не страх. Просто тихое, спокойное знание. Знание того, что она делает. Знание того, что она больше не спрашивает. Знание того, что она стала той, кем никогда не хотела быть.

— Сколько? — спросила она.

Он назвал цену, и она услышала, как внутри неё шевельнулось что-то похожее на удивление. Это была огромная сумма. Такая, за которую можно было купить дом, землю, свободу. За которую можно было начать новую жизнь.

— Когда?

— Завтра ночью, — ответил он. — Он будет один. У него нет охраны. Только слуги, которые спят в задней комнате. Ты войдёшь, сделаешь дело и уйдёшь. Чисто. Тихо. Без следов.

Она взяла мешочек, чувствуя, как холод монет касается пальцев. Она не считала их. Она не хотела считать. Она просто знала, что этого достаточно.

— Я сделаю, — сказала она, и в голосе её не было ни колебания, ни сомнения. Только тихое, спокойное принятие.

Лоренцо поднялся, и его тень, длинная и узкая, упала на стену, как призрак.

— Ты не спрашиваешь, — сказал он, и в голосе его послышалось что-то похожее на любопытство. — Ты не спрашиваешь, кто он. Ты не спрашиваешь, почему. Ты не спрашиваешь, правда ли это. Большинство людей спрашивают. Большинство людей хотят знать, что они делают.

— Я знаю, что я делаю, — ответила она холодно, как утренний ветер. — Я делаю работу. Я получаю деньги. Я ухожу. Остальное не важно.

Он смотрел на неё долго, очень долго, и в его глазах она увидела то, чего не видела ни в ком другом: признание. Он понимал её. Он знал, что она не задаёт вопросов, потому что вопросы — это роскошь, которую она не может себе позволить.

— Ты — как я, — сказал он. — Мы оба знаем, что мир не чёрно-белый. Что иногда нужно делать то, что нужно. Без вопросов. Без сомнений.

Она не ответила. Она просто сидела, глядя на него, и чувствовала, как его слова остаются с ней. Он развернулся и исчез в темноте, оставляя её одну за столиком. Вельда смотрела на мешочек с золотом, и внутри неё, там, где было спокойствие, начинало разрастаться что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто тихое, холодное принятие. Она поднялась из-за стола и вышла из таверны в ночь. Ветер, всё такой же холодный и колючий, коснулся её лица, и она, подняв голову к звёздам, почувствовала, как внутри неё звучит тихий голос. Не её голос. Голос Силаса. «Ты ищешь баланс. И ты найдёшь его». Она усмехнулась — горько, безрадостно. «Я ищу не баланс, — прошептала она, обращаясь к звёздам. — Я ищу ответ. Ответ на вопрос, который я не могу задать». Она пошла вперёд, в темноту, чувствуя, как мешочек с золотом тяжелеет в её кармане. Она знала, что завтра убьёт человека. Она знала, что это будет легко. Она знала, что после этого она будет чувствовать то же, что чувствовала всегда. Пустоту. И холод. Но где-то глубоко внутри, там, где она не позволяла себе смотреть, что-то шевелилось. Что-то, что говорило ей: ты не должна этого делать. Ты не должна быть той, кем стала. Ты можешь выбрать другой путь. Она остановилась посреди пустой улицы, закрыла глаза и позволила себе на мгновение представить другой путь. Но она не могла. Потому что она была Серебряной Стрелой. И её стрелы всегда находили цель. Даже если эта цель была невиновна.

Следующая ночь над портовым районом выдалась тёмной и сырой — небо затянули низкие, тяжёлые облака, скрывавшие луну, и единственным источником света служили редкие масляные фонари, развешанные на углах улиц. Вельда двигалась по теням, бесшумно, как привыкла за годы скитаний, и каждый её шаг был выверен, каждое движение — точно. Она знала этот район. Она знала, где можно спрятаться, где можно пройти незамеченной, где можно исчезнуть, если что-то пойдёт не так.

Дом торговца стоял в конце узкой улицы, у самой стены, отделявшей город от портовых складов. Это было двухэтажное здание из серого камня, с узкими окнами, забранными решётками, и массивной дубовой дверью, обитой железом. С виду — обычный дом зажиточного купца. Но Вельда знала: за этими стенами живёт человек, который, по словам Лоренцо, продаёт оружие культистам. Человек, который должен умереть.

Она подошла к дому с задней стороны, где было темнее всего, и, проверив, что никто не смотрит, легко перелезла через невысокую стену. Двор был пуст — только несколько бочек с дождевой водой да старый, полусгнивший сарай. Она подошла к задней двери и, достав из кармана тонкий металлический стержень, быстро, без лишнего шума, открыла замок.

Внутри было тихо. Пахло старым деревом, воском и чем-то ещё — едва уловимым, домашним, как запах хлеба и сушёных трав. Она двинулась по коридору, держась у стены, и

её глаза, привыкшие к темноте, быстро различали очертания. Она знала, что торговец должен быть на втором этаже — в спальне, где он спит один. Она знала, что слуги спят внизу, в задней комнате. Она знала, что у неё есть время.

Она уже подошла к лестнице, когда услышала голоса. Они доносились из комнаты на первом этаже — той, что была слева от входа. Она замерла, прислушиваясь. Голос был мужским — низким, усталым, и в нём слышалась та особенная, напряжённая нота, которая бывает у людей, живущих в постоянном страхе. И второй голос — тонкий, детский, с той особенной, звонкой чистотой, которая бывает только у тех, кто ещё не знает, что мир может быть жестоким.

— Папа, ты опять не спишь, — сказал детский голос, и в нём слышалась забота, слишком взрослая для такого маленького человека. — Ты обещал, что будешь спать.

— Я сплю, — ответил мужской голос с усталой, напряжённой нотой, к которой примешивалась нежность. — Я просто сижу. Думаю.

— О чём ты думаешь?

— О том, как мы уедем отсюда, — ответил мужской голос, и теперь в нём послышалась надежда. — О том, как мы найдём место, где будет безопасно. Где никто не будет нас искать.

— А почему нас ищут? — спросил детский голос, и к любопытству в нём примешался страх.

Мужской голос помолчал. Затем, когда он заговорил снова, в нём не было ни усталости, ни напряжения. Только тихая, спокойная любовь.

— Потому что есть плохие люди, — сказал он мягче, чем она ожидала. — Потому что они хотят причинить нам вред. Но я не позволю им. Я никогда не позволю им причинить тебе вред.

Вельда стояла в темноте коридора, чувствуя, как внутри неё начинает что-то шевелиться. Она слышала голос торговца — человека, которого должна была убить. Она слышала голос его дочери — ребёнка, который не знал, что его отец продаёт оружие культистам. И в этих голосах, в этой тихой, тёплой беседе, она слышала то, что не слышала уже очень давно. Любовь. Заботу. Надежду.

Она шагнула к двери комнаты и, приоткрыв её, заглянула внутрь. Торговец сидел на кровати, и рядом с ним, на коленях, стояла девочка лет восьми — светловолосая, с большими, серьёзными глазами, в которых отражался свет масляной лампы. Она держала его за руку и смотрела на него с той особенной, детской верой, которая бывает только у тех, кто ещё не знает, что мир может быть жестоким.

Торговец был не таким, как она представляла. Не толстым, не богатым, не самодовольным. Он был худым, бледным, с глубокими тенями под глазами и руками, которые дрожали, когда он гладил дочь по голове. В его взгляде, устремлённом на девочку, не было ни жадности, ни злобы. Только страх. И любовь.

Вельда стояла в дверях, чувствуя, как нож в её руке тяжелеет. Внутри неё, там, где была пустота, начинало разрастаться что-то новое. Не сомнение. Не страх. Понимание. Понимание того, что этот человек — не культист. Не торговец оружием. Просто испуганный отец, который пытается защитить свою семью. Как она пыталась защитить Мару. Как она пыталась защитить жителей Олд-Кросса.

Она медленно, очень медленно, убрала нож в ножны. Она не знала, что будет делать дальше. Она не знала, как объяснит Лоренцо, что не выполнила заказ. Она знала только одно: она не может убить этого человека. Не может убить отца, который разговаривает с дочерью. Не может убить того, кто боится за свою семью так же, как она боялась за свою.

Она вышла из дома так же бесшумно, как вошла. Она перелезла через стену, прошла по тёмным улицам, и только когда оказалась на пустынном перекрёстке, позволила себе остановиться. Она стояла посреди ночной улицы и чувствовала, как внутри неё теперь разрастается что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто тихое, спокойное понимание. Понимание того, что она не может продолжать так жить. Не может убивать невиновных. Не может быть той, кем

стала. Она подняла голову к звёздам, которые начинали проступать сквозь разрывы в облаках, и прошептала: «Я не могу. Я не могу больше убивать невиновных. Я не могу быть той, кем стала». Никто не ответил. Только ветер, холодный и колючий, касался её лица, но в этот раз, впервые за долгое время, она не чувствовала себя одинокой. Она чувствовала, что внутри неё загорается искра. Маленькая, почти незаметная. Но живая.

Она всё ещё стояла в тени у старого колодца, на перекрёстке, где ветер играл с обрывками соломы, разбросанной по мостовой. Внутри неё всё кипело. Не от гнева, не от страха — от того, что она не знала, что делать. Она сжимала в руке мешочек с золотом, который Лоренцо дал ей как задаток, и чувствовала, как холод монет просачивается сквозь кожу, как тяжесть их становится невыносимой.

Она могла бы уйти. Просто развернуться и исчезнуть в ночи, оставив заказ невыполненным. Но она знала: Лоренцо не простит ей этого. Он пошлёт кого-то другого. Кого-то, кто не станет колебаться. Кого-то, кто убьёт торговца и его дочь, не задумываясь. И тогда кровь этого человека, кровь его ребёнка, будет на её совести. Как кровь жителей Олд-Кросса. Как кровь Мары. Она могла бы вернуться в дом и сделать то, за что ей заплатили. Один удар, быстрый и чистый, — и всё закончится. Она получит остаток платы, уйдёт, забудет. Как делала всегда. Но она знала, что не сможет забыть. Она будет слышать голос девочки каждую ночь. Она будет видеть её глаза — большие, серьёзные, полные веры в отца. И тогда она приняла решение. Она повернулась и пошла обратно к дому торговца.

Она вошла через ту же заднюю дверь, бесшумно, как тень, и двинулась по коридору к комнате, где всё ещё горел свет. Когда она открыла дверь, торговец вздрогнул и, схватив дочь за плечи, прижал её к себе. Его глаза, широко раскрытые от страха, встретились с её глазами.

— Не делай этого, — прошептал он, и голос его дрожал. — Не делай этого. Я отдам тебе всё. Всё, что у меня есть. Только не трогай её.

Вельда стояла в дверях, чувствуя, как его страх проникает в неё. Она смотрела на его дрожащие руки, на его лицо, искажённое ужасом, и знала, что должна сказать ему правду.

— Я не собираюсь убивать тебя, — сказала она ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я не собираюсь убивать никого из вас.

Торговец смотрел на неё с недоверием, и в его глазах, всё ещё полных страха, появился вопрос.

— Тогда зачем ты здесь?

— Я здесь, чтобы помочь тебе, — ответила она с той же стальной нотой, с какой отдавала приказы в бою. — Ты в опасности. Не от меня. От того, кто послал меня. Он хочет тебя убить. И если я не сделаю это, он пошлёт кого-то другого.

Она шагнула в комнату и, достав из кармана мешочек с золотом, бросила его на кровать.

— Я возвращаю тебе деньги, — сказала она. — Я не возьму их. Я не хочу твоей крови.

Торговец смотрел на мешочек, затем на неё, и в его глазах начало появляться что-то новое. Надежда.

— Но если ты не убьёшь меня, — сказал он, — он убьёт кого-то другого. Или пошлёт кого-то, кто убьёт меня.

— Я знаю, — ответила она холодно. — Поэтому я придумала план. Ты исчезнешь. Ты и твоя дочь. Вы уедете отсюда. Куда-нибудь, где вас никто не найдёт. А я скажу Лоренцо, что ты мёртв.

Торговец смотрел на неё, и в его глазах начало появляться что-то новое. Удивление. И благодарность.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он, и голос его дрогнул. — Зачем ты помогаешь мне?

Вельда помолчала. Она смотрела на него, на его дочь, которая, прижавшись к отцу, смотрела на неё с тем же страхом, но и с тем же любопытством, которое бывает у детей, не понимающих, что происходит.

— Потому что я убила достаточно людей, — сказала она тихо, почти беззвучно. — Потому что я не хочу убивать невиновных. Потому что я хочу найти другой путь.

Торговец медленно кивнул. Он отпустил дочь и, подойдя к Вельде, протянул ей руку.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо тебе. Я никогда не забуду этого.

— Не благодари, — ответила она. — Просто уезжай. Сейчас же. И никогда не возвращайся.

Она помогла ему собрать вещи. Быстро, без лишних слов. Она проводила его и дочь до задней двери, где ждала телега, которую он держал для таких случаев. Когда они уже садились, девочка, та самая, светловолосая, с большими, серьёзными глазами, подошла к Вельде и, взяв её за руку, сказала:

— Ты хорошая. Я знаю. Ты не такая, как они.

Вельда смотрела на неё, чувствуя, как слёзы подступают к горлу.

— Будь осторожна, — сказала она, и голос её дрогнул. — Береги отца.

Девочка кивнула и побежала к телеге, где её уже ждал отец. Вельда стояла и смотрела, как они уезжают, как телега исчезает в ночи, оставляя за собой только облако пыли и тишину. Она стояла посреди пустого двора, чувствуя, как холодный ветер касается её лица, и в этом моменте, в этой тишине, она поняла, что сделала правильный выбор. Не потому, что он был лёгким. Потому что он был правильным. Она повернулась и пошла обратно в город — встречаться с Лоренцо. Она скажет ему, что задание выполнено. Она скажет ему, что торговец мёртв. Она возьмёт остаток платы и уйдёт. Но она знала, что это будет последнее задание, которое она выполнит. Она найдёт другой путь. Какой — она ещё не знала. Но она найдёт его.

Она нашла Лоренцо в той же таверне, где они встретились в первый раз, — «Сломанный якорь», портовый район, ночной час, когда даже самые отчаянные пьяницы уже разбрелись по своим углам. Он сидел за тем же столиком, у дальней стены, где было темнее всего, и в его позе, в том, как он держал кружку с элем, не прикасаясь к ней, чувствовалось напряжение. Он ждал её. Он знал, что она придёт.

Вельда подошла к его столику и села напротив, не спрашивая разрешения. Её лицо было спокойным, как у человека, который только что выполнил работу и готов получить плату. Но внутри неё, там, где была пустота, теперь билось что-то живое — не страх, не волнение, а холодная, собранная готовность.

— Твой торговец мёртв, — сказала она ровно, как говорят о погоде. — Задание выполнено.

Лоренцо долго смотрел на неё. В его глазах не было ни удивления, ни облегчения. Только холодная, оценивающая внимательность человека, который привык проверять каждое слово.

— Ты уверена? — спросил он. — Ты видела его тело?

— Я видела его, — ответила она, не отводя взгляда. — Он мёртв. Я сделала своё дело.

Он наклонился вперёд, и в тусклом свете его лицо, узкое и бледное, казалось вырезанным из старого камня.

— Тогда почему ты не принесла доказательства? — спросил он с той же стальной нотой, с какой она говорила о заказах. — Почему ты не принесла что-то, что подтвердило бы его смерть?

Вельда помедлила, чувствуя, как внутри неё начинает шевелиться что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто осознание того, что он знает. Он всегда знал.

— Он был не один, — сказала она всё так же ровно. — В доме была его дочь. Я не могла убить ребёнка.

Лоренцо усмехнулся — коротко, безрадостно, и в этом звуке не было ни удивления, ни злости. Только холодное, расчётливое понимание.

— Ты не убила его, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Ты помогла ему сбежать. Ты солгала мне.

Она не ответила. Она просто сидела и смотрела на него, чувствуя, как напряжение между ними растёт, как воздух становится плотнее, тяжелее.

— Я должна была, — сказала она наконец, и голос её дрогнул. — Он был невиновен. Он просто пытался защитить свою семью.

— Все они пытаются защитить свою семью, — ответил он с холодной, деловой оценкой. — Это не делает их невиновными. Это делает их слабыми. А слабые — те, кто должны умереть.

Он поднялся из-за стола, и вместе с ним, как по команде, из тени в углу шагнули двое. Они были одеты в чёрное, и их лица скрывали капюшоны, но в их руках, сжимавших короткие, изогнутые клинки, не было сомнений. Они были его людьми. Они были готовы.

— Ты сделала ошибку, Серебряная Стрела, — сказал Лоренцо с холодной, расчётливой уверенностью. — Ты подумала, что можешь обмануть меня. Что можешь выбрать свой путь. Но я не прощаю предательства. Никому.

Вельда медленно поднялась из-за стола. Её рука легла на рукоять ножа, и она чувствовала, как внутри неё, там, где была готовность, теперь разрастается холодная, собранная ярость.

— Я не предала тебя, — сказала она ледяным тоном. — Я просто отказалась быть твоим орудием.

Он сделал знак рукой, и его люди двинулись вперёд. Они были быстрыми — тренированными, опасными, — но она была быстрее. Она всегда была быстрее. Первый клинок просвистел в воздухе, целясь ей в горло, но она, не глядя, шагнула в сторону, и лезвие прошло мимо. Её нож, выхваченный из ножен, описал короткую, точную дугу, и первый из нападавших рухнул с рассечённым горлом, даже не успев вскрикнуть. Второй, замахнувшись для удара, получил её нож в грудь — быстрый, чистый укол, от которого он замер, с удивлением глядя на неё, и медленно осел на пол.

Лоренцо стоял у стены, и в его глазах впервые появилось что-то новое. Не страх. Не гнев. Удивление. Удивление человека, который только что понял, что его добыча — не просто жертва, а хищник.

— Ты не та, кем казалась, — сказал он, и в голосе его послышалась та же холодная, оценивающая нота, но теперь в ней было что-то ещё. Уважение. Невольное, неохотное, но уважение.

— Я та, кем всегда была, — ответила она холодно. — Я просто забыла об этом.

Он шагнул к ней, и в его руке, появившейся из складок плаща, блеснул кинжал — длинный, тонкий, с рукоятью из чёрного дерева. Он двигался быстро, но она видела его движения так же ясно, как видела полёт своей стрелы. Она шагнула вперёд, перехватив его руку, и, развернувшись, вонзила нож в его грудь.

Он упал на колени, и из его горла вырвался хриплый, булькающий звук. Глаза его, тёмные и глубокие, встретились с её глазами, и в них не было ни злобы, ни страха. Только признание. Признание того, что она победила. Признание того, что она была сильнее.

— Ты... — прохрипел он, и голос его был слабым, почти беззвучным, — ты не такая... как они...

Она наклонилась к нему и, чувствуя, как его дыхание касается её лица, прошептала:

— Я знаю. Я всегда знала.

Он замер. Тело его обмякло, и он рухнул на пол, лицом вниз, оставляя после себя только лужу крови, которая медленно растекалась по деревянному полу.

Вельда стояла посреди таверны, тяжело дыша, и чувствовала, как дрожат её руки, всё ещё сжимавшие нож. Тишина, наступившая после боя, была такой глубокой, что она слышала, как

где-то на кухне тикают часы. Мерно, неумолимо, как удары сердца, которое всё ещё билось в её груди, хотя она только что стояла на грани смерти. Она смотрела на тела, лежавшие у её ног, и чувствовала, как кровь — чужая, тёмная, густая — стекает с её ножа и падает на деревянный пол, оставляя на нём тёмные, медленно расплзающиеся пятна.

Лоренцо лежал лицом вниз, и его рука, всё ещё сжимавшая кинжал, была вытянута вперёд, как будто он пытался достать её даже после смерти. Его люди застыли в неестественных позах, и их глаза, широко раскрытые, смотрели в потолок с выражением, которое она видела слишком много раз. Удивление. Неверие. И страх.

Она опустила нож. Он выпал из её пальцев и ударился о пол с тихим, почти жалобным звоном. Она смотрела на свои руки — руки, которые только что убивали, которые сжимали клинок, который вошёл в плоть, который забрал жизнь. Они были покрыты кровью. Её собственной крови не было. Только чужая. Она стояла, чувствуя, как внутри неё теперь разрастается что-то новое. Не страх. Не сожаление. Не холод. Тёплое, живое, настоящее. Она сделала это. Она спасла невиновного. Она убила заказчика. Она сделала выбор. Тяжёлый, грязный, но свой.

Она подняла голову и посмотрела на масляную лампу, висевшую над столом. Её свет, жёлтый и дрожащий, отражался в лужах крови, растекавшихся по полу. Она долго смотрела на этот свет, чувствуя, как внутри неё звучит тихий голос. Не её голос. Голос Силаса. «Ты не перестала верить. Ты просто перестала верить в тех, кто говорил тебе, во что верить. Это разные вещи». Она усмехнулась — не горько, не холодно, а просто, как усмеваются люди, которые наконец поняли то, что не могли понять долгие годы.

— Ты был прав, — прошептала она, обращаясь к пустоте. — Ты был прав. Я не перестала верить. Я просто перестала верить в ложь. И теперь я знаю, во что верить.

Она опустилась на колени рядом с телом Лоренцо и, взяв его за плечо, перевернула на спину. Его лицо было бледным, глаза — открытыми, но пустыми. Она смотрела на него долго, очень долго, и в его мёртвом взгляде она видела не врага, не чудовище, а просто человека. Человека, который, как и она, выбирал свой путь. Только его путь был другим.

— Ты ошибся во мне, — сказала она тихо. — Ты думал, что я — такая же, как ты. Что я буду убивать без вопросов. Что я не остановлюсь. Но ты ошибся. Я остановилась. Я нашла другой путь.

Она поднялась и, подойдя к столу, взяла мешочек с золотом — тот самый, который Лоренцо дал ей как задаток. Она сжала его в руке, чувствуя, как холод монет касается её пальцев, и на мгновение ей показалось, что она слышит его голос — холодный, деловой, безжалостный. «Ты не такая, как они». Она разжала пальцы, и мешочек упал на стол, оставив после себя только тихий, металлический звон.

— Я не возьму твои деньги, — сказала она ровно. — Я не хочу их. Я хочу только одного: быть свободной. Свободной от Света. Свободной от Тьмы. Свободной от всех, кто пытается сказать мне, во что верить.

Она повернулась и, не оглядываясь, вышла из таверны. Ночь встретила её холодным ветром и звёздами, которые светили так же ярко, как и всегда. Она остановилась на крыльце, подняла голову к небу и почувствовала, как ветер касается её лица, как его холод проникает сквозь кожу, как внутри неё теперь разрастается что-то новое. Она больше не служила Свету. Она больше не служила Тьме. Она не служила никому. Она служила себе. И это — это было свободой.

Она пошла по пустым улицам, чувствуя, как её шаги гулко отдаются в тишине ночи. Она шла, оставляя позади таверну, тела, кровь и прошлое. Она шла, чувствуя, как внутри неё теперь разрастается тихое, спокойное знание. Знание того, что она сделала правильный выбор. Знание того, что она может идти дальше. Знание того, что она — Серебряная Стрела. И что

её стрелы всегда находят цель. Но теперь эта цель — не враги. Теперь эта цель — она сама. Её свобода. Её путь. Её жизнь.

Она остановилась на перекрёстке, где дорога расходилась на три направления, и, подняв голову к звёздам, прошептала:

— Я не знаю, куда я иду. Я не знаю, что ждёт меня впереди. Но я знаю, что я свободна. Я знаю, что я могу выбирать. И я знаю, что я никогда не буду снова пешкой.

Она повернула на восток, на дорогу, которая вела в неизвестность. Она шла вперёд, чувствуя, как внутри неё загорается искра. Не Свет. Не Тьма. Просто искра жизни. Искра свободы. Искра того, что она может найти свой путь. Свой собственный баланс.

И когда солнце начало подниматься над горизонтом, окрашивая небо в тёплые, золотистые тона, она почувствовала, что внутри неё, там, где была пустота, теперь не пустота. А что-то другое. Тёплое. Живое. Настоящее.

Она улыбнулась — впервые за долгое время. Не той холодной, горькой улыбкой, которой она улыбалась раньше. Настоящей. Тёплой. Живой.

— Я свободна, — прошептала она. — Я наконец-то свободна.

И она пошла дальше, в новый день, чувствуя, как ветер касается её лица, как солнце согревает её спину, как внутри неё разливается свет. Её собственный свет. Свет той, кто нашла свой путь. Свет той, кто перестала быть пешкой и стала собой. Свет Серебряной Стрелы.

Часть I. Глава 11. Тень и стрела

Таверна называлась «Тихий причал» и стояла на самом краю южного порта, там, где море встречалось с сушей, а ветер всегда пах солью и свободой. Вельда сидела за столиком у окна, откуда был виден закат, окрашивающий воду в багровые и золотые тона. В руке она держала кружку с тёплым элем, но почти не пила — просто держала, чувствуя, как тепло напитка просачивается сквозь глину и касается её пальцев.

За два года она изменилась. Не внешне — волосы всё те же пепельные, собранные в тугий узел, глаза всё те же серые, холодные, в которых редко загорался свет. Но внутри неё, там, где когда-то была пустота, теперь поселилось что-то другое. Не тепло, не радость, а тихое, спокойное принятие. Она знала, кто она. Она знала, что делает. И она знала, чего не сделает никогда.

Её имя — Серебряная Стрела — знали от Белогорья до южных портов. Купцы, путешественники, бандиты, даже некоторые аристократы — все слышали о ней. Одни боялись её, другие восхищались, третьи искали встречи, чтобы нанять, или убить, или узнать, что за человек скрывается за этим именем. Но мало кто знал её настоящую. Её принципы. Её границы.

За эти два года она бралась за многое. Она сопровождала караваны через пустыни, где даже опытные проводники боялись идти. Она находила людей, которые пропадали без вести, и приводила их домой живыми — или приносила весть о том, что они покоятся с миром. Она убивала — да, она всё ещё убивала, — но теперь она выбирала цели. Только тех, кто заслуживал смерти. Только тех, кто сам нёс смерть другим.

Она не бралась за заказы на детей. Никогда. Она не бралась за заказы на тех, кто не мог защитить себя. Никогда. Она не бралась за заказы, где жертва была невиновна. Это было её правило. Её кодекс. Единственное, что осталось у неё от той, кем она когда-то была.

Дверь таверны открылась, и вошёл человек. Высокий, худой, в дорогом плаще, с лицом, которое она видела слишком много раз — лицо человека, привыкшего получать то, что хочет. Он подошёл к её столику и, не спрашивая разрешения, сел напротив.

— Ты — Серебряная Стрела? — спросил он, и голос его был низким, уверенным, с той особенной, деловой интонацией, которую она знала слишком хорошо.

— Ты знаешь моё имя, — ответила она ровно, без интонаций. — Значит, знаешь и мою цену. И мои правила.

Он усмехнулся — коротко, безрадостно, и в этом звуке не было ни уважения, ни насмешки. Только холодная, деловая оценка.

— Я знаю твою цену, — сказал он, и голос его стал тише. — И я готов её заплатить. Вдвое больше твоей обычной ставки.

— А мои правила? — спросила она всё с той же стальной нотой, с какой отдавала приказы в бою.

Он наклонился вперёд, и в его тёмных, глубоких глазах она увидела то, что видела слишком часто. Хищный блеск. Желание получить своё любой ценой.

— Я знаю твои правила, — сказал он. — Я слышал о них. Но для этого заказа они не подходят. Жертва — не ребёнок. Не беззащитный. Она — торговец. Торговец, который обманывает людей, который продаёт им поддельные товары, который разоряет семьи. Ты можешь убить его с чистой совестью.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова проникают в неё, касаясь тех мест, что она так долго берегла от чужих глаз. Она знала, что он говорит правду. Она видела таких торговцев — они были повсюду, в каждом городе, в каждом порту. Они обманывали, воровали, разоряли. Многие из них заслуживали смерти. Но она также знала, что он не договаривает всей правды.

Она чувствовала это — тем особым чутьём, которое развилось у неё за годы скитаний. В его словах была ложь. Не явная, не грубая, а та, что прячется между строк.

— У него есть семья? — спросила она всё так же ровно.

Он помедлил, и в этой паузе она услышала ответ.

— Да, — сказал он наконец тише. — У него есть жена и дочь. Но они не имеют отношения к делу.

— Они имеют отношение ко мне, — ответила она, и голос её стал холодным, как зимний рассвет. — Я не убиваю отцов. Я не убиваю мужей. Я не убиваю тех, кто оставляет после себя плачущих детей.

Он смотрел на неё, и в его глазах появилось что-то новое. Не гнев. Не разочарование. Понимание. Он понял, что она не изменит своего решения. Что её не купить. Что её не сломать.

— Ты дура, — сказал он резко. — Ты могла бы получить целое состояние. Ты могла бы жить как королева. А ты выбираешь свои дурацкие правила.

— Я выбираю себя, — ответила она без гнева и сомнения. — Я выбираю свой путь. И этот путь не включает убийство невиновных.

Он поднялся, и его тень, длинная и узкая, упала на стол, закрывая свет масляной лампы.

— Ты пожалеешь об этом, — сказал он холодно, как лёд. — Ты пожалеешь о том, что отказалась от этого заказа.

— Может быть, — ответила она так же холодно. — Но я не буду жалеть о том, что не убила невиновного.

Он развернулся и вышел из таверны, оставляя за собой только хлопок двери и тишину, наступившую после его ухода. Вельда сидела за столиком, чувствуя, как кружка с элем остывает в её руках. Она смотрела в окно, на закат, окрашивающий воду в багровые и золотые тона, и чувствовала, как внутри разливается тихое, спокойное тепло. Она сделала правильный выбор. Она знала это.

Прошло ещё несколько минут, и дверь таверны снова открылась. На этот раз вошла женщина — молодая, с заплаканными глазами и дрожащими руками. Она подошла к столику Вельды и, не говоря ни слова, опустилась на колени перед ней.

— Пожалуйста, — прошептала она, и голос её дрожал. — Помоги мне. Моего ребёнка украли. Люди в чёрном увели его прошлой ночью. Я слышала о тебе. Я знаю, что ты можешь помочь. Пожалуйста.

Вельда смотрела на неё, чувствуя, как слова женщины проникают в самую душу, задевая те струны, что она прятала даже от себя. Она видела страх в её глазах, отчаяние, надежду — всё то, что сама чувствовала когда-то.

— Вставай, — сказала она мягче, чем хотела. — Я помогу тебе. Где они? Куда они увели твоего ребёнка?

Женщина поднялась и, вытирая слёзы, заговорила. Она рассказывала о людях в чёрном, которые пришли ночью, о том, как они увели её сына, о том, что требовали выкуп, который она не могла заплатить. Вельда слушала её, чувствуя, как внутри загорается огонь. Не гнев. Не ярость. Просто решимость. Она найдёт этого ребёнка. Она вернёт его матери. Она сделает это, потому что это было правильно.

Она поднялась и, взяв лук, который всегда лежал рядом, направилась к двери.

— Я верну его, — сказала она ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я обещаю. Жди здесь.

Она вышла из таверны в ночь, чувствуя, как ветер касается лица, как звёзды смотрят с той же высоты, что и всегда. Она шла в темноту, и в её сердце, там, где когда-то была пустота, теперь билась уверенность. Она знала, что делает. Она знала, что это правильно. Она знала, что она — Серебряная Стрела. И что её стрелы всегда находят цель. Даже если эта цель — спасение.

Следующее утро разбудило её рано, а уже к вечеру она нашла след. Он привёл её в старый квартал, туда, где дома стояли так тесно, что солнечный свет не проникал даже в полдень, а воздух был пропитан запахом сырости, плесени и старого камня. Таверна, куда вёл этот след, называлась «Тёмный угол», и это название вполне соответствовало тому, что происходило внутри — полумрак, редкие свечи, лица, которые не хотели, чтобы их запоминали.

Вельда сидела в самом дальнем углу, откуда просматривались все входы и выходы. Перед ней стояла кружка с водой — она не пила эля на заданиях. Вода была холодной и чистой, и она держала кружку в руках, чувствуя, как прохлада просачивается сквозь глину, касаясь её пальцев. Она ждала. Ждала того, кто должен был прийти. Ждала заказа, который, как ей сказали, был особенным.

Он появился из темноты, как призрак — бесшумно, незаметно, и она поняла, что он умеет двигаться так же, как она. Высокий, худой, с лицом, скрытым под капюшоном, и руками, спрятанными в складках длинного, тёмного плаща. Он сел напротив неё, и в тусклом свете масляной лампы она увидела его глаза — светлые, почти прозрачные, как лёд на зимнем озере.

— Ты — Серебряная Стрела, — сказал он тихо, почти шёпотом, но в нём слышалась та особая, спокойная уверенность, которая бывает у людей, привыкших к тому, что их слушают.

— Ты знаешь моё имя, — ответила она ровно. — Значит, знаешь и мою цену. И мои правила.

— Я знаю, — сказал он с лёгкой, почти незаметной усмешкой. — Я знаю, что ты не берёшься за детей и за тех, кто не может защитить себя. Это не такой заказ.

Он положил на стол небольшой кожаный мешочек — такой же, как тот, что она видела в руках Лоренцо. Но этот был тяжелее. Гораздо тяжелее. Она слышала, как монеты позвякивают внутри, и понимала, что это не просто плата. Это состояние.

— Кто? — спросила она холодно, как утренний ветер.

— Советник, — ответил он, и голос его стал тише, почти шёпотом. — Его зовут Корвин. Он служит в Норвейском княжестве. Он — правая рука правителя. И он — предатель. Он продаёт секреты врагам, убивает тех, кто мешает ему, и прикрывается именем Света, чтобы делать это безнаказанно.

Вельда смотрела на мешочек, лежавший на столе. Она чувствовала его тяжесть, слышала, как монеты позвякивают при каждом движении. Она знала, что это не просто заказ. Это было что-то большее.

— Доказательства? — спросила она, хотя знала, что не спросит.

— Они у тебя будут, — ответил он с той же тихой, спокойной уверенностью. — После того, как ты сделаешь дело. Ты увидишь, что он заслуживает смерти. Или ты откажешься от платы.

Она помолчала. Внутри неё, там, где была пустота, теперь было что-то другое. Не сомнение. Не страх. Просто тихое, спокойное знание. Она знала, что возьмётся за это дело. Она знала, что сделает его чисто. Она знала, что после этого будет чувствовать то же, что чувствовала всегда. Ничего.

— Когда? — спросила она.

— Через три дня, — ответил он. — Он будет выступать на публичной церемонии. В центре города, на главной площади. Там будет много людей. Много шума. Идеальное место для того, чтобы исчезнуть.

— Расстояние?

— Двести шагов. С крыши старого здания напротив площади.

Она кивнула. Двести шагов. Это было её расстояние. Её идеальное расстояние. Она могла попасть в монету с двухсот шагов даже в ветер.

— Я сделаю это, — сказала она ровно, как говорят о погоде.

Он поднялся, и его тень, длинная и узкая, упала на стену, как призрак.

— Ты не спрашиваешь, кто я, — сказал он, и в голосе его послышалось что-то похожее на любопытство. — Ты не спрашиваешь, почему я хочу его смерти. Ты не спрашиваешь, что он сделал.

— Я знаю, что он сделал, — ответила она ледяным тоном. — Ты сказал мне. Этого достаточно.

Он смотрел на неё долго, очень долго, и в его глазах, светлых и прозрачных, она увидела то, что не видела ни в ком другом. Признание. Он понимал её. Он знал, что она не задаёт вопросов, потому что вопросы — это роскошь, которую она не может себе позволить.

— Ты — как я, — сказал он с той же холодной, деловой оценкой. — Мы оба знаем, что мир не чёрно-белый. Что иногда нужно делать то, что нужно. Без вопросов. Без сомнений.

Она не ответила. Она просто сидела, глядя на него, и чувствовала, как его слова остаются с ней. Он развернулся и исчез в темноте, оставляя её одну за столиком. Вельда сидела неподвижно, глядя на мешочек с золотом, и чувствовала, как внутри неё, там, где было спокойствие, начинает разрастаться что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто тихое, холодное принятие. Она взяла мешочек и, чувствуя, как холод монет касается пальцев, убрала его в карман. Она не считала их. Она не хотела считать. Она просто знала, что этого достаточно.

Она поднялась из-за стола и вышла из таверны в ночь. Ветер, всё такой же холодный и колючий, коснулся её лица, и она, подняв голову к звёздам, почувствовала, как внутри неё звучит тихий голос. Не её голос. Голос Силаса. «Ты ищешь баланс. И ты найдёшь его». Она усмехнулась — не горько, не холодно, а просто, как усмеваются люди, которые наконец поняли то, что не могли понять долгие годы. «Я ищу не баланс, — прошептала она, обращаясь к звёздам. — Я ищу себя. И я найду себя. Даже если для этого мне придётся убить ещё одного человека. Даже если это будет последний выстрел в моей жизни». Она пошла вперёд, в темноту, чувствуя, как мешочек с золотом тяжелеет в её кармане. Она знала, что через три дня убьёт человека. Она знала, что это будет легко. Она знала, что после этого она будет чувствовать то же, что чувствовала всегда. Пустоту. И холод. Но где-то глубоко внутри, там, где она не позволяла себе смотреть, что-то шевелилось. Что-то, что говорило ей: ты не должна этого делать. Ты не должна быть той, кем стала. Ты можешь выбрать другой путь. Но она уже выбрала.

Норвежское княжество встретило её дождём — мелким, противным, который просачивался под воротник плаща и оставлял на коже липкую, холодную влагу. Вельда не обращала на это внимания. Она стояла на крыше старого, полуразрушенного здания напротив главной площади, и её глаза, привыкшие к темноте и ветру, внимательно следили за толпой, собиравшейся внизу.

Площадь была огромной — вымощенной светлым камнем, с высоким фонтаном в центре, где вода, несмотря на дождь, всё ещё струилась из каменной чаши. Вокруг фонтана, на временных деревянных трибунах, собирались зрители — знать, купцы, простые горожане, которые пришли посмотреть на торжественную церемонию. В центре, на возвышении, украшенном знамёнами Норвежского княжества, стояли официальные лица. Среди них — советник Корвин.

Вельда видела его впервые, но узнала мгновенно. Высокий, седовласый, в длинной мантии, расшитой золотом, он стоял с прямой спиной и говорил с той особенной, уверенной интонацией, которая бывает у людей, привыкших к власти. Его голос, усиленный магией, разносился над площадью, и слова его, полные пафоса и обещаний, казалось, принадлежали не человеку, а самому Свету.

Она не слушала его. Она считала. Считала удары своего сердца, считала дыхания, считала шаги стражников, которые патрулировали периметр. Она ждала момента. Того самого, когда ветер стихнет, когда солнце, наконец, выглянет из-за туч и осветит его лицо, когда он сделает шаг вперёд, чтобы обратиться к толпе. Того момента, когда он будет уязвим.

— Именем Света, — говорил советник, и его голос разносился над площадью, — мы обещаем вам мир и процветание. Мы обещаем защиту от тех, кто угрожает нашему благополучию. Мы обещаем, что Тьма никогда не коснётся этих земель.

Толпа аплодировала. Вельда не аплодировала. Она подняла лук, и её пальцы, холодные и неподвижные, нащупали тетиву. Стрела — одна из тех, которые она приготовила заранее, с чёрным оперением и заточенным наконечником, — легла на тетиву, как продолжение её руки. Она ждала. Ждала, пока ветер стихнет. Ждала, пока солнце выглянет из-за туч. Ждала, пока он сделает шаг вперёд.

И он сделал его.

Советник шагнул вперёд, к краю возвышения, и его лицо, освещённое внезапно пробившимся солнечным лучом, оказалось прямо перед ней, на расстоянии двухсот шагов. Идеальное расстояние. Идеальный момент.

Вельда выдохнула — медленно, плавно, как её учили много лет назад, — и отпустила тетиву.

Стрела сорвалась с лука с тихим, почти ласковым шёпотом. Она не летела по прямой — она танцевала, скользя по воздуху, огибая невидимые потоки ветра, которые могли бы сбить её с курса. Но она знала этот танец. Она знала каждый его шаг. Она знала, что стрела достигнет цели.

И она достигла.

Советник Корвин замер. Его рука, только что поднятая для приветствия, дрогнула, и он медленно, очень медленно, опустил взгляд на свою грудь, где из-под расшитой золотом мантии торчало чёрное оперение. Его глаза, широко раскрытые, встретились с глазами толпы, и в них не было ни страха, ни боли — только удивление. Удивление человека, который только что понял, что его время пришло.

Он упал на колени, а затем — лицом вниз, на мокрый камень площади. И в тот же миг площадь взорвалась криками. Кто-то вскрикнул, кто-то закричал, кто-то побежал, и в этой суматохе, в этом хаосе, никто не заметил стрелка на крыше старого здания. Никто не увидел, как тень скользнула вниз, в пустоту, и исчезла в лабиринте переулков.

К полудню о случившемся знал весь город. К вечеру — всё княжество. А через неделю имя Серебряной Стрелы, уже известное от Белогорья до южных портов, обрело новое звучание. Её стали называть Тенью. Тенью, которая появляется из ниоткуда, убивает и исчезает. Тенью, которую никто не видит. Тенью, которую невозможно остановить.

Вельда сидела в таверне на окраине города, в том самом портовом районе, где начинался её путь наёмницы, и слушала, как за соседним столиком двое мужчин обсуждали случившееся.

— Слышал? — сказал один, наклоняясь к своему собеседнику. — Советника убили на глазах у всей площади. Стрела с двухсот шагов. Никто не видел стрелка.

— Серебряная Стрела, — ответил второй, и в голосе его послышалась смесь страха и восхищения. — Или, как её теперь называют, Тень. Говорят, она появляется из ниоткуда и исчезает в никуда. Её невозможно поймать.

Вельда сидела неподвижно, глядя в кружку с элем, который она не пила. Внутри неё, там, где была пустота, теперь было что-то другое. Не гордость. Не удовлетворение. Просто тихое, спокойное знание. Она сделала это. Она сделала то, за что ей заплатили. Она сделала это чисто, как всегда. И теперь её имя, её новое прозвище, будет жить своей жизнью.

— Тень, — прошептала она, пробуя слово на вкус. — Тень. Звучит... правильно.

Она поднялась из-за стола, оставив на нём монету за эль, который не допила, и вышла из таверны в ночь. Ветер, всё такой же холодный и колючий, коснулся её лица, и она, подняв голову к звёздам, почувствовала, как внутри разрастается что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто тихое, спокойное принятие. Она стала Тенью. Тенью, которая появляется из ниоткуда и исчезает в никуда. Тенью, которую никто не видит. Тенью, которую невозможно остановить. И

это было не проклятием, а свободой. Она пошла дальше, в темноту, оставляя позади таверну, город, легенду, которую только что создала. Она шла, чувствуя, как внутри звучит тихий голос. Не её голос. Голос Силаса. «Ты не перестала верить. Ты просто перестала верить в тех, кто говорил тебе, во что верить. Это разные вещи». Она усмехнулась — не горько, не холодно, а просто, как усмеваются люди, которые наконец поняли то, что не могли понять долгие годы. «Я нашла свой путь, — прошептала она, обращаясь к звёздам. — Я нашла свой баланс. Я — Тень. И это — моя свобода».

А потом, спустя несколько дней пути, она оказалась в Белогорье. Таверна «Треснувший Щит» стояла на главной площади, и внутри неё всегда было шумно,людно и пропитано запахом жареного мяса, кислого эля и чего-то ещё — особенного, домашнего, что бывает только в местах, где люди собираются не для того, чтобы спрятаться, а для того, чтобы жить. Вельда сидела за столиком у самой стены, откуда просматривались и вход, и лестница на второй этаж, и кухонная дверь, и все окна. Она всегда выбирала такие места. Это было привычкой, которая осталась с ней после долгих лет скитаний.

Перед ней стояла кружка с элем, но она почти не пила — просто держала её, чувствуя, как тепло глины касается пальцев. За два года, прошедших с того дня, как она оставила медальон на камне у дороги, она научилась быть незаметной. Она сидела в тени, с низко надвинутым капюшоном, и никто не обращал на неё внимания. Она была просто ещё одной фигурой в таверне, ещё одной тенью в углу.

Дверь таверны открылась, и в неё вошёл молодой человек. Он был худым, с всклокоченными тёмными волосами и очками, которые то и дело сползали на кончик носа. Одет он был просто — в потёртый плащ, который явно видел лучшие дни. Он оглядывался по сторонам с той особенной, испуганной настороженностью, которая бывает у людей, попавших в незнакомое место и не знающих, чего ожидать. В его руках он держал какой-то свёрток, а за спиной висел старый, потрёпанный меч, который, судя по тому, как он висел, никогда не вынимался из ножен.

Вельда наблюдала за ним. Он явно не был воином, не был наёмником, не был даже охотником. Он был торговцем — она поняла это по тому, как он двигался, по тому, как он держал руки, по тому, как он осматривал таверну, будто искал не врагов, а чего-то более знакомого. Она видела таких много раз. Они приходили с надеждой, с отчаянием, с готовностью заплатить любую цену за то, чтобы кто-то другой сделал за них работу.

Он подошёл к стойке и, немного помедлив, заговорил с хозяином. Она не слышала слов, но видела, как хозяин покачал головой, как он что-то сказал, и как молодой человек, побледнев, отошёл от стойки. Он прошёлся по таверне, заглядывая в лица, и когда его взгляд упал на неё, на её столик в углу, он замер.

Он подошёл к ней, и в его глазах, тёмных и глубоких, она увидела то, что видела слишком много раз. Надежду. И страх.

— Прошу прощения, — сказал он тихо, почти робко. — Вы... вы не знаете, где я могу найти наёмников? Я ищу людей для... для одного задания. Очень опасного. Но я готов платить.

Вельда смотрела на него, чувствуя, как его слова проникают в неё, касаясь тех старых ран, что она носила в себе. Он был испуганным, наивным, неуклюжим. Но в его глазах, в том, как он смотрел на неё, она видела что-то ещё. Упрямство. Упрямство человека, который не сдастся, даже когда всё идёт не так.

— Какое задание? — спросила она ровно, как человек, который просто убивает время.

Он замялся, и в его глазах мелькнула та особенная, нерешительная искра, которая бывает у людей, не знающих, стоит ли доверять незнакомцу.

— Мне нужно доставить груз через Сумеречную Чашу, — сказал он наконец, и голос его дрогнул. — В замок Вранн. Это... это очень срочно. И очень опасно.

Вельда смотрела на него, чувствуя, как внутри начинает шевелиться что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто воспоминание. Она слышала о Сумеречной Чаше. Она знала, что это место, из которого не возвращаются. Она знала, что тот, кто идёт туда, идёт на смерть.

— Ты знаешь, что это за место? — спросила она холоднее. — Ты знаешь, что там живут Тёмные Эльфы? Ты знаешь, что они убивают всех, кто входит в их лес?

— Я знаю, — ответил он без колебаний. — Но у меня нет выбора. Я должен доставить этот груз. Это... это моя последняя надежда.

Она смотрела на него, и в его глазах, в его голосе, в том, как он сжимал свёрток в руках, она увидела то, что не видела ни в ком другом. Отчаяние. Настоящее, глубокое отчаяние человека, который потерял всё и готов рискнуть последним.

— Кто тебя нанял? — спросила она тише.

— Маг, — ответил он, и голос его дрогнул. — Его зовут Даргот. Он сказал, что я — идеальный кандидат для этого задания. Что я не задаю лишних вопросов. Что я не светлюсь в магическом зрении.

Вельда усмехнулась — не горько, не холодно, а просто, как усмеваются люди, которые понимают, что перед ними очередная пешка в чужой игре.

— Он тебя использует, — сказала она ровно. — Ты пешка. Ты идёшь на смерть, чтобы он мог получить то, что хочет.

Он помолчал, и в его глазах она увидела то, что видела слишком часто. Понимание. Он знал, что она права. Но он также знал, что не может отступить.

— Я знаю, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Но у меня нет выбора. Если я не сделаю этого, я потеряю всё. Свою лавку. Свою мечту. Всё.

Она сидела, глядя на него, и чувствовала, как внутри теперь разрастается что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто тихое, спокойное знание. Она знала, что возьмётся за это задание. Она знала, что пойдёт с ним. Она знала, что это будет её последняя работа.

— Я возьмусь, — сказала она ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я пойду с тобой. Я проведу тебя через Чашу. Но у меня есть условия.

Он смотрел на неё, и в его глазах, широко раскрытых, она увидела удивление и надежду.

— Какие? — спросил он, и голос его дрогнул.

— Первое: в Чаше я командую. Ты делаешь то, что я говорю. Второе: я не беру плату вперёд. Половина после того, как мы войдём в лес. Половина после того, как мы выйдем. Третье: если я скажу «беги» — ты бежишь. Не оглядываешься. Не геройствуешь. Ты понял?

Он кивнул, и в его глазах она увидела что-то, чего не видела ни в ком другом. Благодарность. И готовность.

— Я понял, — сказал он. — Спасибо. Спасибо тебе.

Она поднялась из-за стола, и в её голосе, когда она заговорила, послышалась та же командная нотка, с которой она отдавала приказы в бою.

— Выходим завтра на рассвете. У северных ворот. Жди меня там.

Она повернулась и вышла из таверны в ночь, оставляя его одного за столиком. Она не ушла далеко — просто отошла в тень у входа, где её не было видно, но откуда она могла видеть и слышать всё, что происходило внутри. Старая привычка. Привычка человека, который никогда не уходит, не убедившись, что всё в порядке.

Сквозь мутное стекло окна она видела молодого торговца. Он сидел за тем же столиком, где она оставила его, и его руки, сжимавшие кружку с элем, дрожали. Он был испуган. Наивный, глупый, отчаянный. Именно таким она когда-то была сама. Именно таким она больше не хотела быть.

Трактирщик, грузный мужчина с красным лицом и седыми усами, подошёл к его столику и, наклонившись, что-то сказал. Вельда не слышала слов, но видела, как молодой торговец

поднял голову, как его глаза расширились, как он что-то спросил. Трактирщик кивнул, и его губы, даже сквозь стекло, были видны, когда он произнёс имя.

— Серебряная Стрела.

Молодой торговец замер. Его лицо, только что бледное и испуганное, на мгновение осветилось надеждой. Он что-то сказал трактирщику, и тот, покачивая головой, указал в сторону двери. Молодой торговец посмотрел туда, где только что сидела Вельда, и его лицо снова побледнело. Он понял, что она ушла. Что она не вернётся. Что он упустил свой шанс.

Вельда стояла в тени, и на её губах появилась усмешка. Та самая, кривая, которую она носила с собой долгие годы. Она видела, как он смотрит на пустой столик, как его плечи опускаются, как он снова становится тем, кем был до встречи с ней, — испуганным, потерянным, отчаявшимся.

— Завтра, — прошептала она тихо, почти беззвучно. — Завтра ты придёшь к северным воротам. И я буду там.

Она знала, что он придёт. Она знала, что он будет ждать её. И она знала, что это будет её последняя работа. Последний раз, когда она возьмёт лук в руки. Последний раз, когда она будет защищать кого-то, кто не может защитить себя. Последний раз, когда она будет Серебряной Стрелой.

Она повернулась и пошла по пустым улицам Белогорья, чувствуя, как ветер касается лица, как её шаги, тихие и уверенные, звучат в ночной тишине. Она не знала, что ждёт её впереди. Она не знала, вернётся ли она живой. Но она знала одно: она сделает всё, чтобы он выжил. Даже если для этого ей придётся умереть.

Она остановилась посреди пустой площади, где фонтан со сколотым носом каменного князя журчал в темноте. Она подняла голову к звёздам, которые светили так же ярко, как и всегда, и прошептала:

— Это будет моя последняя работа. Моя последняя стрела. Моя последняя надежда. Я сделаю это. Я спасу его. И тогда я буду свободна.

Она постояла ещё немного, глядя на звёзды, и в её глазах, серых и холодных, мелькнула искра. Не надежды. Не веры. Просто тихое, спокойное принятие. Принятие того, что она готова. Готова к концу. Готова к началу. Готова к тому, что ждёт её завтра.

Она повернулась и пошла в ночь, оставляя позади площадь, фонтан, город. Она шла, чувствуя, как внутри, там, где была пустота, теперь звучит тихий голос. Не её голос. Голос Силаса. «Ты ищешь баланс. И ты найдёшь его».

— Я найду его, — прошептала она. — Я найду его завтра. Или я умру, пытаюсь.

Она шла в темноту, и её шаги, тихие и уверенные, звучали как обещание. Обещание того, что она сделает всё, что должна. Обещание того, что она встретит свою судьбу с открытыми глазами. Обещание того, что завтра, на рассвете, она будет у северных ворот. И она будет готова. Готова к последнему залпу. Готова к последней свободе. Готова ко всему, что ждёт её впереди.

Часть I. Глава 12. Серебро без прошлого

Кожевенная улица встретила Вельду знакомым, едким запахом — смесью дубильных растворов, сырых шкур и той особенной, устойчивой вони, которая въедалась в одежду и оставалась на коже даже после нескольких дней пути. Она стояла у стены красильной мастерской, прислонившись плечом к облупившимся доскам, и ждала. Она знала, что он придёт. Знала, что будет искать её. Знала, что этот момент настанет.

Она не спала всю ночь. Не потому, что боялась — она давно перестала бояться. Не потому, что сомневалась — она давно перестала сомневаться. Просто она знала, что сегодня всё изменится. Сегодня она встретится с ним. Сегодня начнётся её последний путь.

Она увидела его, когда он свернул за угол, — молодого торговца из таверны. Он шёл быстро, но неуверенно, оглядываясь по сторонам, и в его тёмных, испуганных глазах она увидела то же самое, что и вчера. Отчаяние. Надежду. И страх. Тот самый страх, который она носила в себе много лет назад, когда стояла на плацу цитадели и не знала, выживет ли.

Он увидел её. Остановился. Его лицо, только что бледное и напряжённое, на мгновение осветилось узнаванием. Он шагнул к ней, и в его походке, в том, как он сжимал руки, она почувствовала то, что чувствовала сама много лет назад. Неуверенность. Желание верить. И страх, что он ошибся.

— Вы — начал он, и голос его дрогнул. — Вы — Серебряная Стрела?

Она смотрела на него, чувствуя, как эти слова проникают в те потаённые места, что она так долго прятала. Он был испуганным, наивным, неуклюжим. Торговцем, который никогда не держал в руках оружия. Тем, кто верил в магию, в чудеса, в то, что всё можно исправить, если просто найти правильного человека.

Она почти засмеялась. Почти. Потому что видела в нём себя. Ту себя, которая когда-то стояла на плацу цитадели и верила в Свет. Ту себя, которая держала на руках тело Мары и не знала, как жить дальше. Ту себя, которая оставила медальон на камне у дороги и пошла в никуда.

— Допустим, — ответила она ровно, хотя внутри всё дрожало.

Он шагнул ближе, и в его глазах она увидела вопрос, который слышала слишком много раз.

— Мне сказали, что вы можете помочь, — заговорил он, и голос его дрогнул. — Мне нужно доставить груз в замок Вранн. Через Сумеречную Чашу. Я знаю, что это опасно. Знаю, что это почти невозможно. Но у меня нет выбора.

— Все так говорят, — сказала она с той же холодной, деловой оценкой, которую носила с собой долгие годы. — Все говорят, что у них нет выбора. Но выбор есть всегда. Ты просто должен решить, готов ли заплатить цену.

Он смотрел на неё, и в его широко раскрытых глазах она увидела страх. Но не тот, что парализует. Тот, что заставляет идти вперёд.

— Я готов заплатить, — сказал он тихо, но твёрдо. — Я готов заплатить любую цену.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова задевают старые струны. Он был таким же, как она когда-то. Таким же наивным. Таким же отчаянным. Таким же готовым идти до конца.

— Тогда слушай, — сказала она, и голос её стал холоднее. — В Чаше я команду. Ты делаешь то, что я говорю, и не задаёшь вопросов. Ты не используешь магию — даже если думаешь, что она у тебя есть. Ты не смотришь в глаза Тёмным Эльфам. Ты не останавливаешься, когда я говорю «беги». Ты понял?

Он кивнул, и в его глазах она увидела благодарность.

— Я понял, — сказал он. — Спасибо. Спасибо вам.

Она не ответила. Она просто стояла, глядя на него, и чувствовала, как внутри, там, где была пустота, теперь разрастается что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто тихое, спокойное знание. Знание того, что она сделает всё, чтобы он выжил. Даже если для этого ей придётся умереть.

— Выходим завтра на рассвете, — сказала она ровно. — У северных ворот. Не опаздывай.

Он кивнул и, повернувшись, пошёл прочь, оставляя её одну у стены красильной мастерской. Вельда смотрела ему вслед, и внутри неё звучал тихий голос. Не её голос. Голос Силаса. *«Ты не перестала верить. Ты просто перестала верить в тех, кто говорил тебе, во что верить»*. Она усмехнулась — не горько, не холодно, а просто, как усмеваются люди, которые наконец поняли то, что не могли понять долгие годы. *«Ты был прав, — прошептала она. — Я не перестала верить. Я просто перестала верить в ложь. И теперь я знаю, во что верить»*. Она повернулась и пошла прочь, чувствуя, как её шаги, тихие и уверенные, звучат в утренней тишине. Она знала, что завтра начнётся её последний путь. И она была готова.

Она ушла от дубильщика, но недалеко — свернула в переулочек, где было тихо и темно, прислонилась спиной к холодной стене и закрыла глаза. Внутри неё, там, где раньше была пустота, теперь что-то шумело — как море перед бурей, как ветер в кронах деревьев перед грозой. Она не знала, что это. Не знала, почему сердце бьётся быстрее, чем обычно. Не знала, почему руки дрожат — те самые руки, которые держали лук в сотнях боёв и ни разу не дрогнули.

Она открыла глаза и посмотрела вверх, на серое небо Белогорья. Где-то там, за облаками, было солнце. Где-то там был свет. Но здесь, в этом переулочке, были только она, холодный камень и странное, почти забытое чувство, которому она не могла подобрать названия. Она снова увидела его лицо. Молодого торговца. Ардена Рива. Его глаза — тёмные, испуганные, но упрямые. Его голос, дрожащий, но твёрдый, когда он говорил: «Я готов заплатить любую цену». Его руки, сжимавшие свёрток с той же отчаянной надеждой, с какой она когда-то сжимала лук, стоя на плацу, и молилась, чтобы ветер стих.

Она почти засмеялась. Почти заплакала. Она знала, что он такой же, как она когда-то. Таким же наивным. Таким же отчаянным. Таким же готовым идти до конца, даже если этот конец — смерть. Она видела в нём себя. Ту себя, которая верила в Свет. Ту себя, которая не знала, что Свет может быть ложью. Ту себя, которая ещё не потеряла надежду. Она опустила на корточки, прислонившись спиной к стене, и закрыла глаза. Она не знала, сколько времени прошло, но когда она открыла глаза, солнце уже клонилось к закату.

Она поднялась и пошла к таверне. Не к той, где был он. К другой. К той, где она могла побыть одна, где никто не знал её имени, где можно было подумать. Таверна называлась «Старый колодец» и стояла на самой окраине Белогорья, там, где дорога сворачивала к лесу. Внутри было пусто — только хозяин, дремавший за стойкой, да старый кот, греющийся у печки. Вельда села за столик у окна, заказала кружку эля, которую не пила, и долго смотрела на закат, окрашивающий небо в багровые и золотые тона.

Она думала о нём. О молодом торговце, который так отчаянно хотел верить. О его глазах, в которых горела та самая надежда, что она похоронила много лет назад. О его голосе, в котором слышалось то же самое, что она слышала в своём собственном, когда стояла на плацу цитадели и верила, что Свет защитит её. Она знала, что деньги ей не нужны. У неё было достаточно — монеты, заработанные за долгие годы, лежали в кожаном мешочке, спрятанном в тайнике. Она могла бы купить дом, землю, свободу. Могла бы уйти на покой, забыть о прошлом, стать обычным человеком. Но она не могла. Не тогда, когда видела его глаза.

Она подняла кружку и, чувствуя, как холод глины касается пальцев, прошептала: «Я пойду с ним. Не ради денег. Ради него. Ради той надежды, которую я когда-то носила сама. Ради того, чтобы он не стал таким, как я». Она поставила кружку на стол и, поднявшись, направи-

лась к выходу. Хозяин, дремавший за стойкой, поднял голову и, глядя ей вслед, пробормотал что-то неразборчивое. Она не обернулась.

Она вышла из таверны в сумерки, и ветер, всё такой же холодный и колючий, коснулся лица. Она остановилась на крыльце и, подняв голову к звёздам, которые начинали проступать сквозь вечернюю синеву, прошептала: «Я сделаю это. Я проведу его через Чашу. Я защищу его. И когда всё закончится когда он будет в безопасности я позволю себе уйти. Навсегда». Она пошла по пустым улицам Белогорья, чувствуя, как шаги, тихие и уверенные, звучат в вечерней тишине. Она шла, оставляя позади таверну, город, своё прошлое. Она шла, и внутри разрасталось что-то новое. Не надежда. Не вера. Просто тихое, спокойное знание. Знание того, что она делает правильный выбор.

Она остановилась у старого колодца на перекрёстке, где дорога расходилась на три направления, и, подняв голову к звёздам, прошептала: «Я иду не ради денег. Я иду ради тебя, Арден Рив. Ради того, чтобы ты не потерял свою надежду. Ради того, чтобы ты остался собой. Даже если это будет стоить мне жизни». Она пошла дальше, в ночь, и в её сердце, там, где когда-то была пустота, теперь билось что-то новое. Принятие того, что она готова. Готова к последнему пути. Готова к последней жертве. Готова к тому, чтобы найти свой баланс. Или потерять всё.

На следующее утро она снова сидела у старого, почерневшего от времени забора, отделявшего двор дубильщика от переулка, и смотрела, как Арден Рив мнётся перед ней, переминаясь с ноги на ногу. Он уже сказал всё, что хотел сказать. Уже выложил свою историю — про мага, про заказ, про Чашу, про замок Вранн. Уже спросил, согласна ли она. И теперь ждал ответа, затаив дыхание, как человек, который стоит на краю пропасти и знает, что от следующего слова зависит всё.

Вельда смотрела на него, чувствуя, как внутри неё что-то шевелится. Она видела его страх. Видела его отчаяние. Видела его надежду — ту самую, которую носила в себе много лет назад. Она знала, что если откажется, он найдёт кого-то другого. Или не найдёт. Или пойдёт один. Или умрёт. Но это не имело значения. Имело значение только то, что она не может оставить его. Не тогда, когда видит в нём себя.

— Сколько ты готов заплатить? — спросила она ровно, как человек, который торгуется на рынке.

Он замялся, и в его глазах мелькнула та особенная, нерешительная искра.

— Двести корон, — сказал он наконец, и голос его дрогнул. — Половина сейчас, половина после доставки.

Вельда усмехнулась — не горько, не холодно, а просто, как усмеваются люди, которые знают, что цена не имеет значения.

— Сто, — сказала она твёрдо. — Сто корон. Половина после входа в Чашу. Половина после выхода. И я не беру задатка.

Он смотрел на неё, и в его широко раскрытых глазах она увидела удивление. Он не ожидал, что она снизит цену. Не ожидал, что согласится на половину. Он не знал, что для неё деньги не имеют значения. Что она идёт не ради них.

— Но — начал он, — это же это всего лишь половина

— Мне не нужны деньги, — сказала она с той же холодной, деловой оценкой. — Мне нужна работа. И я вижу, что тебе нужна помощь. Я согласна на сто корон.

Он смотрел на неё, и в его глазах она увидела благодарность. И удивление. И сомнение. Он не понимал, почему она соглашается. Не понимал, почему снижает цену. Не понимал, что она видит в нём.

— Спасибо, — сказал он, и голос его дрогнул. — Спасибо вам. Я я не знаю, как вас отблагодарить.

— Не благодари, — ответила она холодно, как утренний ветер. — Ты ещё не знаешь, выживешь ли ты.

Она не сказала ему правду. Не сказала, что он не доживёт до оплаты. Не сказала, что Даргот, наниматель, — лжец, который использует его как пешку. Не сказала, что он идёт на смерть. Она просто сидела и смотрела на него, чувствуя, как внутри разрастается тихое, спокойное знание. Она не сказала ему, что этот заказ — её последний шанс. Последний шанс найти свой баланс. Последний шанс сделать что-то правильное. Последний шанс спасти кого-то, кто ещё верит. И она не собиралась упускать его.

— Выходим завтра на рассвете, — сказала она ровно. — У северных ворот. Жди меня там. И не забудь лошадь.

Он кивнул и, повернувшись, пошёл прочь, оставляя её одну у забора. Вельда смотрела ему вслед, чувствуя, как его шаги затихают вдаль, как ветер касается лица, как внутри звучит тихий голос. «Я найду его, — прошептала она. — Я найду его завтра. Или я умру, попытаюсь». Она поднялась и пошла по пустым улицам Белогорья, и в её сердце билось что-то новое. Принятие того, что она готова. Готова к последнему пути. Готова к последней жертве. Готова к тому, чтобы наконец-то найти свой баланс. Даже если это будет стоить ей жизни.

Ночь перед выходом была тёмной и тихой, как затаённое дыхание перед прыжком. Вельда сидела в маленькой комнате, которую сняла на постоялом дворе у северных ворот, и смотрела на огонь свечи, стоявшей на столе. Пламя, жёлтое и живое, дрожало в такт её дыханию, отбрасывая на стены длинные, танцующие тени. В руке она держала серебряное кольцо — то самое, которое Каллан подарил ей много лет назад, в ту ночь, когда они стояли у окна в цитадели и смотрели на звёзды.

Она носила его всё это время. Через годы скитаний, через сотни заданий, через кровь и грязь, через пустоту и холод. Носила, потому что оно было единственным, что осталось у неё от той жизни. От той, кем она была. От той, кого она любила. От той, кого она потеряла.

Она смотрела на кольцо, и перед глазами вставали лица из прошлого. Каллан, стоящий у ворот цитадели и говорящий: «Я буду ждать тебя. Всегда». Орлин, сжимающий её плечо и говорящий: «Ты была лучшей из всех, кого я учил». Мара, умирающая у неё на руках и шепчущая: «Я хотела, чтобы ты гордилась мной». Силас, сидящий у костра и говорящий: «Ты ищешь баланс. И ты найдёшь его». Все они были частью её. Частью того, кем она стала. Частью того, кем она больше не хотела быть.

Она медленно сняла кольцо с пальца. Оно было тёплым от её кожи, и когда она держала его на ладони, оно казалось живым — как сердце, которое всё ещё билось. Она смотрела на него долго, очень долго, чувствуя, как внутри разрастается что-то новое. Не страх. Не сомнение. Просто тихое, спокойное принятие.

— Я носила тебя столько лет, — прошептала она, обращаясь к кольцу, к прошлому, к самой себе. — Я носила тебя как напоминание о том, кем я была. О том, кого я любила. О том, что я потеряла. Но теперь теперь я должна отпустить тебя.

Она поднесла кольцо к свету свечи, и серебро, тускло блеснув, отразило пламя, как маленькое солнце. Она вспомнила, как Каллан надел его на её палец и сказал: «Я хочу, чтобы ты носила его. Не как знак принадлежности. Как знак того, что ты не одна». Тогда она верила, что они будут вместе. Тогда она верила, что Свет защитит их. Тогда она была наивной. Тогда она была живой. Теперь она была другой. Теперь она знала, что Свет — это ложь. Теперь она знала, что она одна. Теперь она знала, что единственный, кто может защитить её, — это она сама.

Она сжала кольцо в кулаке, чувствуя, как металл впивается в кожу, как холод просачивается сквозь пальцы, как внутри неё звучит тихий голос Силаса: «Ты не перестала верить. Ты просто перестала верить в тех, кто говорил тебе, во что верить. Это разные вещи». Она открыла кулак и посмотрела на кольцо. Оно лежало на ладони, тускло блестя в свете свечи,

и она знала, что должна сделать. Должна отпустить его. Должна отпустить прошлое. Должна отпустить Каллана. Должна отпустить себя.

Она положила кольцо на стол, рядом со свечой, и долго смотрела на него. Затем медленно, очень медленно поднялась и, подойдя к окну, выглянула в ночь. Звёзды, холодные и далёкие, смотрели на неё с той же высоты, что и всегда. Но теперь они казались ей не такими далёкими. Теперь она знала, что может выбрать свой путь. Что она не должна быть той, кем стала. Что она может найти другой способ.

— Я больше не ношу цепей, — прошептала она, обращаясь к звёздам, к ночи, к самой себе. — Я больше не ношу колец. Я больше не ношу прошлое. Я свободна.

Она повернулась и посмотрела на кольцо, лежавшее на столе. Оно было красивым, как воспоминание. Но она знала, что не может взять его с собой. Не может взять с собой прошлое. Она должна идти вперёд. Должна найти свой путь. И должна сделать это одна. Она накинула плащ, взяла лук и, бросив последний взгляд на кольцо, вышла из комнаты. Дверь закрылась за ней с тихим стуком, и она осталась одна в коридоре, чувствуя, как её шаги, тихие и уверенные, звучат в ночной тишине.

Она шла к выходу, и внутри разрасталось что-то новое. Не надежда. Не вера. Просто тихое, спокойное знание. Знание того, что она сделала правильный выбор. Что она отпустила прошлое. Что она готова к будущему. Она вышла из постоялого двора в ночь, и ветер, холодный и колючий, коснулся её лица. Она остановилась на крыльце, подняла голову к звёздам и прошептала: «Я иду вперёд. Я иду без цепей. Я иду без прошлого. Я иду к своему пути».

Она пошла по пустым улицам Белогорья к северным воротам, туда, где завтра на рассвете её будет ждать Арден Рив. Она шла, оставляя позади кольцо, прошлое, все цепи, которые носила так долго. Она шла, чувствуя, как в её сердце, там, где когда-то билась любовь, теперь билась свобода. Она больше не носила цепей. Она больше не носила прошлого. Она была свободна. И это было единственное, что имело значение.

И когда она вышла из постоялого двора окончательно, ночь встретила её ветром — не тем холодным, колючим, к которому она привыкла за долгие годы, а каким-то другим. Тёплым, почти ласковым, как дыхание человека, который стоит рядом и молчит, но его молчание говорит больше, чем любые слова. Вельда остановилась на крыльце, чувствуя, как этот ветер касается её лица, как он играет с её волосами, как проникает под одежду и оставляет на коже лёгкое, почти забытое ощущение. Тепло. То самое тепло, которого она не чувствовала с тех пор, как покинула маленький домик у подножия холма.

Она подняла голову к небу. Звёзды, холодные и далёкие, смотрели на неё с той же высоты, что и всегда. Они были такими же, как в ту ночь, когда она стояла у окна в цитадели и смотрела на них вместе с Калланом. Такими же, как в ту ночь, когда она держала на руках тело Мары и не знала, как жить дальше. Такими же, как в ту ночь, когда Силас сказал ей: «Ты ищешь баланс. И ты найдёшь его». Но теперь, глядя на них, она чувствовала что-то новое. Не пустоту. Не холод. Не отчаяние. Она чувствовала лёгкость. Странную, почти невесомую лёгкость, как будто кто-то снял с её плеч груз, который она носила так долго, что забыла, каково это — дышать без него.

Она стояла на крыльце, глядя на звёзды, и внутри разрасталось что-то новое. Не надежда. Не вера. Просто тихое, спокойное принятие. Принятие того, что она готова. Готова к тому, что ждёт её впереди. Готова к последнему пути. Готова к последней жертве. Готова к тому, чтобы найти свой баланс. Или потерять всё. Звёзды казались ей холодными и далёкими. Но в этой холодности была красота. В этой далёкости было обещание. Обещание того, что есть что-то большее, чем она. Что есть мир, который продолжает вращаться, даже когда она стоит на месте. Что есть время, которое продолжает идти, даже когда она застыла в своей боли.

Она улыбнулась. Впервые за много лет. Не той холодной, горькой улыбкой, которой она улыбалась раньше. Не той кривой, насмешливой улыбкой, которую она носила как маску.

Настоящей. Тёплой. Живой. Улыбкой человека, который наконец-то понял то, что не мог понять долгие годы.

— Завтра, — прошептала она, обращаясь к звёздам, к ночи, к самой себе. — Завтра я встречу смерть. Или, может быть, свободу. И то и другое — конец. И то и другое — начало.

Она постояла ещё немного, глядя на звёзды, и в её глазах, серых и холодных, теперь горел свет. Тот самый свет, который она потеряла много лет назад. Тот самый свет, который она так долго искала. Тот самый свет, который она наконец нашла. Она повернулась и пошла по пустым улицам Белогорья к северным воротам, туда, где завтра на рассвете её будет ждать Арден Рив. Она шла, чувствуя, как ветер касается лица, как звёзды смотрят на неё с той же высоты, что и всегда, но теперь они не казались ей холодными и далёкими. Теперь они казались ей близкими. Такими близкими, как никогда раньше.

Она остановилась у ворот, прислонилась спиной к холодному камню и, подняв голову к небу, прошептала: «Я готова. Я готова к концу. Я готова к началу. Я готова к тому, чтобы найти свой путь. Даже если этот путь приведёт меня в никуда». Она закрыла глаза и позволила себе на мгновение представить будущее. Она представила, как завтра они войдут в Чашу. Как она будет вести его через тёмный лес. Как будет защищать его от Тёмных Эльфов. Как будет делать всё, чтобы он выжил. И как, когда всё закончится, она наконец позволит себе уйти.

Она открыла глаза и посмотрела на звёзды. Они всё так же светили, холодные и далёкие, но теперь в их свете она видела не конец, а начало. Не смерть, а свободу. Не пустоту, а надежду.

— Я готова, — сказала она, и голос её был твёрдым, как у человека, который знает, что делает. — Я готова к своему последнему пути.

Она улыбнулась — в последний раз. И в этой улыбке, тёплой и живой, было всё, что она искала все эти годы. Покой. Принятие. Свобода. Она повернулась к воротам и, глядя на них, прошептала: «Завтра. Завтра я встречу свою судьбу. И я встречу её с улыбкой». Она осталась стоять у ворот, глядя на звёзды, и ждала рассвета. Ждала своего последнего пути. Ждала своей последней свободы. Ждала того, что ждало её впереди. Смерть. Или, может быть, жизнь. Но что бы это ни было — она была готова. Она была готова к концу. Она была готова к началу. Она была готова к тому, чтобы наконец-то найти свой баланс. И она встретила его с улыбкой.

Часть II. Глава 13. Сделка в сумерках

В лавке пахло пылью, старым воском и чем-то ещё — едва уловимым, сладковатым, как сушёные лепестки эльфийской розы, которые Арден Рив безуспешно пытался продать уже третий месяц. Он сидел за прилавком, подперев щёку ладонью, и в тридцать седьмой раз перечитывал пожелтевший пергамент с заклинанием малого света — тем самым, что не сработало у него ни разу за десять лет попыток, но которое он упрямо хранил, словно веру в чудо, способное переломить судьбу.

Колокольчик над дверью звякнул. Арден поднял глаза — и тут же выпрямился, машинально одёрнув засаленный рукав. На пороге стоял человек, которого в Белогорье называли бы «господин» с первого взгляда и без лишних вопросов. Высокий, сухой, словно вырезанный из старого дерева, он был закутан в дорожный плащ тёмно-синего сукна, расшитого по краю серебряной нитью — такая работа стоила больше, чем вся лавка со всем её содержимым. Капюшон скрывал верхнюю половину лица, оставляя видимым лишь острый, чисто выбритый подбородок и тонкие губы, сложенные в выражение вежливого, но холодного превосходства. В левой руке незнакомец держал посох с навершием в виде змеи, кусающей собственный хвост, и от посоха исходило слабое, но безошибочное магическое свечение, которое Арден — хоть сам и не владел даром — распознал мгновенно, как распознаёт запах еды голодный.

— Лавка «Редкости Рива»? — голос незнакомца был сух и тих, но каждое слово падало отчётливо, словно камешки в колодец.

— Она самая, — Арден поднялся, поправляя очки. — Чем могу служить господину? У нас есть редкие свитки из-за гор, амулеты на удачу, подлинные, с сертификатом от гильдии магов, и, кхм, заспиртованный глаз василиска, правда, слегка мутноватый, но для коллекции

— Мне не нужны безделушки, — перебил незнакомец и, шагнув к прилавку, откинул капюшон. Лицо его оказалось старше, чем предполагал Арден: глубокие складки у рта, седые брови, нависающие над глазами цвета ржавого железа, длинный шрам через левую скулу, теряющийся где-то под воротником. Глаза смотрели оценивающе, без враждебности, но и без тени тепла. — Меня зовут Даргот. Я маг, и у меня есть дело, требующее человека определённого сорта. Человека, — он сделал лёгкую паузу, — который не задаёт лишних вопросов и умеет держать язык за зубами. Ваше имя мне назвали в гильдии купцов. Арден Рив, держатель лавки, не маг, не воин, не авантюрист. Обычный торговец.

— Звучит как начало оскорбления, — пробормотал Арден, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Констатация факта, — уголок губ Даргота едва заметно дёрнулся. — Но именно обычный торговец мне и нужен. Никто не обратит внимания на скромного лавочника, везущего товар через лес.

Арден моргнул. Через лес. В этих краях «через лес» означало только одно.

— Вы говорите о Сумеречной Чаше? — его голос предательски дрогнул.

— Именно.

— Но это это же верная смерть, господин Даргот. Тёмные Эльфы. Никто не ходит через Чашу. Караваны делают крюк в три недели, лишь бы обойти её стороной. Если у вас товар, я могу организовать доставку северным трактом, через перевал, это займёт больше времени, но

— Товар должен пройти через Чашу, — Даргот произнёс это так ровно, что любые возражения застревали в горле. — И он должен быть доставлен быстро. Очень быстро. В замок Вранн.

Замок Вранн. Арден слышал это название. Старая пограничная крепость, заброшенная и овеянная дурной славой ещё до его рождения. Там никто не жил. Там, по слухам, даже птицы не пели.

Даргот тем временем извлёк из складок плаща небольшой мешочек и поставил его на прилавок. Мешочек приземлился с глухим, металлическим стуком, который невозможно спутать ни с чем на свете.

— Здесь задаток. Пятьдесят золотых корон. Белогорской чеканки, полновесные. По завершении доставки вы получите ещё сто пятьдесят.

У Ардена пересохло во рту. Двести корон — втрое больше всей его годовой выручки, вместе с долгами, с закладной за лавку, вместе с теми проклятыми кредиторами, которые уже начинали присылать вежливые, но угрожающие записки. Это свобода. Это возможность расплатиться и, может быть, даже нанять настоящего учителя магии. Или хотя бы купить нормальные свитки, а не те огрызки, что он перебирал годами.

— Что за товар? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я должен знать, что везу. Хотя бы в общих чертах.

Даргот снова полез в плащ и извлёк на свет массивный ящик из тёмного дерева, окованный железом и залитый по краям толстым слоем сургуча с оттиском печати — змея, кусающая хвост, тот же символ, что и на посохе. Ящик был размером с голову человека и, судя по тому, как напряглись руки мага, весил изрядно. Арден машинально протянул ладонь, чтобы коснуться крышки, но Даргот отодвинул ящик на полфута.

— Содержимое вас не касается. Печати не вскрывать. Если печати будут нарушены, вы не получите ничего — ни оставшейся платы, ни моего покровительства. Только мой гнев. Надеюсь, это ясно?

— Ясно, — выдавил Арден, отдёргивая руку. От ящика исходило странное тепло — не обжигающее, а глубинное, словно внутри древесины тлел уголь, заваленный золой.

— Доставите ящик в замок Вранн. Там вас встретят. Передадите груз из рук в руки, получите оплату — и можете забыть обо мне и о Чаше навсегда. Срок — две недели. Не уложитесь — сделка расторгается, задаток остаётся у вас в качестве компенсации, но оставшейся суммы не будет. Всё честно.

Честно. Арден смотрел на ящик. Древесина была тёплой на ощупь, почти горячей, и ему показалось — или нет? — что изнутри доносится едва слышный, низкий гул, словно внутри билось чьё-то сердце. Или ему просто чудилось. Он уже давно привык к тому, что воображение у него работает лучше, чем магический дар.

— Почему я? — спросил он наконец, поднимая взгляд на Даргота. — Почему не нанять профессиональный отряд? Почему не послать кого-то из ваших, из магов?

— Потому что маги, — Даргот чуть наклонился вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, мимолётное, как тень крыла за окном, — привлекают внимание. Маги, воины, наёмники — все они светятся в магическом зрении, как факелы в ночи. А вы, господин Рив, не светитесь. Вы — ничто в магическом смысле. Пустое место. Глухой. Именно это и делает вас идеальным курьером. Тёмные Эльфы увидят просто путника, а не угрозу. Если, конечно, вы не будете делать глупостей.

«Ничто в магическом смысле». Самое обидное было в том, что это правда. Арден опустил взгляд на мешочек с золотом. Пятьдесят корон. Он мог прямо сейчас отказаться, вернуть задаток и продолжать жить, перебиваясь продажей пыльных безделушек, пока кредиторы однажды не пришли бы за ним всерьёз. Или он мог взять этот заказ, рискнуть всем и, возможно, наконец-то изменить свою жизнь.

— Мне понадобится напарник, — сказал он тихо. — Охрана. Один я через Чашу не пройду ни при каких условиях.

Даргот кивнул.

— Это ваша забота. Нанимайте кого угодно, но в курс дела не посвящайте — никого. Чем меньше людей знает о грузе, тем выше ваши шансы дойти. И, Рив, — он развернулся к

выходу, и полы его плаща взметнулись, как крылья, — если вас поймают, вы меня не знаете. И ящика вы никогда не видели.

Колокольчик звякнул снова. Дверь закрылась. В лавке вновь воцарилась тишина — но теперь она была другой, густой, наполненной присутствием чужого ящика и весом чужого золота.

Арден долго стоял, глядя на залитую сургучом печать, за которой пульсировало что-то живое — или ему это только казалось. Потом он медленно, словно во сне, развязал мешочек и высыпал монеты на прилавок. Золото тускло блестело в свете масляной лампы, и в этом блеске ему почудился отблеск той жизни, которую он всегда хотел, но никогда не решался начать. Он ссыпал монеты обратно, затянул мешочек и спрятал его под половицу за прилавком — туда, где уже лежали засаленные письма кредиторов и старый, ни разу не использованный кинжал. Пальцы на мгновение задержались на холодной стали кинжала, но он отдернул руку — не время и не место думать об оружии.

— Значит, через Чашу, — пробормотал он вслух, и в пустой лавке его голос прозвучал до странности уверенно. — Ну что ж, посмотрим, стóбит ли магия двухсот корон и одной человеческой жизни.

Даргот ушёл, а ящик остался. Арден стоял за прилавком и смотрел на него — массивный, тёмный, окованный железом, с сургучными печатями, на которых змея пожирала собственный хвост. Этот символ что-то смутно напоминал, что-то из старых книг, которые он пролистывал в лавке дяди ещё мальчишкой, но память не отзывалась, только холодок пробежал по спине. Ящик не двигался, не светился, не издавал звуков — но воздух вокруг него был плотнее, чем в остальной лавке, и пахло от него не деревом, а чем-то металлическим, солоноватым, почти как от старой монеты, если лизнуть её языком. Арден протянул руку и коснулся крышки — дерево было тёплым, почти горячим, и под пальцами едва заметно вибрировало. Он отдернул ладонь, словно обжёгшись, и заставил себя отвернуться.

Он подошёл к окну. Сквозь мутное стекло виднелась узкая улочка, залитая оранжевым светом заката, и удаляющаяся фигура в синем плаще. Даргот шёл быстро, не оглядываясь, и его тень, неестественно длинная, волочилась следом, задевая стены домов. Арден проследил за ним взглядом, пока фигура не свернула за угол и не исчезла, и только тогда выдохнул, сам не заметив, что всё это время задерживал дыхание.

Цифра всё ещё казалась нереальной. В Белогорье на двести корон можно было купить небольшой дом с садом, или годовое обучение в Академии Волшебства, или трёх хороших лошадей со всей упряжью и ещё осталось бы на год безбедной жизни. А он, Арден Рив, двадцати четырёх лет от роду, сирота, лавочник без образования и магического дара, должен был получить эту сумму всего за две недели пути. За то, чтобы просто довезти ящик из точки А в точку Б.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — сказал дядя, упокой Свет его душу, каждый раз, когда в лавку захаживал очередной перекупщик с блестящими глазами и ворованным товаром за полцены. «Если сделка пахнет мёдом — проверь, нет ли под бочкой дохлых крыс». Арден отошёл от окна, подошёл к прилавку и снова развязал мешочек с задатком. Золото было настоящим — он в этом кое-что понимал. Настоящая белогорская чеканка: на аверсе профиль князя Владана Третьего, на реверсе — дуб, символ княжества. Каждая монета — четыре грамма чистого золота, без примесей. Пятьдесят штук. Двести граммов. Половина килограмма золота — за доставку одного-единственного ящика.

Он пересчитал монеты трижды. Потом ссыпал их обратно, затянул шнурок и снова спрятал под половицу, туда, где уже лежали мятые векселя от кредиторов и старый, ни разу не вынимавшийся из ножен кинжал. Тяжесть мешочка под пальцами — полновесная, реальная, не сновидческая — немного успокоила его. Но ровно настолько, чтобы он смог спокойно обдумать следующий шаг.

— Итак, — сказал он пустой лавке, — у нас есть ящик неизвестного содержимого, путь через лес, где живут существа, убивающие людей быстрее, чем я дочитываю первую страницу заклинания, и маг с посохом, который заплатил мне задаток и сказал не задавать лишних вопросов. Что может пойти не так?

Лавка не ответила. Только свеча на прилавке мигнула, хотя сквозняка не было.

Арден вздохнул и подошёл к дальней стене, где на полках, покрытых благородной пылью, лежали его сокровища — свитки. Настоящие магические свитки. Не те подделки, что он продавал проезжим богачам, уверяя их, будто «Амулет Тысячи Снов» гарантирует вещие сны (на самом деле это была просто раскрашенная галька), а те, что он покупал для себя и только для себя, тратя последние медяки на обрывки пергаментов, вырванные страницы, записи безумных отшельников, в которых, быть может, было настоящее заклинание, а может — просто каракули.

Он взял один свиток, развернул. «Заклинание малого света», записанное триста лет назад магом по имени Ориван. Девять слов. Простейшая формула, доступная даже новичку с минимальным даром. Арден знал эти девять слов наизусть с двенадцати лет. Он произносил их тысячи раз — с утра, перед сном, в дождь, в солнце, в отчаянии и в надежде. И ни разу, ни единого раза, на кончиках его пальцев не зажёгся даже самый крохотный огонёк.

«Глухой», — пробормотал он, сворачивая свиток, и в голосе его не было горечи — только усталое смирение. Но впервые эта насмешка, которую он носил всю жизнь, показалась ему не проклятием, а преимуществом. Даргот был прав: именно это и делало его идеальным курьером. Тёмные Эльфы, которые, по слухам, чувствовали магию за версту, не заметят того, в ком магии нет вовсе. Чудовищная ирония: его величайшая неудача стала единственным шансом.

Он сжал свиток в руке и закрыл глаза, но перед мысленным взором вместо знакомых строк заклинания возник образ Сумеречной Чащи — такой, какой её рисовали в книгах: чёрные стволы, уходящие в небо на сотни футов; ветви, переплетающиеся так плотно, что солнечный свет не достигает земли; корни, которые шевелятся, когда отводишь взгляд. И в этой вечной полутьме — силуэты, высокие и тонкие, с глазами без зрачков. Тёмные Эльфы. Те, кто когда-то были Высокими, а теперь — проклятые стражи, запертые в лесу навечно и не щадящие никого, кто осмелится ступить под их кроны.

Арден поёжился и открыл глаза. Он мог отказаться — прямо сейчас, пойти к Дарготу, вернуть задаток и забыть об этом. Но он знал, что не пойдёт. Не потому что смелый. А потому что впервые за много лет кто-то пришёл к нему с предложением, от которого не отказался бы ни один торговец в здравом уме и твёрдой памяти. И не отказался бы ни один человек, который с детства мечтал о магии и видел, как эта мечта умирает год за годом.

— Две недели, — он убрал свиток на полку и задвинул его в самый дальний ряд, подальше от посторонних глаз. — Две недели, и всё закончится. Или я вернусь с деньгами, или не вернусь вообще.

От этой мысли было странно спокойно. Он зажёг ещё одну свечу, достал из-под прилавка старую, потрёпанную карту княжества и разложил её на столе. Белогорье — в правом нижнем углу, аккуратный кружок с башенкой. Сумеречная Чаща — огромное зелёное пятно, занимающее почти половину карты. И за ней, на западной границе леса, у самого подножия гор — точка с надписью «Замок Вранн», которую кто-то из прежних владельцев карты обвёл красными чернилами и поставил рядом знак вопроса. Путь через Чащу по прямой занимал около десяти дней. Десять дней сквозь лес, из которого не возвращаются.

Арден провёл пальцем по карте, отыскивая обходные тропы, и вдруг осознал, что даже не знает, где искать напарника. Даргот сказал: «Нанимайте кого угодно». Но где сейчас, в разгар военных приготовлений князя, найти человека, готового пойти в Чащу? Все опытные авантюристы, все ветераны, все наёмники — все, кто мог бы составить ему компанию, — уже давно сидели в казармах или кормили комаров на северных заставах, ожидая, пока Властелин Морак соизволит двинуть свои легионы.

Он свернул карту и убрал её обратно.

— Завтра, — пообещал он себе. — Завтра пойду на площадь и найду кого-нибудь. Хоть кого-нибудь.

За окном окончательно стемнело. Арден подошёл к двери, запер её на засов и последний раз за день посмотрел на ящик. В полумраке тот казался ещё больше и темнее, чем при свете, и Арден готов был поклясться, что отчётливо слышит мерное, низкое гудение, идущее откуда-то изнутри. Но он знал, что это просто усталое воображение. Никаких гудений. Никакой магии. Только ящик. Только двести корон. Только лес, полный смерти.

Он задул свечу и лёг на кровать, но ещё долго лежал в темноте, глядя в потолок и слушая тишину, которая почему-то звучала как обещание — или как предупреждение. Он пока не решил, что именно.

Спал он плохо. Ему снилась Сумеречная Чаша — хотя он никогда в ней не бывал и не мог знать, как она выглядит на самом деле, — но во сне лес был именно таким, каким он его себе представлял: бесконечные ряды чёрных стволов, уходящих в небо, которое не светлело, а лишь меняло оттенки серого; мох под ногами, пружинящий и влажный, как губка; и тишина, такая глубокая, что собственное дыхание казалось грохотом. Он шёл, сжимая в руках ящик, и чувствовал, как тот с каждым шагом становится тяжелее, горячее, словно внутри разгорался огонь, а потом обернулся и увидел, что следом за ним идут Тёмные Эльфы — не быстро, не угрожающе, а просто идут, держа дистанцию, и у всех у них были его собственные глаза. На этом месте он проснулся, сел на кровати и долго смотрел в тёмный угол, где под половицей лежало золото, а на прилавке — ящик.

Утро выдалось серым и промозглым, как большая часть осенних дней в Белогорье. Арден оделся поплотнее, проверил засов на двери, убедился, что ящик на месте и печати целы, и отправился на городскую площадь — с твёрдым намерением найти напарника до полудня. План был прост: в южной части площади, у фонтана со сколотым носом каменного князя, обычно собирались наёмники всех мастей, от ветеранов в поношенных доспехах до юнцов с амбициями и чужими мечами. Приходишь, выкладываешь запрос, назначаешь цену — и ждёшь, пока кто-нибудь клюнет. Так это работало всегда. Так, говорили ему, это работало и сейчас.

На деле всё оказалось иначе.

Площадь была полупустой. У фонтана сидели трое — калека-арбалетчик с перевязанным глазом, мальчишка лет четырнадцати, тощий, как прут, и старик в ржавой кольчуге, который, кажется, спал, прислонившись к фонтану. Никто из них не выглядел как человек, способный пройти через Чашу и остаться в живых. Арден, впрочем, на всякий случай подошёл к каждому. Арбалетчик, узнав, куда лежит путь, коротко рассмеялся и сказал, что ещё не настолько устал от жизни. Мальчишка заломил цену в пять корон — смехотворную, — и Арден уже почти согласился, но вовремя заметил, что меч у парня засунут в ножны лезвием вперёд, и решил, что лучше обойтись без такой помощи. Старик даже не проснулся.

Он потратил на площадь час, потом ещё час простоял у таверны «Треснувший Щит», где обычно ошивались заезжие наёмники, но таверна была пуста — только хозяин, зевая, протирал кружки. Арден купил у него кружку разбавленного эля за медяк и спросил, куда подевались все бойцы. Хозяин, не прекращая протирать кружку, ответил коротко:

— Мобилизация. Князь объявил набор. Все, кто может держать меч, ушли на север, к границе. Говорят, Властелин Морак вот-вот двинет легионы. А кому не хватило места — те сбежались к Ордену, может, там берет. У нас в городе сейчас вооружённого человека днём с огнём не сыщешь. Разве что

Он замялся.

— Разве что? — переспросил Арден, отставляя кружку.

Хозяин покосился на него и понизил голос.

— Есть тут одна. Серебряная Стрела. Слыхали?

Арден не слышал. Он вообще редко интересовался наёмниками — его мир состоял из лавки, пыльных свитков и мечтаний о магии, а сплетни с большой дороги обходили его стороной. Он покачал головой, и хозяин, вздохнув, пододвинулся ближе.

— Вельда. Лучница. Говорят, раньше служила в Ордене Серебряных Часовых, но ушла — то ли выгнали, то ли сама сбежала. С тех пор работает на всех. На светлых баронов, на тёмных магов, на купцов, на контрабандистов — ей всё равно, кто платит. Ходят слухи, — тут хозяин и вовсе перешёл на шёпот, — что она и убийствами не брезгует. Что ей заказали одного советника в Норвейском княжестве, и она его сняла стрелой с двухсот шагов, прямо в глаз, во время публичной речи. Прямо при всех. Никто её не поймал.

— И она сейчас здесь? — уточнил Арден, чувствуя, как внутри что-то холодеет.

— Здесь. В городе. Видел её вчера у дубильщика — стояла, разговаривала о чём-то с кожевенником. Худая, высокая, плащ серый, лук за спиной в чехле. Глаза — хозяин поёжился, — холодные. Как у змеи. Если вам нужен человек, который не боится ни Тьмы, ни Света, ни самих Тёмных Эльфов — это к ней. Но я бы на вашем месте

— Что?

— Я бы на вашем месте лучше вообще никуда не ходил, — хозяин взял его кружку и начал тереть её с удвоенным усердием. — Но если уж приспичило — ищите Серебряную Стрелу. Только учтите: с ней никто не работает дважды.

Арден вышел из таверны и остановился на крыльце, шурясь от бледного осеннего света. Площадь перед ним была по-прежнему пустынна. Калека-арбалетчик дремал, старик так и не проснулся. Ветер гнал по брусчатке жухлые листья и обрывки чьей-то афиши. Серебряная Стрела. Наёмная убийца. Служит и добрым, и злым. Берётся за любую работу. Никто не нанимает её дважды. Идеальный кандидат, подумал Арден с той особой, горькой усмешкой, какая бывает у людей, которым предстоит выбирать между плохим и очень плохим. Лучница-одиночка с ледяными глазами и репутацией убийцы — или путь через Чашу в одиночку, без охраны, что равносильно самоубийству. Он перебрал в уме все возможные варианты, которых было ровно два, и оба ему активно не нравились. Но один из них хотя бы подразумевал, что у него будет шанс. Не хороший шанс. Не достойный. Но шанс.

Он поправил плащ и, стараясь не думать о том, что может пойти не так, направился к дому дубильщика — выяснять, где искать женщину, которую боится весь город. За его спиной, у фонтана, калека-арбалетчик приоткрыл единственный глаз и проводил его долгим, задумчивым взглядом, в котором, впрочем, не было ни сочувствия, ни интереса — только профессиональная оценка человека, направляющегося в сторону собственной гибели.

Часть II. Глава 14. Серебряная Стрела

Утро следующего дня встретило Ардена мелким, надоедливим дождём — не ливнем, а именно той осенней моросью, что просачивается под воротник и превращает уличную пыль в скользкую грязь. Он стоял на краю городской площади, подняв воротник плаща, и наблюдал, как последние наёмники Белогорья собирают пожитки и грузятся в фургоны, выделенные княжеской канцелярией. Четыре крытые телеги, десятка полтора вооружённых людей, пара верховых — всё это скрипело, бряцало и переругивалось, медленно вытягиваясь из города через северные ворота.

Рядом с фонтаном, где вчера дремал старик в ржавой кольчуге, теперь было пусто — только лужа на том месте и пустая бутылка из-под дешёвого пойла. Арден поёжился и направился к единственной группе, которая ещё не ушла: трое мужчин стояли у входа в таверну «Треснувший Щит», о чём-то вполголоса переговариваясь. По виду — ветераны: у первого на плече висел боевой топор с зазубренным лезвием, второй опирался на двуручный меч, третий, самый старый, с седой косицей и отсутствующим ухом, сидел на корточках и курил трубку, выпуская дым сквозь щербатые зубы.

— Доброго утра, — начал Арден, подходя на расстояние вежливого разговора. — Я ищу наёмников для охраны каравана.

Тот, что с топором, даже не обернулся.

— Каравана? — переспросил второй, с двуручником, и смерил Ардена взглядом с головы до ног. — Ты купец, что ли?

— Торговец. Арден Рив. Лавка «Редкости Рива», может, слышали.

— Не-а. И что везёшь?

— Груз. Частного заказа. Нужно доставить в замок Вранн, — Арден сознательно пропустил упоминание Сумеречной Чащи, надеясь заинтересовать их сперва ценой. — Плачу десять корон задатка, ещё пятнадцать по завершении. Маршрут — около десяти дней.

Человек с топором наконец обернулся. У него было широкое, грубо вытесанное лицо и маленькие, неприятно умные глазки.

— Замок Вранн? Это на той стороне Чащи, — произнёс он ровным голосом.

— Именно.

— Через Чашу?

— Можно и в обход, но это займёт много времени, а заказ срочный. Я думал, если найти опытных бойцов...

— Стоп, — человек с топором поднял руку, и Арден осёкся. — Ты хочешь, чтобы мы пошли с тобой через этот лес? Где Тёмные Эльфы сдирают с людей кожу и вешают её сушиться на ветках?

— Я слышал, что они убивают нарушителей, — осторожно сказал Арден, — но насчёт кожи не уверен, это, возможно, преувеличение...

— Преувеличение? — старик с трубкой наконец поднял голову и вынул мундштук изо рта. — Парень, я воевал на границе Чащи двадцать лет назад. Из моего отряда в десять человек обратно вышли трое. И эти трое, — он ткнул трубкой в сторону своих товарищей, — были со мной. Мы вместе тогда поклялись, что больше никогда, ни за какие деньги, ни при каких обстоятельствах не сунемся в этот лес. Так что иди-ка ты, купец, куда подальше, и предложение своё заberi с собой.

Он снова сунул трубку в рот и отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Арден перевёл взгляд на третьего, с двуручником, но тот лишь покачал головой и добавил почти добродушно:

— Двадцать пять корон — хорошие деньги, не спорю. Но мёртвому деньги без надобности. А в Чаще ты будешь мертвецом быстрее, чем успеешь сказать «помогите».

— Может, знаете кого-то, кто согласится? — спросил Арден с отчаянием, которое уже не пытался скрывать. — Любой, кто не боится?

Трое переглянулись. Старик хмыкнул, человек с топором усмехнулся. Тот, что с двуручником, почесал затылок и сказал, растягивая слова:

— Ну, есть тут одна. Которая не боится. Только она сама пострашнее эльфов будет. Серебряная Стрела. Лучница. Говорят, она в городе. Но я бы на твоём месте, парень... лучше вообще никуда не ходил.

— Вот именно, — кивнул старик. — Но если совсем приспичило — ищи её у дубильщика, на Кожевенной улице. Только потом не говори, что тебя не предупреждали.

Арден поблагодарил и двинулся прочь от таверны. Дождь усилился, и теперь капли барабанили по черепице крыш, стекали вниз по стенам, собирались в лужи на брусчатке. Наёмники у северных ворот уже закончили грузиться, и последний фургон исчезал за поворотом, оставляя после себя только размытые колеи в грязи.

Он остановился посреди опустевшей площади, поднял голову к серому небу и закрыл глаза. Три дня назад он был просто лавочником, торговавшим пыльными безделушками и мечтавшим о магии, которая ему не давалась. Сегодня он стоит с ящиком запретного груза под прилавком, с пятьюдесятью золотыми в тайнике и с перспективой нанять напарницу, которую боятся даже ветераны, пережившие Чащу. Жизнь меняется быстро — быстрее, чем заклинание малого света, которое он так и не выучил.

Он вздохнул, поправил плащ и направился через площадь к Кожевенной улице, стараясь не обращать внимания на то, как громко стучит сердце. В переулке слева на мгновение почудилось движение — словно кто-то стоял там, наблюдая за ним, высокий и тонкий, с луком за спиной и серым плащом до самой земли. Но когда он обернулся, переулок был пуст. Только ветер и дождь.

«Показалось», — сказал он себе и ускорил шаг.

Кожевенная улица нашлась не сразу — она пряталась в глубине ремесленного квартала, стиснутая между красивой мастерской и складом сырых шкур. Воздух здесь стоял такой густой и едкий, что у Ардена заслезились глаза, едва он свернул за угол. Он зажал нос рукавом, перешагнул через канаву с мутной жижей и двинулся вдоль ряда покосившихся дверей, над одной из которых висела вывеска в виде растянутой бычьей шкуры.

Дубильщика он нашёл во дворе — коренастый, лысый мужчина с руками по локоть в чём-то буром, он как раз вытаскивал из чана мокрую кожу, когда Арден окликнул его.

— Прошу прощения, — начал он, стараясь дышать через рот, — я ищу женщину по имени Вельда. Серебряная Стрела. Мне сказали, вы с ней говорили вчера.

Дубильщик выпрямился, вытер руки о кожаный фартук — лучше от этого не стало — и уставился на гостя с тем особым недоверием, с каким ремесленники смотрят на людей, одетых не по погоде и задающих неудобные вопросы.

— Допустим, говорил. А ты кто такой?

— Торговец. Арден Рив. У меня к ней деловое предложение.

— Деловое, — дубильщик хмыкнул и сплюнул в канаву. — Ну-ну. Она была здесь вчера, да. Спрашивала про кожу для тетивы, я ей продал моток жил. А где сейчас — понятия не имею. Она не из тех, кто оставляет адреса.

Арден вздохнул. Третий день поисков, и каждый след упирался в стену. Он уже открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, когда сзади раздался голос — негромкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который привык говорить редко, но по делу:

— Зачем тебе Серебряная Стрела?

Он обернулся. У стены красильной мастерской, прислонившись к брёвнам и скрестив руки на груди, стояла женщина. Высокая, почти одного роста с ним, худая, но не болезненно — скорее жилистая, как человек, проводящий много времени в дороге. Острый подбородок, высокие скулы. На вид — около тридцати. Волосы — светло-русые, почти пепельные, собранные в тугий узел на затылке — выбивались из-под края серого капюшона. Одежда простая, добротная, много раз штопаная, но чистая: кожаная куртка поверх туники, высокие сапоги, перчатки с обрезанными пальцами. И длинный чехол за спиной — слишком длинный для меча, с характерным изгибом в верхней части. Лук. Боевой лук, не охотничий.

Но больше всего его поразили глаза. Светло-серые, почти бесцветные при этом освещении, они смотрели прямо, не мигая, и в них не было ни интереса, ни враждебности — только холодное, оценивающее спокойствие, какое бывает у человека, который заранее знает, сколько шагов отделяет его от собеседника и сколько времени потребуется, чтобы выхватить оружие.

— Так зачем? — повторила она, слегка наклонив голову.

Арден сглотнул.

— Вы — Вельда?

— Допустим.

— Меня зовут Арден Рив. Я торговец. Держу лавку «Редкости Рива» в восточном квартале. У меня есть заказ — нужно доставить груз в замок Вранн. Через Сумеречную Чашу. Мне сказали, что вы... что вы можете согласиться.

Она выслушала его, не меняясь в лице. Потом оттолкнулась от стены и сделала несколько шагов, обходя его по кругу, как обходят лошадь на ярмарке, оценивая статью.

— Сумеречная Чаша, — произнесла она задумчиво. — Это не шутка.

— Я знаю.

— Тогда знаешь и то, что из десяти человек, которые туда суются, обратно выходят хорошо если двое. И те — без пальцев или без рассудка.

— Знаю, — повторил Арден, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем ему было на самом деле. — Поэтому мне и нужен кто-то опытный.

Она остановилась прямо перед ним. От неё пахло кожей, старым металлом и чем-то ещё — сухим и горьковатым, как полынь.

— Кто тебе меня порекомендовал?

— Трактирщик из «Треснувшего Щита». И трое ветеранов на площади.

— И что они сказали?

Арден поколебался.

— Сказали, что вы не боитесь Тёмных Эльфов. И что... — он запнулся.

— Что я убийца, — закончила она ровным голосом. — Что я служу и Свету, и Тьме. Что мне нельзя доверять. И что никто не нанимает меня дважды. Так?

— Примерно так.

— И ты всё равно меня ищешь?

— У меня нет выбора, — сказал Арден просто.

Повисла пауза. Вельда смотрела на него, чуть прищурившись — не враждебно, скорее с любопытством, какое бывает у натуралиста, обнаружившего необычный экземпляр жука. Потом она развернулась и кивнула в сторону улицы.

— Здесь не место для таких разговоров. Идём. В «Треснувший Щит». Там я хотя бы знаю все выходы. И можешь опустить рукав — здесь воняет, но ядовитых паров нет.

Арден смущённо отнял рукав от лица и поспешил за ней. Она шла быстро, но не торопливо, и её шаги почти не производили шума — старые сапоги ступали по камням так мягко, словно она шла по лесной подстилке. Он вдруг заметил, что на поясе у неё, помимо ножа, висит колчан, прикрытый полой плаща, и стрелы в нём — с оперением не из гусиных перьев, а из каких-то тёмных, почти чёрных, с синеватым отливом.

Пока они шли через ремесленный квартал обратно к площади, Вельда не проронила ни слова. Арден тоже молчал. Он смотрел на её прямую спину, на то, как плащ колыхнется в такт шагам, и думал о том, что никогда в жизни не встречал человека, от которого исходило бы такое ощущение... опасности? Нет. Скорее — покоя. Странного, неестественного покоя, какой бывает у очень опытных хищников, которым не нужно никого пугать, потому что они и так знают себе цену.

За эти два дня он успел расспросить кое-кого о лучнице — осторожно, не называя своего интереса, просто поддерживая разговор. Истории были противоречивые. Одни говорили, что она спасла деревню от стаи упырей и не взяла платы, кроме ночлега и еды. Другие клялись, что видели, как она стреляла в спину убегающего человека — заказное убийство, хладнокровное и точное. Третьи утверждали, что она служила в Ордене Серебряных Часовых, но ушла после того, как орден сжёг целую деревню, заподозренную в ереси, и с тех пор не служит никому — только себе. Что из этого было правдой, Арден не знал. Но одно он понял точно: если хоть половина слухов верна, то человек, который идёт сейчас впереди, убил больше народу, чем вся городская стража вместе взятая. И этот человек будет его единственной защитой в лесу, где смерть носит пепельную кожу и чёрные глаза.

— Пришли, — бросила Вельда, толкая дверь таверны.

В «Треснувшем Щите» в этот час было почти пусто — только двое подозрительного вида личностей дремали в дальнем углу, да трактирщик, тот самый, что вчера отговаривал Ардена от поисков, протирал стойку с таким усердием, словно пытался стереть её в порошок. Увидев, кто вошёл следом за торговцем, он замер на полуслове, не донеся кружку до полки, и медленно, очень медленно поставил её на место.

Вельда прошла через зал, не глядя по сторонам, и села за угловой стол — тот, откуда просматривались и вход, и окна, и кухонная дверь, и лестница на второй этаж. Арден заметил это машинально: она выбрала позицию так, чтобы держать под контролем всё помещение, и села спиной к стене, а не к залу. Так садятся люди, привыкшие к тому, что опасность может прийти откуда угодно.

Он сел напротив. Трактирщик, всё ещё косясь на них, поставил перед Вельдой кружку сидра, даже не спросив, чего она хочет, — видимо, помнил. Ардену досталась та же кружка разбавленного эля, что и вчера.

— Итак, — сказала Вельда, обхватив кружку ладонями, но не делая ни глотка. — Замок Вранн. Через Чашу. Насколько срочно?

— Две недели. Не уложимся — сделка расторгается.

— Кто наниматель?

— Маг по имени Даргот. Я не знаю, на кого он работает. Знаю только, что груз нужно доставить из рук в руки, и что печати на ящике не должны быть нарушены.

— Что в ящике?

— Он не сказал.

Вельда подняла на него глаза — и впервые в них мелькнуло что-то, похожее на интерес.

— Ты согласился везти груз неизвестного содержания через лес, который кишит Тёмными Эльфами, нанимателя не знаешь, что внутри — не знаешь, и платят тебе только по факту доставки, — она перечислила всё это ровным, бесцветным голосом, и от этого перечисления Ардену стало не по себе. — Либо ты очень смелый, либо очень глупый. Либо тебе очень нужны деньги.

— Третье, — сказал Арден.

— Всегда третье, — она едва заметно усмехнулась уголком рта. — Сколько?

— Двести корон.

На мгновение даже она, казалось, опешила. Бровь чуть приподнялась, пальцы замерли на кружке.

— Двести, — повторила она, пробуя слово на вкус. — За доставку одного ящика. Это либо оружие, либо артефакт, либо что-то настолько ценное, что двести корон — капля в море. Твой маг явно не бедствует. И явно не хочет, чтобы о грузе знали.

— Мне всё равно, — сказал Арден, и это была почти правда. — Мне нужны деньги. Остальное меня не касается.

— Ошибаешься, — отрезала Вельда. — Остальное тебя касается напрямую. Если в ящике что-то, что заинтересует Тёмных Эльфов — а они, поверь мне, чувствуют магию, как акулы чувствуют кровь, — то нас убьют не просто так, а с особым старанием. Они не просто убивают нарушителей. Они допрашивают. Долго. Я слыхала истории.

Арден вспомнил ящик, его низкий, утробный гул, и по спине пробежал холодок.

— Уже не важно, — сказал он. — Я взял задаток. Если я откажусь сейчас, маг найдёт меня, и, подозреваю, разговор будет коротким. У меня нет выбора.

Вельда долго смотрела на него, и в её серых глазах что-то происходило — какая-то внутренняя работа, невидимая и неслышная. Потом она отпила наконец из кружки и поставила её на стол с тихим стуком.

— Мои условия, — сказала она. — Первое: половина. Сто корон — мои, сто — твои. Вперёд я не беру, всё по факту, но если ты попытаешься меня обмануть, я узнаю. Люди, которые пытались меня обмануть, обычно долго об этом жалели. Недолго, впрочем.

— Согласен, — кивнул Арден.

— Второе: в Чаще я команду. Ты не маг, не воин, не следопыт. Ты торговец. Твоё дело — тащить ящик и не мешать. Если я скажу «стой» — ты стоишь. Если скажу «беги» — бежишь без оглядки, даже если кажется, что опасности нет. В Чаще опасность есть всегда, даже когда её не видно. Особенно когда не видно.

— Согласен.

— Третье: о моём прошлом вопросов не задаёшь. Я не обязана перед тобой отчитываться. Если хочешь знать, убивала ли я людей за деньги, — да, убивала. Если хочешь знать, служу ли я Свету или Тьме, — не служу никому. Я делаю работу, получаю плату и иду дальше. Мораль, принципы, вера — всё это роскошь, которую могут позволить себе люди, никогда не стоявшие перед выбором между смертью и чужой смертью.

— Согласен, — сказал Арден в третий раз, чувствуя, как внутри что-то сжимается.

Вельда откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. Теперь она смотрела на него с едва заметным любопытством — возможно, ждала, что он начнёт торговаться или возмущаться, попытается сбить цену или потребовать гарантий. Но он молчал, и это, кажется, её устраивало.

— И последнее, — добавила она тише. — Если нас схватят. Если меня ранят, и я не смогу идти. Если всё пойдёт к чёрту и выхода не будет — ты не геройствуешь. Ты бросаешь меня и уходишь. Понял?

Арден открыл рот, но не нашёл слов. Вельда смотрела на него, и в её взгляде впервые промелькнуло что-то похожее на усталость.

— Это не про доверие, — сказала она. — Это про математику. Один мёртвый напарник — уже плохо. Два мёртвых — идиотизм. Лучше уйти и выжить, чем остаться и умереть вдвоём.

— Я не брошу, — сказал Арден, и голос его прозвучал твёрже, чем он сам ожидал. Он сжал пальцы на краю стола, словно закрепляя обещание.

Вельда чуть прищурилась, будто оценивая, стоит ли верить этим словам, но ничего не ответила. Только допила сидр, поднялась и закинула лук за плечо — одним плавным, отработанным движением, которое говорило о тысячах повторений.

— Выходим завтра на рассвете. У северных ворот. Бери лошадь, если есть, — если нет, раздобудь. Ящик пусть будет при тебе, никому не показывай. Еды на десять дней. Одежду

тёплую. Оружие, если умеешь пользоваться, — если нет, лучше не бери, незачем зря руки занимать.

— Я умею, — сказал Арден, вспомнив старый кинжал под половицей. — Ну, более-менее.

— «Более-менее» в Чаше означает «никак», — отрезала она. — Будешь держаться за моей спиной и не лезть в драку. Это не трусость. Это здравый смысл. Герои в Чаше долго не живут.

Она развернулась и пошла к выходу. У двери остановилась и, не оборачиваясь, бросила через плечо:

— И да, Рив. Если ты меня обманываешь — если в ящике что-то, о чём ты знаешь, но не говоришь, и это поставит под удар нас обоих — я тебя убью. Быстро. Даже не сомневайся.

Колокольчик звякнул, дверь закрылась. Арден остался сидеть за столом, глядя на две недопитые кружки — свою и её. Внутри боролись страх, облегчение и странное, почти истерическое желание рассмеяться. Он получил то, что хотел: напарницу, которая не боится Чаши. Опытную, быструю, смертоносную. И попутно — предупреждение о том, что она его убьёт, если он солгал.

Что ж, он не солгал — он действительно не знал, что в ящике. Но что-то ему подсказывало: это неведение не спасёт их от того, что ждёт в лесу. Оно лишь отсрочит момент истины.

Он допил свой эль — тёплый, безвкусный — и вышел на улицу. Дождь наконец прекратился, оставив после себя мокрую брусчатку, серое небо и тот особенный запах осени, в котором смешиваются сырая земля, дым печей и неясное обещание зимы.

Завтра на рассвете. У северных ворот. С ящиком, полным неизвестности, и спутницей, которая только что пообещала его убить.

Арден поправил плащ и двинулся к лавке — собирать вещи и готовиться к худшему походу в своей жизни.

Часть II. Глава 15. Дорога к Чаше

Рассвет над Белогорьем выдался холодным и ясным — из тех осенних рассветов, когда небо на востоке наливается бледным золотом, а воздух звенит от первой изморози, припорошившей крыши и мостовые тонкой серебряной пылью. У северных ворот, возле каменной арки с облупившимся гербом княжества, было малоллюдно: только сонный стражник кутался в тулуп, да пара телег с ранней капустой ждала досмотра. Арден Рив стоял чуть поодаль, держа под уздцы мерина по кличке Грош — немолодого, смиренного конягу, купленного вчера за бесценнок у знакомого барышника, который клялся, что тот «ещё всех переживёт». Рядом с меринком была привязана небольшая крытая телега — старая, но крепкая, с высокими бортами и промасленным тентом от дождя. В телеге, укутанный в мешковину и заваленный поверху тюками с сеном для маскировки, лежал ящик.

Вельда появилась ровно тогда, когда первый луч солнца перевалил через городскую стену. Она возникла из утреннего полумрака бесшумно, ведя в поводу невысокую гнедую кобылу с коротко подстриженной гривой и умными, влажными глазами. Кобыла была под седлом, но без поклажи — только пара перемётных сумок, тощий вещевого мешок и колчан, притороченный к луке седла так, чтобы быть под рукой. Сама Вельда была одета так же, как вчера, разве что плащ сменила на более плотный, подбитый овчиной, а на поясе у неё теперь висел не только нож, но и короткий меч в простых кожаных ножнах без всяких украшений.

— Неплохо, — сказала она, окинув взглядом телегу и мерина. — Я думала, ты вообще без лошади.

— Я же торговец, — Арден слабо улыбнулся. — Торговец без транспорта — как маг без посоха.

— Ты не маг.

— Вот именно.

Она не ответила на шутку, только хмыкнула и, обойдя телегу по кругу, проверила крепление колеса, сбрую и подковы — быстро, сноровисто, видно было, что она разбирается в этом не хуже барышника. Удовлетворившись осмотром, она взобралась в седло и тронула поводья.

— Двинули. Дорога длинная, а световой день короткий. До темноты надо уйти как можно дальше от города.

Арден взгромоздился на козлы, шёлкнул вожжами, и Грош, фыркнув паром из ноздрей, неспешно потянул телегу вперёд. Стражник у ворот проводил их равнодушным взглядом и снова уткнулся в воротник. Город остался за спиной — серый, сонный, ещё не до конца проснувшийся.

Первые часы пути прошли в молчании. Дорога, обсаженная голыми тополями, тянулась на северо-запад, петляя между холмами и полями, с которых уже убрали урожай. Вдали синели отроги гор, а прямо по курсу, пока ещё едва различимая на горизонте, темнела полоса леса — та самая, от одного вида которой у Ардена холодело внутри. Он старался не смотреть туда, но взгляд то и дело возвращался к этой тёмной черте, как язык возвращается к больному зубу.

Вельда ехала чуть впереди, держась левой стороны тракта, и время от времени бросала короткие реплики, не оборачиваясь: «Здесь обычно засады не ставят. Слишком открыто. Но к вечеру пойдут овраги — там держи ухо востро». Или: «Если увидишь дым на востоке — не пугайся. Там уголь жгут». Или: «Хорошая у тебя телега. Крепкая. Жаль будет, если сломается».

На последнее замечание Арден попытался завязать разговор:

— А вы, э-э, давно путешествуете? Ну, в смысле, наёмницей?

Она долго не отвечала — так долго, что он уже решил, что она проигнорировала вопрос. Потом бросила через плечо:

— Девять лет. С тех пор как ушла из Ордена.

— Из Ордена Серебряных Часовых? Я слышал о них. Говорят, элитные лучники, что-то вроде храмовой стражи...

— Говорят, — перебила она сухо.

— А почему ушли? Если не секрет.

— Секрет.

Арден вздохнул и замолчал. Тишина в дороге — штука особая: она либо сближает, либо напрягает, и сейчас она напрягала. Он чувствовал, что между ними стоит невидимая стена. Но он был торговцем, а торговцы умеют разговаривать. И он снова попытался:

— А лук у вас какой? Ну, из какого дерева? Я когда-то держал в лавке эльфийский лук в кредит — фигня полная оказалась, треснул через месяц, клиент вернул и чуть не побил. С тех пор я к оружию аккуратно.

Вельда обернулась — впервые за час — и посмотрела на него с чем-то средним между недоверием и удивлением.

— Ты всегда такой разговорчивый?

— Ну... — он замялся. — В лавке скучно целый день. А тут — живой человек. Редкость.

— Живой — пока, — отрезала она, но уголок её рта чуть дёрнулся, и Арден мог бы поклясться, что она почти улыбнулась. — Лук тисовый. Тетива из эльфийского шёлка. Сорок фунтов натяжения. С двухсот шагов бьёт в монету. Тебе этого достаточно или ещё про стрелы спросишь?

— Про стрелы я потом, — Арден усмехнулся. — Когда поближе познакомимся.

На этот раз она точно улыбнулась — едва заметно, уголками губ, но улыбнулась. И снова отвернулась к дороге.

— Неплохая попытка, Рив. Но я не из тех, с кем «знакомятся поближе». Чем меньше ты обо мне знаешь, тем лучше для нас обоих.

— Почему?

— Потому что знания — это ответственность. А ответственность в дороге — лишний груз. Ты и так тащишь ящик, который неведомо чем набит. Не нагружай себя ещё и моей биографией.

Он не нашёлся что ответить. И они снова ехали в молчании, но теперь оно было чуть менее давящим — словно лёд между ними дал микроскопическую трещину.

К полудню местность изменилась: поля сменились перелесками, дорога стала уже и хуже, а тополя вдоль обочины — реже и кривее. Вдалеке, на востоке, над одним из холмов поднимался тонкий столб дыма — «там уголь жгут», вспомнил Арден. Но на душе всё равно было тревожно. Он покосился на ящик в телеге, прикрытый сеном, и подумал: а вдруг прямо сейчас эльфы уже знают о них? Вдруг они следят, ждут, и где-то за деревьями уже натягивают луки?

— Не дёргайся, — сказала Вельда, не оборачиваясь, но, казалось, читая его мысли. — В Чаще — да, там могут. А здесь пока чисто.

— Как вы догадались, о чём я думаю?

— Ты слишком громко дышишь. И через каждые полминуты оглядываешься. Нервных в Чаще сожрут первыми — запомни это.

Арден попытался дышать ровнее. Получалось не очень. Они ехали дальше, и с каждым часом тёмная полоса на горизонте становилась всё ближе. Теперь уже можно было различить отдельные вершины — высокие, острые, похожие на клыки какого-то гигантского зверя. Место, из которого не возвращаются. Место, куда он сейчас направляется добровольно, за двести корон и призрачную мечту о магии.

— Вельда, — позвал он.

— Что?

— Спасибо, что согласились. Я понимаю, что это из-за денег. Но всё равно спасибо.

Она не ответила. Только ехала впереди — прямая спина, расправленные плечи, лук в чехле за спиной, — и молчание её было красноречивее любых слов. «Не благодари раньше времени», — говорило оно.

К вечеру они добрались до опушки. Вельда выбрала место для привала не на открытом пространстве, а в небольшой ложбине меж двух холмов, где старый, покосившийся дуб давал хоть какое-то укрытие от ветра, а густой кустарник скрадывал свет костра со стороны дороги. Арден распряг Гроша, задал ему овса и привязал к дереву. Вельда тем временем быстро и умело разводила огонь — ни единого лишнего движения. Через четверть часа маленький костёр уже потрескивал в центре ложбины, а на складном вертеле, извлечённом из её вещевого мешка, шипели два куска солонины.

Арден сидел, привалившись спиной к колесу телеги, и чувствовал, как усталость первого дня пути медленно растекается по телу — не та изнурительная, что валит с ног, а скорее приятная, тягучая. Он смотрел, как Вельда переворачивает мясо, как пламя отражается в её серых глазах, и думал, что, несмотря на все её колкости, она всё же сидит здесь, у одного костра с ним.

— Держи, — она протянула ему грубый ломоть хлеба и кусок мяса на деревянной щепке. — Ешь. Завтра такого уже не будет.

— Почему?

— Потому что завтра мы войдём в Чашу. А там костры разводить нельзя. Эльфы видят огонь за лигу. Будем есть холодное, в темноте.

Арден перевёл взгляд на запад, где за пологим склоном холма уже сгущалась вечерняя тьма. Там, всего в полумиле, стеной стоял лес — и в сумерках он казался ещё чернее и выше, чем днём. Оттуда не доносилось ни звука: ни птичьего крика, ни стрекота цикад, ни ветра в ветвях. Полная, абсолютная тишина.

— Там всегда так тихо? — спросил он.

— Всегда, — Вельда откусила хлеба, прожевала, не сводя глаз с леса. — Живность там есть, но она молчит. За сотни лет всё живое в Чаше выучило, что шум привлекает стражей. А стражи приходят быстро.

— Вы там уже бывали? Раньше?

Она долго смотрела в огонь, прежде чем ответить.

— Один раз. Три года назад. Наниматель попросил провести его через южный край, в обход постов. Заплатил хорошо. Достаточно, чтобы я согласилась.

— И как прошло?

— Никак, — её голос стал суше обычного. — До середины леса мы дошли. А обратно я вышла одна. Заказчика убили на шестой день. Я не успела.

Повисла пауза. Арден смотрел на неё, ожидая продолжения, но Вельда молча жевала хлеб, глядя вверх огня. Он понял, что подробностей не будет.

— Поэтому вы и сказали утром — «если что, бросаешь меня и уходишь»?

— Именно. Не хочу, чтобы кто-то ещё умер из-за моей ошибки.

— Это не была ваша ошибка.

— Ты не знаешь обстоятельств, — отрезала она. — И не узнаешь. Ешь давай, мясо стынет.

Они некоторое время жевали молча. Костёр потрескивал, отбрасывая пляшущие тени на склон холма. Где-то вдалеке прокричала ночная птица, и Арден вздрогнул от неожиданности — так непривычно было слышать хоть какой-то звук после целого дня тишины.

— Можно вопрос? — спросил он наконец.

— Валяй.

— Вы сказали вчера, что не служите ни Свету, ни Тьме. Что это значит? Ну, чтобы я понимал, с кем имею дело.

Вельда допила воду из фляги, убрала её в сумку и подняла на него взгляд — прямой, спокойный, без тени раздражения.

— Это значит, что я не верю ни в Свет, ни во Тьму как в добро и зло. Я видела слишком много «светлых» орденов, которые жгли деревни и убивали невинных. И слишком много «тёмных» культов, которые спасали людей от голода — просто потому, что им было выгодно. Добро и зло — не цвета, Рив. Это поступки. А поступки совершают люди, а не стороны.

— А во что вы верите?

— Я верю, — она помедлила, — что любой, кто нанимает работников для дела через тёмный лес, что-то скрывает. Что твой маг — не исключение. Что, скорее всего, в ящике лежит что-то, за что нас убьют, если узнают. И что единственный способ пережить эту дорогу — держать ухо остро и не доверять никому, включая меня.

— Включая вас?

— Особенно меня, — она усмехнулась, но в усмешке было что-то горькое. — Я ведь предупреждала: я работаю на всех. Может, завтра я передумаю и всажу тебе стрелу в спину, а груз отнесу заказчику сама. Что ты будешь делать?

Арден смотрел на неё, пытаясь понять, шутит она или нет. Глаза её оставались холодны, но где-то за холодом ему почудилась странная, неуловимая печаль — как у человека, который давно не верит в хорошее, но ещё помнит, как оно выглядит.

— Буду надеяться, что вы этого не сделаете, — сказал он.

— Слабая стратегия.

— Зато честная. Если бы я вас боялся, я бы вас не нанял.

— Или нанял бы именно поэтому, — она пожала плечами. — Страх — не худшая рекомендация для телохранителя.

— А как же доверие?

— Доверие, — она произнесла это слово так, словно пробовала экзотическое блюдо, о котором много слышала, но никогда не пробовала, — это роскошь. Как шёлковое бельё. Можно прожить и без него. В дороге — даже нужно.

Арден хотел возразить, но понял, что не найдёт аргументов. В конце концов, он знал эту женщину всего день. Она ничего ему не должна. Но где-то в глубине души ему казалось, что она не просто так сидит здесь и говорит с ним. Что ей зачем-то нужно, чтобы он понял её.

— Скажите, — решился он на последний вопрос, — а почему вы вообще взялись за этот заказ? Ну, кроме денег. Должен же быть выбор.

Вельда долго молчала, глядя в огонь. Потом встала, подошла к своему вещевому мешку и достала свёрнутый в трубку кусок кожи — запасную тетиву.

— Потому что скучно, — сказала она, и в её голосе впервые послышалось что-то похожее на самоиронию. — Пять лет я делаю одну и ту же работу. Проводить. Охранять. Убивать. Иногда — кого-то спасать, если за это платят. И знаешь, что самое поганое в этой работе? Не кровь. Не грязь. Самое поганое — когда ты смотришь на обычного человека, вроде тебя, и понимаешь: он ещё верит во что-то. В добро. В справедливость. В магию. И ты почти завидуешь. Почти.

— Вы не верите в магию? — удивился Арден.

— Я верю в стрелы. В тетиву. В нож. В то, что можно потрогать и что не подведёт в нужный момент. А магия... — она покачала головой. — Слишком много раз я видела, как она подводит тех, кто на неё полагается. Слишком много магов умерло с заклинанием на губах, которое они не успели произнести. Нет уж. Лучше хороший лук и две дюжины стрел.

— А если бы у вас был артефакт? — осторожно спросил Арден, думая о ящике в телеге. — Если бы вам в руки попала вещь, способная изменить всё?

— Я бы от неё избавилась, — ответила Вельда без колебаний. — Артефакты — это цепи. Они привязывают. Заставляют служить. Ломают волю. Я не хочу принадлежать никому и ничему. Даже вещи.

Она натянула новую тетиву на лук, проверяя упругость, и удовлетворённо кивнула.

— Ложись спать, Рив. Я подежурю первую половину ночи. Завтра рано вставать. И помни, что я сказала.

— О том, чтобы держать ухо востро?

— И об этом тоже.

Она отвернулась к костру и замерла в неподвижной позе — спина прямая, лук под рукой, взгляд устремлён в темноту между деревьями. Арден забрался под телегу, завернулся в плащ и закрыл глаза, но ещё долго не мог уснуть. Где-то там, в темноте, дышала Чаща. Где-то рядом сидела женщина с холодными глазами, которая только что сказала ему больше правды, чем он был готов услышать. «Любой, кто нанимает работников для дела через тёмный лес, что-то скрывает». Он думал об этом, засыпая, и в его снах снова возник ящик — но на этот раз открытый, и изнутри лился свет, холодный и безжалостный.

Два следующих дня прошли в таком же ритме: рассвет, дорога, сумерки, привал. На третий день пути дорога окончательно испортилась. Мощёный тракт сошёл на нет где-то мило назад, сменившись узкой, разбитой колеёй, извивавшейся меж холмов, поросших жёстким кустарником и кривыми соснами. Телегу трясло немилосердно, и Арден дважды останавливался, чтобы проверить крепление ящика. Вельда терпеливо ждала, сидя на гнедой кобыле и поглядывая по сторонам с выражением лёгкой скуки, какое бывает у людей, привыкших к куда худшим дорогам.

Холмы становились выше и круче, их склоны прорезали глубокие овраги, заросшие папоротником. Сосны здесь росли кособоко, словно их всю жизнь гнуло ветром, и стволы у них были не коричневые, а серые, почти чёрные в сумерках. Воздух стал тяжёлым, влажным, с примесью странного запаха — не то гниющие грибы, не то старая зола.

А потом он увидел дымы. Сначала ему показалось, что это туман — низкий, грязно-белый, стелющийся над восточным горизонтом. Но дым не рассеивался, а поднимался ровными столбами, несколькими сразу, и в свете заходящего солнца у них был странный, розоватый оттенок.

— Что это? — спросил он, натягивая вожжи.

Вельда остановила кобылу, привстала на стремянах и долго смотрела на восток. Её лицо оставалось спокойным, но Арден заметил, как её левая рука сама собой легла на чехол лука — привычный жест.

— Деревня горит, — сказала она. — Или уже сгорела. Судя по дыму — не первый час.

Арден пригляделся. Дымы были не равномерные, как от костров, а рваные, клочковатые, с тёмными прожилками. Так дымит мокрая солома. Или дерево, пропитанное смолой.

— Может, случайно? — спросил он без особой надежды.

— Может, налёт, — ответила Вельда. — Или карательная акция. Сейчас везде так.

— Везде?

— Граница, Рив. Мы уже не в княжестве. Формально — ничьи земли. На деле — проходной двор для всех, у кого есть оружие и нет совести. Война уже здесь. Просто пока ещё маленькая. Местная.

Арден стиснул вожжи так, что костяшки побелели. Он смотрел на дымы и думал о людях, которые ещё вчера жили в этой деревне. Теперь их нет.

— Мы можем помочь? — спросил он тихо.

— Чем? — Вельда обернулась к нему, и в её глазах было то самое выражение, которое он уже начинал узнавать: не жестокость, не равнодушие, а трезвая, практическая оценка. — У нас один лук, один меч и телега с ящиком. Если налётчики ещё там — мы ляжем рядом с

крестьянами. Если ушли — мы никого не спасём, только потеряем время. А время, Рив, — вот что важно. Каждый день задержки увеличивает шансы не найти ночлег. А ночлег в этих краях — вопрос жизни и смерти.

Он знал, что она права. Но знание не помогало. Где-то там, за холмами, догорала чья-то жизнь, а он сидел на козлах и ничего не делал. Просто ехал мимо.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — сказала Вельда, и её голос смягчился — самую чуточку, почти незаметно. — Первые два раза тоже хочется помочь. На третий — хочется, но уже сомневаешься. На десятый — просто едешь мимо. Так устроен человек. Привыкает. Это просто способ выжить, когда вокруг слишком много смерти.

— А на каком вы сейчас? — спросил Арден.

Она не ответила. Тронула поводья, и кобыла двинулась дальше. Арден щёлкнул вожжами, и Грош потянул телегу следом. Дымы на востоке ещё некоторое время маячили в сумерках, а потом исчезли за холмами.

Некоторое время ехали молча. Воздух становился всё холоднее, из лощин потянуло туманом — сначала робкими прядями, а потом сплошной белой пеленой, залившей низины. Дорога впереди тонула в этой белизне.

— К ночи будем у границы, — сказала Вельда. — Там заночуем. А утром — внутрь.

— Как вы определяете? — удивился Арден. — Без карты, без указателей...

— По запаху. Чаща пахнет иначе. И ещё — она молчит. Подъезжая к ней, всегда замечаешь, как стихают птицы. Сначала замолкают дрозды, потом кукушки, потом даже вороны. Чем ближе, тем тише. А у самой кромки — тишина, как в склепе.

Арден прислушался. Птицы действительно молчали. Он не заметил, когда именно это произошло — наверное, за последний час. Ещё в полдень над холмами кружили вороны, а теперь — ничего. Только ветер свистел в верхушках сосен да телега поскрипывала на ухабах.

И в этой тишине он вдруг отчётливо понял, что с каждым оборотом колеса приближается не просто к новому этапу пути, а к границе — невидимой, но абсолютно реальной. За ней кончался мир, который он знал. Мир, где были лавки и рынки, завтраки и ужины, безопасные мечты о магии и пыльные свитки на полках. Там, впереди, начинался другой мир — мир, где деревни горят просто так, где птицы не поют, а деревья пахнут кислой землёй и старой кровью. Мир, где эльфы ждут в тенях.

— Вельда, — позвал он.

— М?

— А вы... вы боитесь? Леса?

Она обернулась, и на мгновение в её серых глазах промелькнуло что-то почти человеческое — не страх, а тень памяти, отблеск давнего, пережитого ужаса, который уже переплавился во что-то другое.

— Все боятся, Рив, — сказала она. — Вопрос в том, что ты делаешь, когда боишься. Я — иду вперёд. Это единственное, чему меня научила жизнь.

Она отвернулась и пустила кобылу быстрее, обгоняя телегу, чтобы проверить дорогу впереди. Арден смотрел ей вслед — прямую спину, собранные в узел волосы, лук в чехле за плечом — и вдруг с поразительной ясностью понял, что эта женщина, какой бы холодной она ни казалась, на самом деле просто делает то же, что и он: идёт вперёд, потому что назад нельзя.

Он тронул вожжи, и Грош потянул телегу дальше, в сгущающийся туман. Впереди уже угадывался тёмный, неровный силуэт — не холм, не скала, а что-то живое и бесконечно огромное. Лес ждал. И в его молчании не было ничего хорошего.

Они вышли к Чаще на закате четвёртого дня. Солнце уже наполовину утонуло за горизонтом, и его последние лучи подсвечивали небо тревожной багровой полосой, на фоне которой лес выглядел абсолютно чёрным — словно кто-то прочертил границу между миром живых и миром теней.

Арден остановил телегу в сотне шагов от опушки и долго смотрел, чувствуя, как внутри разрастается холодный ком. Деревья здесь были не просто высокими — они были неправильными. Стволы, толщиной в три-четыре обхвата, уходили вверх не прямо, а слегка изгибаясь, как струи застывшего дыма. Кора на них была не коричневой и не серой, а почти чёрной, и в сумерках она слабо поблёскивала, словно чешуя. Ветви начинались не на середине высоты, а у самого неба, и там они переплетались в такой плотный полог, что сквозь него не проглядывало ни единого просвета.

Но хуже всего было другое. Ветра не было — ни малейшего дуновения, — и всё же кроны двигались. Медленно, плавно, словно водоросли в толще воды. Ветви покачивались, листва колыхалась, и от этого движения по спине бежал холодок, потому что оно нарушало какое-то базовое правило, усвоенное с детства: деревья не двигаются, когда нет ветра. А здесь — двигались.

— Живой лес, — пробормотал он.

— Что? — переспросила Вельда, осаживая кобылу.

— Вы чувствуете это? Воздух...

Она кивнула. Воздух и впрямь стал другим. За несколько миль до Чащи он был обычным — холодным, осенним. Теперь же он сгустился, потяжелел, стал почти осязаемым, как перед грозой. Каждый вдох отдавался внутри неприятным покалыванием, словно в воздухе была растворена мельчайшая пыль. И запах — кислый, как старая болотная земля, смешанный с чем-то металлическим. Словно где-то глубоко в лесу ржавело железо. Или кровь.

— Вот она, — сказала Вельда негромко. — Теперь ты видишь, почему её так называют.

— Я думал, «сумеречная» — это из-за света.

— И поэтому тоже. Солнце сюда почти не достаёт. Но главное не свет. Сумерки — это граница. Между днём и ночью, между миром и не-миром. Лес стоит ровно на такой границе. Здесь всё другое. Ты это чувствуешь?

Он чувствовал. Покалывание в пальцах. Лёгкое давление в висках. И главное — ощущение, что за ним наблюдают. Не за ним конкретно, а вообще — за любым, кто приближается к лесу. Из-за чёрных стволов, из-под колышущихся ветвей.

— Там внутри живут эльфы, — сказал он. — Они вот так и ходят — среди этих деревьев? Это же жутко.

— Жутко, — согласилась Вельда. — Но для них это дом. Ты бы тоже привык, если бы не видел ничего другого.

Он взглянул на неё. Она говорила об эльфах почти как о старых знакомых. Или — и это пришло ему в голову впервые — как о тех, к кому она испытывает что-то помимо страха. Не симпатию, нет. Но понимание.

— Вы их видели? Раньше? Вблизи?

— Да.

— И?

Она помолчала.

— И они такие же, как мы. Две руки, две ноги. Глаза только другие — чёрные, без белков. И кожа — серая, как пепел. Я видела их всего ничего, прежде чем начался бой. Они быстрые, очень быстрые. И не прощают ошибок.

— Но вы выжили.

— Выжила, — она пожала плечами. — Повезло. Или они не хотели убивать именно меня. Иногда мне кажется, что они могли догнать, но не стали. Может, я была им зачем-то нужна. Не знаю.

Арден снова перевёл взгляд на лес. В почти полной темноте Чаща казалась ещё огромнее. Её силуэт нависал над равниной, как спина спящего чудовища, и тишина вокруг стояла такая глубокая, что звон собственной крови в ушах казался громким, как барабан.

— Знаете, — сказал он медленно, — я читал, что корни деревьев в Чаще переплетены под землёй в одну живую сеть, и эльфы чувствуют шаги чужака за несколько миль.

— Это правда, — кивнула Вельда. — Они чувствуют вибрацию. Если мы завтра въедем туда с телегой, они будут знать о нас в тот же момент.

— И что нам делать?

— Завтра, — она тронула поводья, разворачивая кобылу к месту ночлега, — будем думать. А сейчас — спать. Лучше не входить в лес на ночь глядя. Даже эльфы ночью не охотятся. Что-то там есть, в глубине, что даже они предпочитают не будить.

— Что?

— Если бы я знала, я бы, наверное, молилась ему, а не опасалась. Но никто не знает. Те, кто уходил в Чащу в темноте, не возвращались даже в виде трупов.

Она развернулась и двинулась обратно по дороге, к ложине, где они присмотрели место для ночлега. Арден, прежде чем последовать за ней, ещё раз посмотрел на стену чёрных стволов, на колышущиеся без ветра кроны, на тёмный провал между деревьями, который, казалось, втягивал в себя даже остатки вечернего света. И в этот миг — на кратчайший, почти неуловимый миг — ему почудилось, что из леса кто-то смотрит. Не злобно. Не угрожающе. Просто смотрит. Так, как смотрят на приближающуюся мышь, ещё не решив, стоит ли на неё охотиться.

Он вздрогнул, отдернул взгляд и, щёлкнув вожжами, поспешил за Вельдой. За спиной, в тишине, Чаща продолжала молчать — но теперь в её молчании было нечто новое. Ожидание. Словно лес знал, что гости придут утром, и терпеливо готовился к встрече. И от этого знания веяло таким холодом, какого не могла бы прогнать и дюжина самых жарких костров.

— Завтра, — прошептал Арден себе под нос, сжимая вожжи. — Завтра.

И слово это звучало как приговор.

Часть II. Глава 16. Тени и корни

Они вступили под полог Чаши на рассвете — вернее, в тот час, который снаружи, в обычном мире, был рассветом. Здесь, внутри, никакого рассвета не случилось. Один шаг — и дневной свет, серый и неяркий, но всё же настоящий, сменился густым зеленовато-бурым полумраком, какой бывает на дне очень глубокого колодца. Солнце, только-только показавшееся над горизонтом, исчезло, будто его задули, как свечу. Вместо него сверху, сквозь бесконечно высокий полог крон, сочилось рассеянное, болезненное свечение — не золотое, не тёплое, а какое-то блёкло-серое, с лёгким оттенком плесени. словно светило не солнце, а старый, умирающий гриб.

Арден замер на месте, едва переступив невидимую границу леса. Телега с ящиком осталась снаружи, укрытая в овраге под грудой валежника и привязанная к старому пню — Вельда настояла, что в Чашу на колёсах не въезжают. Теперь ящик висел у него за спиной, упакованный в заплечный короб, и от него, казалось, исходило слабое тепло — или это просто разыгралось воображение, подстёгнутое страхом.

Он сделал ещё шаг, и звук его шага — мягкий хруст мха под подошвой — прозвучал до странности глухо, словно лес заворачивал каждый шорох в плотную вату. Ни эха, ни отзвука. Тишина здесь была не просто отсутствием звуков — она была присутствием. Она давила на уши, забиралась под кожу, заставляла сердце колотиться громче, чем ему полагалось.

— Не останавливайся, — голос Вельды, произнесённый едва громче шёпота, прозвучал резко, словно окрик. — Если стоишь на месте — ты цель.

— Просто — Арден обвёл рукой окружающее пространство. — Здесь совсем нет света. И тихо. Как в могиле.

— Это только начало, — отозвалась она, не оборачиваясь. — Чем дальше, тем тише будет. И темнее. А теперь — шагай. И точно в мои следы. Куда я ногу — туда и ты. Понял?

Он кивнул и поспешил за ней.

Тропа — если это можно было назвать тропой — петляла между исполинскими стволами, огибая замшелые валуны и провалы, заросшие бурым папоротником. Земля под ногами пружинила, как старая перина. Мох здесь был повсюду: он покрывал камни, свисал с нижних ветвей, укутывал корни и стволы на высоту человеческого роста, и цвет у него был неестественный — не зелёный, а какой-то серебристо-серый, с редкими пятнами тёмно-фиолетового, как кровоподтёки. Когда Арден наступал на него, из-под подошвы выходил не хруст, а едва слышный вздох, словно серый покров был живым и каждое прикосновение причиняло ему боль.

— Этот мох — прошептал он, — он что, дышит?

— Да. Он питается тем, что падает сверху. Листьями, ветками, птичьим помётом. Иногда — птицами, если те засыпают на ветках и падают. А ещё, — добавила она, помедлив, — он питается магией. Ты слышал когда-нибудь о «глухих зонах»?

— Нет.

— Это места, где магия не работает. Не вся, но большая часть. Лес — одна огромная глухая зона. Мох поглощает магические потоки, как губка. Поэтому эльфы здесь почти не колдуют — только то, что на крови и на жизни. Их собственная, родная магия. А всё остальное — слабеет, глохнет, исчезает. Если твой маг Даргот рассчитывал, что его артефакт будет здесь работать, как снаружи, — он глупец.

Арден покосился на короб за спиной. Ящик молчал. Никакого пульсирования, никакого тепла. Только тяжесть. Может, мох уже начал глушить его магию? Или она ещё спала?

Вельда тем временем двигалась впереди легко и бесшумно. Её сапоги ступали точно в промежутки между жгутами корней, тело обтекало кусты, плечи не задевали свисающие лианы. Она шла, как ходит рысь — каждый шаг рассчитан, каждый мускул наготове. Арден старался

подражать ей, но получалось плохо: он то задевал плечом мокрую кору, то наступал на сухую ветку, которая предательски хрустела, разрывая тишину на долгие, мучительные секунды. Каждый такой хруст заставлял его вздрагивать и оглядываться, а Вельда лишь едва заметно качала головой, не комментируя.

— Как вы это делаете? — не выдержал он после очередного особенно громкого хруста. — Идёте так, что даже не слышно.

— Практика. Девять лет, Рив. Шаг — выдох. Шаг — выдох. Вес всегда на задней ноге, пока передняя не нашла опору. И никогда не смотри под ноги — смотри вперёд, на землю за три шага. Тело само запомнит, где корни, если дать ему время.

— А если не дать?

— Тогда однажды ночью ты споткнёшься в темноте, и до рассвета тебя найдут только по запаху. В этих краях лучше учиться быстро.

Они продолжали углубляться в лес. Деревья становились всё толще, всё причудливей. На некоторых стволах Арден замечал странные наросты — не сучки, не грибы, а что-то вроде застывших наплывов смолы, только чёрной, как обсидиан, и гладкой, как стекло. Внутри этих наплывов, если присмотреться, угадывались какие-то смутные силуэты — то ли застывшие насекомые, то ли что-то покрупнее. Он не стал приглядываться. В этом месте, решил он, есть вещи, которые лучше не разглядывать.

Через час после входа в лес Вельда остановилась и подняла руку. Арден замер на месте, стараясь даже дышать через раз. Она стояла неподвижно, чуть наклонив голову набок, прислушиваясь. Прошло несколько долгих, как вечность, секунд. Потом она опустила руку и повернулась к нему.

— Пока чисто. Но они знают, что мы здесь. Я чувствую.

— Как? — выдохнул он. — Я ничего не слышу.

— И не услышишь. Они не производят шума, когда не хотят. Но лес изменился. Корни перестали двигаться. Видишь?

Она указала на землю. Арден присмотрелся и с упавшим сердцем понял, что она права. Всё то время, что они шли, он боковым зрением отмечал какое-то движение внизу — медленное, почти неуловимое, как шевеление червей в земле после дождя. Корни деревьев слегка извивались, пульсировали, словно по ним текла не вода, а какая-то густая, неторопливая кровь. Теперь они замерли. Все разом. От края до края видимости — полная, абсолютная неподвижность.

— Это значит, что кто-то на них смотрит, — сказала Вельда. — Корни чувствуют взгляд хозяев. Когда стражи рядом, они притворяются мёртвыми. Чтобы не выдать.

— Притворяются мёртвыми, — повторил Арден, не веря своим ушам. — Деревья притворяются мёртвыми?

— Это не совсем деревья. Я же говорила. Здесь всё живое — и всё умеет прятаться. Давай дальше. И тише, чем раньше. Раз они знают, что мы здесь, — значит, скоро появятся. Надо уйти как можно глубже, пока они не перекрыли тропу.

Она двинулась дальше, уже не по земле, а по выступающим корням, перешагивая с одного на другой, как по мосткам. Арден, стараясь не думать о том, что сейчас будет, последовал за ней. Ящик за спиной становился тяжелее с каждым шагом, и теперь он мог бы поклясться, что слышит доносящийся изнутри низкий, ритмичный гул — не сердцебиение, нет, а что-то более медленное и грозное, как дыхание спящего зверя. Лес смыкался за их спинами, заматывая следы, стирая звуки, поглощая свет. И где-то там, среди чёрных стволов и серебристого мха, пробуждались те, кто называл это место домом. Те, кто не прощал ошибок. Те, кто уже знал о гостях. И ждал.

Они шли уже несколько часов, и с каждым часом лес становился всё непрогляднее, всё глуше, всё более чужим. Вельда вела его не прямо — она петляла, меняла направление, иногда

возвращалась на несколько десятков шагов назад и сворачивала в сторону, туда, где, казалось, вообще не было никакого прохода. Арден давно потерял всякое представление о том, где север, где юг и сколько миль они покрыли с момента входа. Солнца не было видно — только всё то же серо-зелёное мерцание наверху, которое, кажется, и не думало меняться. Времени он тоже не чувствовал. Может, полдень. Может, вечер. Здесь это, похоже, не имело значения.

— Звериные тропы, — сказала Вельда, когда он в очередной раз споткнулся о пучок жёстких, как проволока, корней и едва не выронил короб. — Смотри под ноги, здесь их много.

— Кого — «их»? — выдохнул он, поправляя лямку, врезающуюся в плечо.

— Троп. Здесь ходят звери. Вернее, то, что стало зверями, когда Чаша их изменила. Олени, лисы, кабаны — всё ещё живы, но другие. Тихее. Быстрее. И глаза у них — она запнулась и мотнула головой. — Неважно. Главное — они знают, где можно пройти, не потревожив корни. Я иду по их следам. Если мы будем идти, как звери, нас будет труднее засечь.

— А эльфы? Они что, не следят за звериными тропами?

— Следят. Но зверей здесь много, а эльфов — мало. У них нет времени проверять каждую тропу. Они реагируют на то, что отличается. На громкие звуки. На запах человека. На магию. Поэтому мы идём тихо, след в след, и магией не пользуемся. Тогда, может быть, проскочим.

— «Может быть», — пробормотал Арден.

— «Может быть» — это всё, на что мы можем рассчитывать. Прими это и шагай.

Он примирился и зашагал. Ноги уже гудели от напряжения, спина ныла от тяжести ящика, а в горле стоял тот самый кислый, металлический запах, который теперь казался не внешним, а внутренним — словно сам лес забирался в лёгкие и оседал там тонкой плёнкой.

Прошло ещё около часа — или, может, меньше, он не был уверен, — когда Вельда остановилась так резко, что он едва не врезался ей в спину. Она подняла руку в том самом жесте, который он уже начинал бояться, и медленно, очень медленно сняла лук с плеча.

— Что? — прошептал он, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— Молчи.

Она стояла не двигаясь, чуть наклонив голову набок, и его вдруг поразило, насколько быстро она изменилась. Только что это была просто женщина, идущая по лесу — усталая, настороженная, но всё же живая, — а теперь перед ним стоял охотник. Хищник. Каждый мускул её тела напрягся, но не судорожно, а плавно, как натягивается тетива лука. Глаза сузились, губы сжались в тонкую линию. Даже дыхание, кажется, исчезло — она просто перестала дышать на эти несколько секунд.

Потом она медленно опустила руку.

— Впереди, за тем бугром, — сказала она едва слышно, — прогалина. Шагов сорок в поперечнике. Старая, мхом заросшая. Эльфы такие места не любят — слишком открыто. Но обойти её быстро не получится: справа болотина, слева — заросли шиповника с колючками в палец длиной. Я пойду первой, проверю. А ты, — она повернулась и посмотрела ему прямо в глаза, — если услышишь что-то подозрительное — не геройствуй. Падай в мох и не шевелись. Понял?

— Понял.

— Повтори.

— Падаю в мох и не шевелюсь.

— Хорошо. Жди здесь.

Она скользнула вперёд — даже не пошла, а именно скользнула, словно её ноги не касались земли, — и исчезла за толстым, в три обхвата, стволом. Арден остался один. Тишина сомкнулась вокруг него, как вода. Он стоял, прижимая к себе лямки короба, и слушал эту тишину так напряжённо, что у него заболели челюсти. Лес молчал. Корни под ногами застыли. Мох не дышал. Даже тот далёкий гул, который он привык ощущать от ящика, исчез — то ли

артефакт действительно затих, то ли слух, перегруженный тишиной, уже отказывался воспринимать оттенки.

Прошло несколько минут. Может, пять. Может, десять. Арден считал удары сердца, но быстро сбился. Он всматривался в полумрак за стволом, пытаясь угадать хоть какое-то движение, но видел только чёрные стволы, серый покров и смутные, колышущиеся тени вверху. И в какой-то момент одна из теней отделилась от ствола и стала приближаться. Он вздрогнул и уже открыл рот, чтобы позвать Вельду, когда узнал её походку — быструю, бесшумную, текучую. Спустил миг она уже стояла рядом, поправляя лук за спиной.

— Чисто, — сказала она. — Но кое-что есть. Идём, покажу.

Он последовал за ней на прогалину — и замер на краю, не в силах отвести взгляд. Прогалина действительно была старой, заросшей бурым мхом, но дело было не в ней. Посередине стояло дерево — вернее, то, что когда-то было деревом, а теперь превратилось в нечто иное. Огромный дуб, раза в два толще всех, что они видели до сих пор, был мёртв. Его кора осыпалась, ветви обломились, и только голый, изъеденный временем ствол тянулся вверх, словно окаменевшая рука. Но на высоте человеческого роста в стволе зияло дупло — широкое, чёрное, обведённое по краям какими-то знаками, вырезанными прямо в древесине. Знаки были старыми, заплывшими смолой, но всё ещё различимыми: спирали, круги, пересекающиеся линии. Они не походили ни на одну письменность, которую Арден когда-либо видел.

— Что это? — выдохнул он.

— Древнее святилище, — Вельда говорила тихо, почти шёпотом. — Такие штуки ставят в местах силы. Эльфы используют их для ритуалов. Этот давно заброшен — видишь, мох уже внутрь залез. Но знаки ещё работают.

— Работают? Как?

— Я не маг. Но чувствую — здесь что-то есть. Какая-то старая магия, совсем слабая. Спит. Если мы не будем её тревожить, она нас не тронет. Но пройти мимо и не заметить я не могла. Смотри сюда.

Она указала на землю у подножия мёртвого дуба. Там, среди мха, валялось несколько мелких предметов, полузасыпанных прелью: птичьего черепа, бусины из тёмного стекла, обрывок кожаного шнурка, а рядом — стрела. Длинная, чёрная, с оперением из вороньих перьев. Древко было целым, наконечник — стальным, трёхгранным, и на нём ещё виднелись бурые следы, которые Арден безошибочно опознал как засохшую кровь.

— Их стрела, — сказала Вельда, не прикасаясь к ней. — Кто-то здесь был. Недавно. Может, неделю назад, может, вчера. Следов вокруг нет — мох всё скрадывает. Но стрела свежая. И это значит, — она выпрямилась и оглядела прогалину с тем спокойствием, за которым явно скрывалась напряжённая работа мысли, — что мы на верном пути. Там, где есть старые святилища, всегда есть тропы. А где тропы — там посты.

— Посты? — повторил Арден, чувствуя, как внутри холодеет. — То есть они здесь рядом?

— Может, рядом. Может, нет. Но мы теперь знаем, что эта часть леса не пустая. Значит, надо идти ещё тише. И обходными путями.

Она развернулась и двинулась обратно к тропе, обходя прогалину по краю. Арден поспешил за ней, стараясь не наступать на жгуты корней, которые здесь, вокруг святилища, почему-то лежали особенно густо, как змеи, свившиеся в клубок.

— А если они нас найдут? — спросил он, догоняя её.

— Тогда, — она бросила через плечо короткий взгляд, и в нём не было ни страха, ни бравады, только усталая готовность ко всему, — я сделаю всё, что смогу, чтобы ты успел унести ящик. Больше я не обещаю. Договорились?

Он кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Впереди снова смыкались деревья, и тени под ними казались ещё чернее, чем раньше. Прогалина осталась за спиной — древнее святилище,

мёртвый дуб, стрела в бурой крови, — и Арден вдруг подумал, что эти знаки на коре, эти спирали и круги, которые он видел всего минуту назад, теперь почему-то стоят у него перед глазами и медленно пульсируют в такт его сердцу. Или это не его сердце. Или это не пульсация. Или лес уже начал с ним что-то делать.

— Не отставай, — раздался впереди голос Вельды.

И он пошёл дальше, потому что другого выбора не было. Идти вперёд — единственное, чему её научила жизнь. И теперь, кажется, это становилось единственным, чему лес учил и его.

Они прошли ещё, быть может, полмили, когда лес вокруг начал меняться — и не к лучшему. Сначала Арден заметил это краем глаза: корни, те самые толстые, узловатые корни, что до сих пор лежали неподвижно, притворяясь мёртвыми, вдруг шевельнулись. Не все сразу — один, другой, третий. Едва заметно. Как пальцы, разминающиеся после долгого сна. Он замер, открыл рот, чтобы окликнуть Вельду, но она уже и сама остановилась, вскинув голову. Её ладонь легла на рукоять ножа.

— Заметил? — спросила она тихо.

— Да. Они движутся.

— Знаю.

Она медленно, очень медленно потянула лук из чехла. Арден смотрел, как её пальцы обхватывают тисовое древко, как вторая рука тянется к колчану — и замирает, не коснувшись стрелы. Она стояла, вслушиваясь во что-то, чего он не мог услышать, и её лицо стало таким, каким он его ещё не видел: не холодным, не настороженным, а по-настоящему сосредоточенным, как у человека, который только что понял, что игра окончена и сейчас начнётся настоящий бой.

— Что там? — прошептал он.

— Засада, — ответила она одними губами. — Впереди и справа. Я слышу, как они дышат.

— Кто — они?

— Эльфы. Трое. Может, четверо. Стоят за теми стволами, у оврага. Ждут, пока мы подойдём ближе. Хорошая позиция — мы на открытом, они в тени. Если бы мы сделали ещё двадцать шагов

Она не договорила. Вместо этого одним плавным, текучим движением наложила стрелу на тетиву и подняла лук. Не натянула — просто подняла, держа наготове.

— Рив, слушай внимательно. Сейчас я выстрелю. Не в них — вон в тот ствол, видишь, где мох расходится трещиной? Там гнездо корневых гадюк. Если их разбудить, они полезут во все стороны и собьют эльфов с толку. У нас будет минута, может, меньше. В эту минуту мы бежим. Не назад — назад нельзя, они перекрыли тропу. Влево. Там ложбина и река. Река — наш шанс. Вода скрадывает следы. Понял?

— Понял. Влево. К реке.

— Молодец. И запомни: что бы ни случилось, ящик не бросай. Если потеряешь ящик — всё было зря. И я, и ты, и всё.

Она развернулась к стволу с трещиной, натянула тетиву, и Арден увидел, как пальцы лучницы, сжимающие оперение, чуть подрагивают — не от страха, нет, а от того особого напряжения, какое бывает у мастеров перед самым ответственным выстрелом. Она отпустила тетиву.

Стрела сорвалась с лука почти беззвучно — лишь лёгкий шелест, как ветер в палой листве, — и вонзилась точно в трещину на стволе, уйдя в неё по самое оперение. На мгновение ничего не произошло. Затем из трещины донёсся низкий, вибрирующий гул, и ствол словно взорвался: из него во все стороны брызнули чёрные, извивающиеся тела — десятки, сотни мелких змей, каждая в локоть длиной, с тускло-блестящей чешуёй и багровыми глазками. Они посыпались на землю, на мох, на корни и стремительно расползлись, заполняя прогалину шорохом чешуи.

И тогда эльфы вышли из теней. Их было четверо — высокие, выше любого человека, с тонкими, неестественно гибкими телами, облачёнными в лёгкие доспехи из тёмной кожи, которые, казалось, впитывали свет. Их пепельно-серая кожа в полумраке выглядела почти белой, как у покойников, а волосы — длинные, прямые, чёрные — струились за плечами, словно жидкий мрак. Но хуже всего были глаза — сплошь чёрные, без зрачков и без белков, как два провала в Бездну, и в этих глазах не читалось ни гнева, ни угрозы, ни даже интереса. Только холод. Абсолютный, равнодушный холод существа, которое знает, что ты умрёшь, и не испытывает по этому поводу никаких эмоций.

— Беги! — крикнула Вельда, и её голос разорвал тишину, как удар хлыста.

Она выстрелила ещё раз — не в эльфов, а в корни под их ногами, и стрела, снабжённая каким-то зазубренным наконечником, разорвала мох, обнажив чёрную, пульсирующую плоть земли. Корни вздыбились, переплелись, и двое эльфов запнулись, потеряли равновесие. Но двое других уже скользили вперёд — не бежали, а именно скользили, словно их ноги не касались земли, словно сам лес нёс их на себе.

Арден бросился влево, ломился через кусты, не чувствуя ни веток, хлеставших его по лицу, ни тяжести ящика, ни собственных ног. Сзади раздался звон — это Вельда, выхватив меч, скрестила его с клинком одного из эльфов. Лязг металла, свист стрелы, глухой удар — он не оборачивался, он бежал, как она велела, бежал, задыхаясь, падая и поднимаясь, и только одна мысль билась в голове: «Ящик, ящик, не потерять ящик».

Ложбина открылась внезапно — земля ушла из-под ног, и он покатился вниз по склону, поросшему скользким мхом, пока не рухнул в воду. Река — узкая, шагов десять в ширину, но быстрая и чёрная, как чернила, — подхватила его и понесла, и он вцепился в лямки короба, чувствуя, как ящик внутри пульсирует — теперь уже совершенно явно, громко, как второе сердце. И сквозь шум воды, сквозь стук собственной крови он услышал последнее, что донеслось до него из леса: резкий, короткий крик Вельды. Не крик боли. Хуже. Крик, который бросают в лицо врагу, когда уже нечего терять.

И потом — тишина. Только вода несла его, крутила, била о камни, и он не знал, жив ли ещё, и где лук, и где Серебряная Стрела, и что стало с теми, кто остался там, наверху, среди шевелящихся корней и равнодушных чёрных глаз.

Река выплюнула его через четверть мили — на отмель, заваленную склизкими камнями и обломками каких-то веток, пахнувших гнилью. Арден выполз на берег на четвереньках, кашляя и отплёвываясь, стащил с плеч намокший короб и рухнул лицом в мох. Лёгкие горели, ноги дрожали, в ушах до сих пор стоял тот самый крик — резкий, яростный, оборвавшийся на полузвук. Он лежал долго, может, минуту, может, пять, пытаясь восстановить дыхание, а перед глазами плыли чёрные круги.

Потом он заставил себя сесть. Вода стекала с волос, с одежды, хлюпала в сапогах. Короб с ящиком был цел — ремень лопнул в одном месте, но сам ящик, когда Арден судорожно проверил печати, остался невредим. Сургуч держал, змея, кусающая хвост, смотрела на него с прежней холодной усмешкой. Он машинально погладил крышку, словно успокаивая живое существо, и тут же одёрнул себя: ящик не живой. Ящик — просто вещь. Просто груз.

Он поднялся на ноги. Лес вокруг молчал — так же глухо и безучастно, как прежде. Корни не двигались. Мох не дышал. Река, смывшая его следы, тихо журчала за спиной, унося чёрную воду куда-то в глубь леса. И где-то там, наверху, за ложбиной и оврагом, осталась она. Одна. Против четверых.

Он постоял, держась за мокрый ствол какого-то карликового деревца, и попытался думать. Что она велела? «Беги». Он побежал. «Ящик не бросай». Он не бросил. «Вода скрадывает следы». Да, вода скрала. Но теперь он был один, без проводника, без карты, без малейшего представления о том, где находится и куда идти. Впереди — лес. Позади — лес. И Вельды больше нет. Или есть?

Он оттолкнулся от ствола и сделал шаг обратно к воде, всматриваясь в ту сторону, откуда его принесло. Река здесь делала излучину, зажатую между двумя скалистыми берегами, поросшими мхом и мелкими, похожими на папоротник растениями. Вверх по склону, если присмотреться, виднелась полоса примятого мха — след его падения. А дальше — темнота. Лес. И тишина, в которой не было ни звука боя.

«Если услышишь что-то подозрительное — падай в мох и не шевелись». Он не услышал ничего. И теперь это молчание казалось ему хуже любого крика. Если бы она была жива, разве не дала бы о себе знать? Хотя бы свистом, хотя бы условным знаком, о котором они не договаривались, но который любой выживший в такой ситуации попытался бы подать? Или нет. Или она лежит там, наверху, истекая кровью и не в силах позвать. Или её уже тащат в темноту, в глубь леса, туда, где из стволов выступают чёрные наплывы смолы с силуэтами внутри.

Он сжал кулаки. Вспомнил её слова в таверне: «Ты бросаешь меня и уходишь. Понял?» Он тогда ответил: «Я не брошу». Она усмехнулась и сказала: «Все так говорят». И вот теперь он стоял у реки, один, с мокрыми ногами и чужим ящиком за спиной, и понимал, что она была права насчёт него. Насчёт всех. Он бросил. Потому что она велела. Потому что ящик важнее. Но от этого понимания легче не становилось.

— Нет, — сказал он вслух, и голос прозвучал сипло, но твёрдо. — Нет. Я не уйду.

Он не знал, кому это говорит. Лесу. Себе. Ей. Но слова уже были сказаны, и от них стало чуть спокойнее. Он подтянул ляжки короба, затянул их потуже и начал карабкаться вверх по склону — медленно, осторожно, стараясь производить как можно меньше шума. Мох пружинил под сапогами, камни выскальзывали из-под рук, но он лез, цепляясь за корни и кусты, пока не выбрался наверх, на ту самую прогалину, где всё случилось.

Здесь царил хаос. Мох был выдран клочьями, на земле виднелись глубокие борозды — следы клинков, подошв и когтей. Ветка ближайшего дерева была обломана и свисала, истекая густым, медленным соком. Повсюду валялись дохлые корневые гадюки — скрюченные, перерубленные пополам или просто раздавленные. И посреди всего этого — стрела. Её стрела. Та самая, с оперением из тёмных перьев, которую он видел в колчане. Она вонзилась в ствол дерева на высоте человеческого роста, глубоко, по самое оперение. На наконечнике — кровь. Не человека. Эльфийская: она была почти чёрной, с зеленоватым отливом.

Арден шагнул ближе, оглядываясь. Следы боя уходили вправо, за густую заросль шиповника. Он двинулся по ним, стараясь не наступать на гадюк. Здесь Вельда стояла, отбиваясь мечом — вон, даже зарубка на камне. Здесь она отступила на два шага. Здесь упал один из эльфов — на мху осталось тёмное пятно. А здесь Он замер. На земле, вмявшись в мох, лежал её лук. Тисовое древко было сломано пополам. Тетива обвисла мёртвой змеей. А рядом с ним отпечатался след — длинный, глубокий, словно кого-то волокли, упирающегося, но уже не способного сопротивляться.

Арден опустил на колени и сжал обломок лука в руке — того самого лука, который она так аккуратно убирала в чехол. Вспомнил, как она учила его ставить ногу, как дышать в такт шагу. Лук был тёплым. Или ему казалось. Или это его собственное тело, всё ещё разгорячённое бегом по реке, не давало остыть ощущениям. Она жива. Они взяли её живой. Зачем? Зачем эльфам пленница? Ответ пришёл сам, холодный и очевидный: за тем же, за чем они охотятся на всех, кто входит в лес. Информация. Они хотят знать, кто они такие, откуда, зачем и — главное — что в ящике. И они будут её пытаться.

Внутри у него что-то оборвалось и снова срослось, но уже по-другому — неправильно, криво, как срастаются кости после плохо наложенной шины. Он смотрел на сломанный лук и думал о том, что эта женщина, которую он знает всего несколько дней, которая обещала убить его, если он солжёт, и которая только что прикрыла его спину ценой собственной свободы, сейчас находится где-то там, в темноте, в руках существ с чёрными глазами без зрачков. И он —

он, который ничего не умеет, у которого нет ни магии, ни меча, ни храбрости, — единственный, кто может её спасти. Или хотя бы попытаться.

Он поднял с земли обломок стрелы, сунул за пояс, на всякий случай, и двинулся по следам волочения в глубь леса. Лес смыкался за ним — медленно, вкрадчиво, словно зверь, решивший посмотреть, как далеко зайдёт эта странная, глупая добыча.

Он шёл по следу, пока хватало света. Света, впрочем, хватило ненадолго. В Чаше, где день и без того был сумерками, вечер наступал стремительно — не плавно, как снаружи, а резко, словно кто-то задувал невидимые свечи одну за другой. Сначала мерцание крон наверху потускнело до едва различимого тления, потом и вовсе исчезло, оставив мир в такой кромешной тьме, какой Арден не видел никогда в жизни. Он остановился, тяжело дыша, и выставил перед собой руки. Пальцы исчезли. Он не видел их. Он не видел вообще ничего.

Страх накатил волной — не тот, что заставляет бежать, а тот, липкий и парализующий, что забирается в грудь и сидит там, мешая дышать. Он stood в абсолютной темноте, посреди леса, где каждое дерево могло оказаться врагом, и не имел ни малейшего представления, куда идти дальше. Следы волочения давно потерялись. Звуков не было. Даже река позади умолкла, поглощённая расстоянием и мхом. Только собственное дыхание — громкое, хриплое, жалкое — и пульс в висках.

— Вельда, — прошептал он, просто чтобы услышать хоть какой-то звук. Имя упало в тишину и исчезло без следа.

В этот миг ящик за его спиной шевельнулся. Не физически — он по-прежнему лежал в коробе, тяжёлый и неподвижный, — но внутри. Там, под слоями упаковки, под сургучом и печатями, что-то проснулось. Арден почувствовал это кожей — слабое, едва уловимое тепло, идущее от ящика, и с ним — низкий, почти неслышный гул, похожий на вибрацию далёкого колокола. И странное дело: страх не усилился, а наоборот — чуть отступил, словно артефакт внутри ящика потянулся к его страху и впитал его часть.

— Что ты такое? — пробормотал Арден, хватаясь за лямки короба. Ответа не было, но в голове сама собой возникла мысль — не его, чужая, скользнувшая в сознание, как угорь: *«Тьма не враг. Тьма — укрытие»*. Он потряс головой, отгоняя наваждение. Нет. Это всё нервы. Усталость. Темнота. Не может ящик говорить. Не может артефакт думать. Но тепло за спиной не исчезало, и вместе с ним пришло странное, почти неестественное спокойствие, какого он не испытывал с того самого момента, как Даргот переступил порог его лавки. Он больше не паниковал. Он стоял в темноте, один, в сердце Чащи, и дышал ровно.

И тогда он услышал голоса. Не внутри головы — снаружи. Тихие, гортанные, перетекающие друг в друга, как вода в ручье. Голоса эльфов. Они доносились откуда-то слева, из-за плотной стены кустарника, и с каждым мгновением становились громче. К ним примешивались другие звуки: шорох шагов по мху, лязг металла, приглушённый стон. Человеческий стон.

Вельда.

Арден присел за толстым стволом, вжался в мох и затаил дыхание. Сердце снова заколотилось, но теперь это был не тот парализующий страх, что несколько минут назад, а острый, почти радостный выброс адреналина: она жива. Она здесь. Они пронесли её мимо него, не заметив.

Он осторожно выглянул из-за ствола. Из темноты, прорезая её неярким, колеблющимся светом, выступила процессия. Четверо эльфов — те же, что напали на них у оврага, или другие, он не мог сказать, — шли цепочкой, и в руках у переднего пульсировал бледный голубоватый огонёк, заключённый в прозрачный шар на конце посоха. Свет был слабый, неживой, но достаточный, чтобы разогнать тьму на несколько шагов вокруг. В его мерцании лица эльфов казались ещё более чуждыми, ещё более далёкими от всего человеческого: резкие скулы, тонкие, почти отсутствующие губы, и чёрные глаза, которые не отражали свет посоха, а поглощали его, как два провала в пустоту.

Посередине процессии, подвешенная за руки к длинному шесту, который несли двое, висела Вельда. Голова её была опущена, пепельные волосы рассыпались, закрывая лицо. Одежда разорвана в нескольких местах, на левом плече — тёмное пятно, расплывающееся по коже. Ноги волочились по мху, оставляя длинный, неровный след. Она не двигалась.

Арден сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Внутри всё кипело, требовало действия — броситься на эльфов, ударить, схватить её и бежать, — но он остался на месте. «Не геройствуй», — звучал в памяти её собственный голос. «Если услышишь что-то подозрительное — падай в мох и не шевелись». Она сама учила его этому. И сейчас, глядя, как её, полуживую, несут сквозь лес, он понимал, что любое геройство здесь закончится смертью — его и, вероятно, её.

Эльфы прошли мимо, не заметив его. Их голоса звучали отрывисто, гортанно, как карканье воронов. Языка он не понимал, но тон был деловой, будничной — словно они не пленницу тащили, а обсуждали какую-то рутину. Последний в цепочке задержался на мгновение, повернул голову, и его чёрные глаза скользнули по стволу, за которым прятался Арден. Торговец замер, перестав дышать. Эльф смотрел — или ему казалось? — секунду, другую, а потом двинулся дальше, догоняя своих. Мох скрадывал шаги. Через минуту процессия скрылась за поворотом тропы, и только слабое голубое мерцание ещё некоторое время маячило между стволами, пока и оно не исчезло.

Арден выдохнул и медленно, очень медленно опустился на мох. Его трясло. От холода, от страха, от ярости — от всего сразу. Он знал, что не может напасть на четверых эльфов с обломком стрелы за поясом и ящиком за спиной. Он знал, что единственный способ помочь Вельде — остаться в живых и найти способ добраться до неё позже. Но от этого знания было тошно.

Он поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда ушла процессия. Там, впереди, в непроглядной тьме, находилось что-то важное. Возможно, их лагерь. Возможно, то самое святилище, о котором она говорила. Возможно, место, где содержат пленников. И он пойдёт туда. Не сейчас — сейчас он не видел вообще ничего, и идти в полной темноте было бы самоубийством. Но как только свет вернётся, он найдёт их. И тогда

«Тогда — что? — спросил он себя. — Ты даже не маг. У тебя нет оружия. Ты трус и лавочник».

— Зато у меня есть ящик, — прошептал он в ответ, и в его голосе прозвучала странная, незнакомая ему самому решимость. — И в этом ящике что-то, за что платят двести корон. Может, пришло время узнать, что именно.

Он забрался поглубже под корни старого дерева, образовывавшие нечто вроде норы, прижал короб к груди и закрыл глаза. Спать здесь было нельзя — она сама говорила. Но он не спать собирался. Он собирался ждать. Ждать рассвета. Или того, что сходило здесь за рассвет. А когда придёт время — идти вперёд. Потому что назад — нельзя.

Часть II. Глава 17. Крик в темноте

Очнулась Вельда от боли — старой, знакомой, тупой, пульсирующей в левом плече, куда пришёлся удар эльфийского клинка, и острой, режущей болью в запястьях, стянутых грубой верёвкой над головой. Она висела, не касаясь ногами земли, и собственный вес медленно, неумолимо вытягивал суставы из суставных сумок. Где-то она уже испытывала это раньше — в Ордене, на тренировках, когда молодых курсантов подвешивали за руки и заставляли висеть час, два, три, пока не научатся терпеть. Тогда она продержалась дольше всех. Сейчас это воспоминание казалось ей почти забавным.

Она приоткрыла глаза. Вокруг был полумрак, но не тот зелёно-бурый сумрак Чащи, к которому она начала привыкать за день пути, а другой — багровый, пульсирующий, как отсвет далёкого пожара. Свет исходил от стен, или, вернее, от того, что росло на стенах: по каменной кладке, грубой и древней, тянулись толстые, мясистые лианы, и внутри этих лиан, под полупрозрачной кожицей, что-то светилось — медленно, ритмично, в такт биению невидимого сердца. Подземелье. Они утащили её под землю. В тот самый храм-древо, о котором в Белогорье ходили слухи, граничащие с бредом: дескать, эльфы поклоняются не богам, а самому лесу, и их святилища — это живые деревья, растущие вниз, в глубину, к самому сердцу земли.

Похоже, слухи не врал. Зал, в котором она висела, был невелик, но высок — свод терялся где-то наверху, в багровой мгле. Стены, сложенные из грубо отёсанного камня, перемежались живой древесиной: толстые корни дуба, того самого, что, вероятно, стоял наверху, пронизывали кладку, как вены пронизывают плоть. На корнях, на камнях, даже на полу — всюду виднелись вырезанные знаки, те самые спирали и пересекающиеся круги, что они с Арденом видели на заброшенном святилище у прогалины. Только здесь знаки были свежими, глубокими, и внутри них тоже пульсировал свет — не багровый, а бледно-голубой, как тот, что излучал посох эльфа.

Воздух был тяжёлым, спёртым, пахло сырой землёй, старой кровью и чем-то сладковатым — не то гниющими грибами, не то разлагающейся плотью. Вельда втянула его носом и поморщилась. Запах был знаком до тошноты: так пахли подвалы Ордена, когда она ещё служила, — подвалы, куда приводили пленников и откуда их выносили уже не способными говорить.

— Очнулась, — произнёс голос. Эльфийский. Низкий, гортанный, но язык был человеческим, понятным — только слова звучали так, словно их катали во рту, пробуя на вкус.

Она подняла голову и встретила с ним взглядом. Эльф стоял шагах в пяти, скрестив руки на груди. Тот самый, что возглавлял атаку. Высокий, жилистый, с пепельной кожей и длинными чёрными волосами, заплетёнными в десятки тонких косиц, унизанных мелкими костяными бусинами. На нём был лёгкий доспех из тёмной, почти чёрной кожи, искусно выделанной и украшенной тиснением. В правой руке он держал обнажённый клинок — длинный, узкий, слегка изогнутый, как сабля, но заточенный только с одной стороны. Клинок был чист. Пока чист.

— Я — Кейлит, — сказал он. — Командир этой стражи. Ты нарушила границу Чащи с оружием в руках. Твой спутник бежал. Но он далеко не уйдёт. А ты ответишь на мои вопросы. Сейчас или позже. Быстро или медленно. Выбор за тобой, но итог один: ты заговоришь.

Вельда молчала. Она смотрела на него и думала о том, что эльфы, какими их рисуют в книгах — прекрасные, бессмертные, высокомерные, — имеют мало общего с этим существом. В лице Кейлита не было ни следа той утончённой красоты, которую приписывали его народу. Была хищная, обострённая долей чуждость. Была усталость, глубокая, многолетняя, залёгшая складками у рта. И было что-то ещё, что Вельда распознала без труда, потому что видела это в зеркале каждое утро: холодная, выжженная изнутри решимость, какая бывает только у тех, кто давно перестал надеяться, но ещё не разучился выполнять приказы.

— Меня зовут Вельда, — сказала она. Голос звучал хрипло, но ровно. — Серебряная Стрела. И я не отвечаю на вопросы без защитника.

Кейлит склонил голову набок — то ли не понял шутки, то ли не оценил.

— Ты не в том положении, чтобы острить.

— Я всегда не в том положении. Привычка.

Он шагнул ещё ближе — теперь его лицо было всего в ладони от её. Чёрные глаза, лишённые зрачков, оказались неожиданно глубокими: в них можно было разглядеть крошечные алые точки, словно отражения далёких звёзд на дне колодца. От него пахло сухой землёй и чем-то пряным, как гвоздика.

— Мне нужно знать, — произнёс он тихо, почти шёпотом, — откуда у людей этот артефакт. Что вы везли. Кто вас послал. И зачем. Ответ сейчас, и умрёшь быстро. Я не получаю удовольствия от пыток.

— А я не получаю удовольствия от предательства, — ответила она. — Так что мы в тупике.

— Твой спутник тебя бросил. Он сейчас где-то там, в лесу, и молится, чтобы мы его не нашли. А ты висишь здесь и защищаешь его. Почему? Из верности? Из чувства долга? — эльф чуть прищурился, и алые точки в его глазах вспыхнули ярче. — Или ты просто не знаешь ответов на мои вопросы? Может, он тебя использовал? Может, ты для него — просто щит, который не жалко потерять?

Вельда усмехнулась разбитыми губами. Во рту стоял медный привкус крови.

— Он — торговец. Он боится собственной тени. Он не маг, не воин, не герой. И да, он меня бросил. Как я ему и велела.

— И ты всё равно его защищаешь?

— А ты своих защищаешь? — она кивнула на стоявших у входа стражей — двоих, с луками и короткими клинками. — Даже зная, что они обречены торчать в этом лесу до самой смерти, потому что кто-то когда-то проиграл войну и подписал ваш Договор Крови? Даже зная, что их дети никогда не увидят солнца? Ты всё равно стоишь здесь и выполняешь приказы?

Лицо Кейлита не изменилось. Но алые точки в его глазах на мгновение потускнели.

— Ты ничего не знаешь о Договоре, — сказал он.

— Я знаю достаточно. Я знаю, что ваш народ — не стражи, а рабы. И что ты, Кейлит, носишь свои костяные бусы не как украшение, а как память о тех, кто пытался нарушить приказ и погиб. Я знаю это, потому что я сама носила такие же, — она перевела дыхание, — только серебряные.

Эльф долго молчал. Потом медленно, очень медленно провёл пальцем по лезвию своего клинка — и на стали осталась тонкая алая полоса. Он поднял окровавленный палец к её лицу.

— Ты сильная. Это хорошо. Сильные умирают долго. И в долгой смерти есть время для разговора.

Он повернулся к стражам и бросил короткую фразу на своём гортанном языке. Те двинулись вперёд, и в их руках Вельда увидела то, от чего кровь похолодела даже у неё: корни. Живые, извивающиеся, которые эльфы держали, как змей, и на концах этих корней пульсировали крошечные алые огоньки — точно такие же, как те, что горели в глазах Кейлита.

— Это займёт время, — сказал он, отходя в тень. — Но ты заговоришь. Они все говорят.

Вельда закрыла глаза и ушла глубоко в себя, туда, где ещё хранились обрывки старых молитв, которым учили в Ордене, и воспоминания о том, каково это — умирать. Не в первый раз. И, возможно, в последний. Но пока она ещё дышала, пока в ней теплилась жизнь, она знала одно: этот эльф не узнает от неё ничего. Не потому что она героиня. А потому что единственное, что у неё осталось, — это право распоряжаться собственной смертью. И она не отдаст его никому.

Корни зашевелились, приближаясь, и в их пульсации ей почудился ритм — медленный, как сердцебиение самой Чащи. Они остановились в полудюйме от её лица. Вельда смотрела на них, не отводя глаз. Она знала этот приём — вернее, слышала о нём. В Ордене Серебряных Часовых был старый мастер-дознаватель, который любил рассказывать курсантам о методах допроса, принятых у других рас. «Корона корней», — называл он это с мрачным восхищением. Медленное прорастание древесных волокон сквозь кожу, сквозь мышцы, вдоль нервных стволов. Они двигаются не быстро — не быстрее, чем растёт трава, — но каждый их рывок, каждое микроскопическое удлинение отдаётся в теле такой болью, будто тебя режут изнутри. И самое страшное: они не убивают. Пока не прикажут.

Кейлит стоял в стороне, прислонившись спиной к пульсирующей стене святилища, и ждал. Его лицо было бесстрастно, но Вельда заметила, что он не смотрит на корни. Он смотрит на неё — на её глаза, стиснутые зубы, вздувшиеся жилы на шее. Ему нужна была не пытка. Ему нужна была реакция.

— Итак, — произнёс он, когда тишина затянулась до предела. — Первый вопрос. Откуда у людей этот артефакт?

Вельда облизнула пересохшие губы. Язык едва ворочался, во рту было сухо, как в пустыне, но голос, когда она заговорила, прозвучал почти ровно:

— Из лавки.

— Что?

— Из лавки древностей. В Белогорье. «Редкости Рива». Хорошая лавка, кстати. У них там есть заспиртованный глаз василиска. Мутный, правда. Но для коллекции

Кейлит моргнул — медленно, как ящерица.

— Ты надо мной издеваешься.

— Немного, — признала она. — Но ты спросил — я ответила. Артефакт нам передал наниматель. Маг. Имени его я не знаю, а если бы знала — не сказала бы. Я не из тех, кто сдаёт заказчиков.

— Даже под пыткой?

— Особенно под пыткой. — Она криво усмехнулась. — Репутация, знаешь ли. Стоит один раз расколоться, и потом уже никто не нанимает. А жить на что-то надо.

Эльф оттолкнулся от стены и подошёл ближе. Корни у её лица дрогнули и чуть подались вперёд — самую малость, на волосок, — но она почувствовала это кожей: холодное, влажное прикосновение, от которого по спине пробежала судорога.

— Ты не понимаешь, — сказал Кейлит тихо. — Это не обычный допрос. Мне плевать на твою репутацию, на твоего нанимателя и даже на тебя. Но артефакт, который вы несёте, — он опасен. Не для нас. Для всего. Если он попадёт не в те руки

— А ваши руки, стало быть, — те самые? — перебила она.

— Наши руки — единственные, которые не выпустят его из Чащи, — отрезал он. — Мы стражи. Мы храним границу. Тысячу лет мы стоим здесь и не даём ничему войти и ничему выйти. Ты думаешь, мы убиваем людей из жестокости? Из ненависти? — он покачал головой. — Мы убиваем потому, что таков Договор. Любой, кто несёт магию через этот лес, — угроза. Любой, кто переступает черту с оружием или артефактом, должен умереть. Так было всегда. Так будет, пока стоит лес.

— Красивая речь, — сказала Вельда. — Но я всё равно не скажу.

— Почему?

— Потому что ты хочешь знать не только, откуда артефакт, — она посмотрела ему прямо в глаза. — Ты хочешь знать, куда мы его несли. И кому. А это уже не про безопасность Чащи. Это про что-то другое. Может, про то, что вы, стражи, боитесь. Может, про то, что Договор, о котором ты говоришь, — не такой уж нерушимый. Может, вы ищете способ его разорвать. И этот артефакт — ключ.

На мгновение в его глазах что-то мелькнуло. Не гнев. Не страх. Скорее — тень подтверждения. Словно она попала в точку, о которой он сам думал долгими ночами, но никогда не произносил вслух. Потом это исчезло — сменилось прежней, ледяной бесстрастностью.

— Ты умна, — сказал он ровно. — Жаль. Умные умирают труднее.

Он подал знак. Корни рванулись вперёд.

Вельда стиснула зубы. Первое прикосновение было почти нежным — холодные усики скользнули по её предплечьям, оставляя влажный след. Потом они начали ввинчиваться. Медленно. Неумолимо. Она чувствовала, как тончайшие волокна проходят сквозь поры кожи, как они раздвигают ткани, обвивают нервы, и каждый нерв отзывался вспышкой боли — не острой, режущей, а глубинной, выворачивающей наизнанку, как будто сама её суть протестовала против этого вторжения. Она закричала. Не от слабости — от неожиданности. Тело само исторгло звук, раньше, чем она успела его подавить, и крик этот заметался под каменными сводами, отразился от пульсирующих лиан, вернулся к ней искажённым, чужим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.